

ВСТРЕЧАЕМ ПО ОДЕЖКЕ

Как русский костюм
плыл по жизни

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

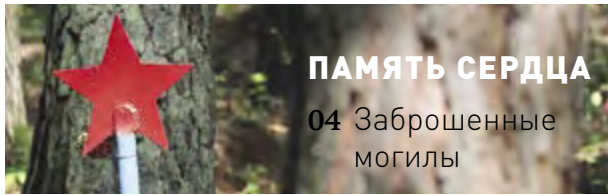
РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

04 Зброшенны
могилы

ИСТОРИЯ

08 Время
ведьм.
Великие
Романовы

16 Петр I и заговоры
белых роз

24 Путешествие
из Петербурга
в Москву виконта
д'Арленкура

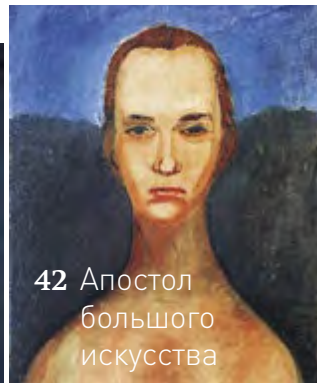
НАСЛЕДИЕ

30 Амур
в уланской
шапке

36 Пустыня,
морозы, татары
и Робинзон

42 Апостол
большого
искусства

КУЛЬТУРА

50 Чудесный сад
Герберта Гензе

58 О русском стиле
замолвите слово

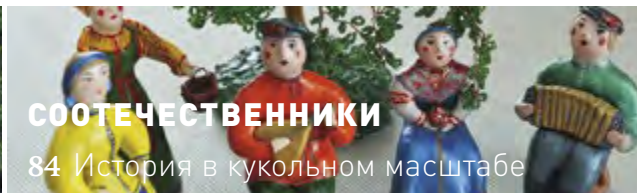

68 «Волжская
Третьяковка»

МУЗЕИ

74 «Бог
хранит
все»

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

84 История в кукольном масштабе

ГОРОДА РОССИИ

90 Волок
да волок –
Вологда!

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА

(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА

Александр БУРЫЙ

Сергей ВИНОГРАДОВ

Максим ГУСЕВ

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Михаил ЗОЛОТАРЕВ

Дмитрий КОПЕЛЕВ

Алексей МАКЕЕВ

Елена МАЧУЛЬСКАЯ

Зоя МОЗАЛЁВА

Татьяна НАГОРСКИХ

Андрей СЕМАШКО

Наталья ТАНЬШИНА

Дмитрий УРУШЕВ

Денис ХРУСТАЛЁВ

Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ЗАБРОШЕННЫЕ МОГИЛЫ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЧЕМ ДАЛЬШЕ ОТ НАС ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ, ТЕМ МЕНЬШЕ В РОССИИ ОСТАЕТСЯ ЗАБЫТЫХ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ: В СТРАНЕ РАБОТАЮТ СОТНИ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ И ТЫСЯЧИ АКТИВИСТОВ, ВОЗВРАЩАЮЩИХ ИЗ ЗАБВЕНИЯ ТЕХ, КТО ПОГИБ В ТОЙ СТРАШНОЙ ВОЙНЕ. ОДНАКО РАБОТАТЬ ЕЩЕ ЕСТЬ НАД ЧЕМ. НА ОКРАИНЕ ЕКАТЕРИНБУРГА, В ЖИЛОМ РАЙОНЕ УКТУС, КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» ОБНАРУЖИЛ МАСШТАБНОЕ ВОИНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ, КОТОРОЕ ПОКА НЕ БЛАГОУСТРОЕНО...

П БЛЬНАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К серым высоткам мимо прожаривших от времени гаражей. Бетонные блоки перекрывают въезд в расположенный рядом лес. Там, в полусотне метров от жилых домов, под сенью деревьев приютилось небольшое захоронение. Официально оно не признано, однако местные жители, общественные деятели, военные разных чинов, а также курсанты и преподаватели расположенного здесь же артиллерийского института давно знают о нем и по мере сил поддерживают порядок. «Здесь похоронены офицеры Рабоче-крестьянской Красной армии, умершие от ран и болезней: младший лейтенант Васильев Григорий Васильевич,

младший военный техник Горкуш Василий Николаевич, лейтенант Князев Николай Данилович, младший лейтенант Курочкин Сергей Назарович, старший лейтенант Николаев Михаил Яковлевич» – гласит табличка на одном из первых памятников, который встретился мне на самом заметном надгробии.

Называть это место кладбищем нельзя: по документам оно никогда не существовало, что подтверждает и директор Государственного архива Свердловской области Анастасия Константинова. «В архивном фонде Р-286 «Екатеринбургский городской Совет народных депутатов и его Исполнительный комитет» сведений о захоронениях в Уктусском лесопарке в 1941–1945 годах не выявлено», – говорит Анастасия

Александровна и уточняет, что никаких других документов о захоронениях в городе Свердловске (так в те годы назывался Екатеринбург) в годы Великой Отечественной войны в главном областном архиве нет.

Полсотни могил со старыми, покосившимися надгробиями и крестами. Часть с оградками. Есть могилы, которые почти совсем ушли в землю. Иные почти поглотила лесная растительность. Могил, за которыми следят, совсем немного. Правда, есть тут и венки, и цветы, явно принесенные недавно. К сожалению, больше ничего не напоминает о том, что здесь покоятся люди: нет ни урн, ни оградки, ни указателей, а на карте города это место никак не обозначено – здесь указан только лес. И неудивительно, что местные жители выгуливают тут собак, а по бутылкам и прочему бытовому мусору легко догадаться, что нередко здесь отдыхают целыми компаниями.

БОЛЕЕ 200 ПОХОРОНЕННЫХ

Могилы на уктусском «кладбище» появлялись стихийно и в разные годы. От привычных кладбищ это место отличается хаотичностью расположения захоронений: ряды не соблюдены, одни могилы перпендикулярны другим, рядом с облагороженными встречаются и полностью заброшенные. Все становится понятно, когда выясняешь историю этого места. В лесопарке свое последнее пристанище нашли военнослужащие, скончавшиеся от ран в госпиталях, и те, кто умер уже после окончания Великой Отечественной войны.

Уральские краеведы объясняют: это захоронение пациентов эвакуационных госпиталей №4003, №4004 и №4007.

Все они были расквартированы в микрорайоне Уктус города Свердловска. Уктус в те годы был заметно удален от центра города, только начинал осваиваться. На уктусских окраинах, окруженных лесом, и располагались госпитали. По словам уже ушедшего из жизни краеведа Владимира Комарского, который долгие годы занимался исследованием воинских захоронений Екатеринбурга, уктусское состоит не менее чем из сотни могил, часть из которых за десятилетия бесхозности ушла в землю. Другая часть, примыкающая к западной стене построенного после войны артиллерийского института, сохранилась благодаря стараниям курсантов.

«Холмиков очень много, на некоторых еще есть надгробия – памятники и кресты», – рассказывал Владимир Яковлевич и уточнял, что в 1990-е и в начале 2000-х на этом месте была свалка – прямо у могил.

У главы благотворительного фонда «Мемориал Романовых» Ильи Корвина имеются уточненные данные. По его словам, на этом месте документально зафиксированы могилы 163 солдат и офицеров. Еще около 60 – гражданские захоронения. Историк-генеалог Оксана Корнева уточняет, что администрация одного только госпиталя №4004 в годы Великой Отечественной войны столкнулась с необходимостью похоронить по меньшей мере 32 умерших бойца. В годы Великой Отечественной в Екатеринбурге функционировали 12 кладбищ, включая так называемое Уктусское – несмотря на аналогичное название,

Забота о погибших солдатах и офицерах времен Великой Отечественной войны для многих поисковиков – дело первостепенной важности. Алексей Александрович Зыков не исключение

оно находится в нескольких километрах от данного захоронения и не имеет к нему никакого отношения. Хотя, по сведениям Корневой, умерших в госпиталях хоронили одновременно и там, и там. По ее словам, погребения умерших военнослужащих, как правило, производились на расположенных вблизи госпиталей кладбищах, а если их не было – то прямо в лесу. «Я для

Несколько лет назад на одном надгробии появилась табличка с увековеченными на ней фамилиями офицеров. А вот фамилий рядовых там нет...

себя ситуацию с появлением неофициального захоронения так объясняю: надо было умерших от ран людей быстро хоронить, рядом было удобное место – пусть нелегальное, но проще же закопать умерших здесь, чем везти куда-то в другой район, – рассуждает она и вспоминает, как в юности тренировалась, бегала по Уктусскому лесопарку и видела несколько захоронений. – Помню, за одной из могил явно кто-то ухаживал. Дальше нее я не ходила, хотя и видела, что есть там и еще холмики, но они не были так четко оформлены, а некоторые не имели надгробий и памятников».

ИСТОРИЯ ОДНОГО СОЛДАТА

В одной из могил уктусского захоронения – для ясности будем называть его так – похоронен Алексей Семенович Коковихин, скончавшийся в 1946 году от тяжелых ранений. Как рассказывает председатель Свердловской областной общественной организации «Семьи погибших воинов» Алексей Зыков, это родной отец его товарища – Евгения Алексеевича Коковихина, узнавшего о месте захоронения своего отца по чистой случайности.

Поисковик Зыков говорит, что много беседовал с другом о его отце-фронтовике и однажды поинтересовался, нет ли у Алексея Семеновича хоть каких-то наград. «Ничего нет», – развел руками сын солдата и вспомнил, как мать рассказывала, что отец проходил в госпитале лечение, а когда умер, никто даже не согласовывал с семьей место погребения, поставив родных перед фактом, что их муж и отец будет похоронен в лесу, а не на официальном кладбище микрорайона Уктус.

«То есть похоронить решили не на кладбище, которое было недалеко и где человеку, отдавшему жизнь за Победу, были бы возданы хоть какие-то почести, а просто так, среди сосен», – удивляется Алексей Александрович и уточняет, что к умирающим в госпиталях и в годы войны, и какое-то время после нее порой проявляли безразличие.

И только в 1990-е годы, когда и страна изменилась, и отношение к памяти стало другим, ситуация изменилась: уктусское захоронение перестали игнорировать. Да и скрывать очевидное было уже невозможно: город разрастался, глухой лес становился все доступнее для населения, люди начинали задавать вопросы.

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЛИЦА
НЕ ПОСЕЩАЮТ**

И все же к уктусскому захоронению власть в XXI веке относится довольно странно. Никто вроде и не оспаривает, что история захоронения и каждого из тех, кто лежит в этой земле, имеет прямое отношение к Великой Отечественной войне. Однако дальше этого дело не идет: вопросы благоустройства и охраны территории на совещаниях не обсуждаются, в перечни мероприятий в рамках празднований Дня Победы и Дня памяти и скорби это место не входит, официальные лица его не посещают.

Еще двадцать лет назад, когда первые журналисты стали рассказывать об этом захоронении, намекая, что неплохо было бы привести его в порядок и взять на муниципальный баланс, администрация «Комбината специализированного обслуживания» (это предприятие занимается содержанием и обслуживанием всех кладбищ уральской столицы. – Прим. авт.) заявляла, что для нее такие захоронения – это дополнительные финансовые проблемы, которые «не нужны». При этом федеральный закон «О погребении и похоронном деле» предписывал местным властям обозначать такие территории как кладбища и благоустраивать их. Прошли годы, но ситуация так и не изменилась.

Офицерам, которые покоятся здесь, еще, можно сказать, «повезло». Их увековечили для потомков. А вот о рядовых кому позаботиться? До нас частично дошли только их фамилии, имена с отчествами да годы жизни.

В администрации Екатеринбурга сообщают, что по состоянию на 1981 год все останки воинов Красной армии, о которых было известно на тот момент, перезахоронены на территории Широкореченского кладбища, а их имена увековечены там же, на мемориале.

«Военным комиссариатом Свердловской области дополнительно были выявлены сведения от 954 бойцов, но не места их захоронения, в том числе умерших в эвакогоспиталях на территории бывшего поселка Уктус, фамилии которых увековечены на Широкореченском мемориале к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне», – объясняет начальник управления ЖКХ мэрии уральской столицы Александр Брагин.

ПОДПОЛКОВНИК АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ

Судьба одного из воинов вызывает особый интерес. Речь об Алексее Петровиче Лосеве, скончавшемся 5 августа 1944 года. В 2008 году его прах был перенесен с уктусского захоронения на воинский мемориал Михайловского кладбища города Екатеринбурга. Дело было так: в администрации тогдашнего губернатора Свердловской области, Эдуарда Росселя, каким-то образом выяснили, что Лосев в давнем прошлом был руководителем артиллерийского института. На его надгробии чья-то рука аккуратно вывела «Герой Советского Союза», что и заинтересовало чиновников.

В ходе расследования, которое предварило эксгумацию и перезахоронение, удалось установить: официальным «героем» Алексей Петрович не был. Он служил на фронте и носил звание подполковника, был командиром запасного танкового полка №11. Из-за ранения был отправлен на Урал, где подлечился и принял предложение учить курсантов – будущих артиллеристов. Ученики так полюбили своего руководителя-фронтовика, что после смерти его похоронили за оградой училища, а могила со временем стала местом их регулярных встреч. Такой стихийный «мемориал» просуществовал более полувека – по всей вероятности, именно курсанты приписали Лосеву звание, которого у него никогда не было.

Алексея Александровича издавна интересовали исторические загадки. В их числе оказалось и уктусское захоронение

Несмотря на это, власти взялись за увековечение памяти. Разыскали внука Алексея Петровича – Игоря Ковязина, которого и пригласили на торжественную, со всеми воинскими почестями, церемонию перезахоронения на действующем воинском мемориале Михайловского кладбища в центре Екатеринбурга. Родственник Лосева честно признался тогда, что вообще ничего не знал о своем деде.

Кстати, Владимир Комарский отмечал, что за несколько лет до перезахоронения подполковник Лосев уже был увековечен на воинском мемориале на Широкой Речке – здесь на одном из щитов с именами воинов-уральцев трудами неравнодушных краеведов появилась его фамилия.

ПРИЙТИ К «СВОЕМУ» ХОЛМИКУ...

Поисковик Зыков говорит, что и сегодня встречается с людьми, которые ничего не знают о своих воинах-героях. Они и рады бы оплатить могилы и ухаживать за ними, но сделать это сложно из-за географического охвата: бойцы, умирившие в уральских госпиталях, могли призываться на войну из разных республик Советского Союза. И сегодня у родных есть возможность

Большая часть могил в этом лесу практически сровнялась с землей

проследить судьбу своего солдата вплоть до госпиталя, куда он был отправлен на лечение, но если руководство медучреждения не вело записей о месте похорон своих пациентов или они по какой-то причине оказались утрачены, то прийти к «своему» холмику внукам и правнукам уже не суждено.

И вот здесь-то государство должно брать на себя роль ответственного зрителя! Екатеринбургские чиновники помогают неравнодушным к теме памяти о воинах времен ВОВ волонтерам организовывать субботники: к примеру, в год 75-летия Победы на воинском захоронении на Уктусе активно трудились члены волонтерского центра Свердловского областного медколледжа, Уральского добровольческого Всероссийского студенческого корпуса спасателей и казачьего молодежного сообщества. Однако никаких судьбоносных шагов для сохранения памяти, которых от власти все ждут, на Урале пока не делают. Как говорит волонтер Кристина Скворцова, ей и ее единомышленникам грустно видеть, что многие могилы фактически исчезли. «Мы надеемся, что сможем установить личности всех захороненных,

а территорию уктусского захоронения возьмем под свое шефство», – говорит она и надеется, что информация будет доведена до прямых потомков солдат и офицеров.

«ПРАХ ТРЕВОЖИТЬ НЕ НАДО»

К слову, одно время среди городских активистов шел разговор о возможности перезахоронения всех найденных здесь останков на одном из официальных воинских мемориалов. Но большинство краеведов и председатель организации «Семьи погибших воинов» сошлись во мнении, что делать этого не стоит.

«Прах бойцов тревожить не надо. Мне неоднократно встречались родственники воинов-фронтовиков, которые не были рады перезахоронению, чем бы оно ни было вызвано», – говорит Алексей Александрович, предлагая властям заняться юридическими вопросами, чтобы придать захоронению статус кладбища-памятника, огородить его и сохранить территорию от праздно гуляющих и мусорящих. – Сделать это власти могут без особого труда, потому что такая работа не требует больших финансовых затрат». В заочный спор с ним вступает Александр Брагин, уточняя, что «предполагаемые воинские захоронения» находятся на особо охраняемой природной территории областного значения – Уктусского лесного парка. «Поэтому мероприятия по благоустройству и охране этих захороне-

ний могут быть выполнены только после тщательного обследования и учета захоронений, а также после изменения статуса земельного участка с присвоением ему разрешенного использования – под кладбище», – добавляет Александр Викторович и подчеркивает, что администрация муниципального образования не имеет полномочий по поиску и обследованию мест захоронений погибших воинов.

Уральские активисты, которым эта историческая несправедливость давно не дает покоя, несколько лет назад оптимистично восприняли сообщения о том, что в ближайшее время все воинские захоронения в Российской Федерации будут реконструированы. А осенью прошлого года, по словам общественника Ильи Коровина, президенту РФ Владимиру Путину докладывали, что в городах трудовой славы, которым с 2020 года является и Екатеринбург, воинские захоронения будут восстановлены. Однако в уральской столице этого пока так и не произошло. Правовой статус земли под уктусским захоронением остается прежним, а значит, невозможны и любые действия по вскрытию могил и перезахоронению останков.

Для дальнейших действий требуется вмешательство администрации губернатора, профильных министерств и ведомств, которые бы вынесли вопросы с изменением назначения этих земель Уктусского лесопарка на рассмотрение Законодательного собрания Свердловской области. С юридической точки зрения парадокс ситуации в том, что в лесной зоне любые захоронения запрещены, поэтому сначала необходимо поставить участок на кадастровый учет и вывести его из зоны леса. Если это получится – а именно на таком сценарии настаивают общественники, – то затем можно будет провести раскопки и доказать, что территория действительно является кладбищем, после чего ходатайствовать перед властями о придании ей соответствующего мемориального статуса.

После этого, сохранив имеющиеся могилы, активисты хотели бы установить здесь единый памятник из красно-черного гранита и указать на нем имена и звания всех, кто покоится в этой уральской земле. ■

ВРЕМЯ ВЕДЬМ. ВЕЛИКИЕ РОМАНОВЫ

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

К СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА, ЭПОХЕ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ РОССИИ, СТАЛО ЯСНО, ЧТО БОРЬБА С НЕЧИСТЬЮ И БЕСОВСКИМИ ИСКУСАМИ – ПЕРВОСТЕПЕННАЯ ЗАДАЧА ПРАВИТЕЛЬСТВА. В 1648 ГОДУ БЫЛ ОБНАРОДОВАН УКАЗ ОБ ИСКОРЕНЕНИИ ЧАРОДЕЙСТВА – ПЕРВЫЙ СВЕТСКИЙ АКТ ТАКОГО РОДА. ОДНАКО БЕСОВСКИЕ АТАКИ ТОЛЬКО УСИЛИЛИСЬ.

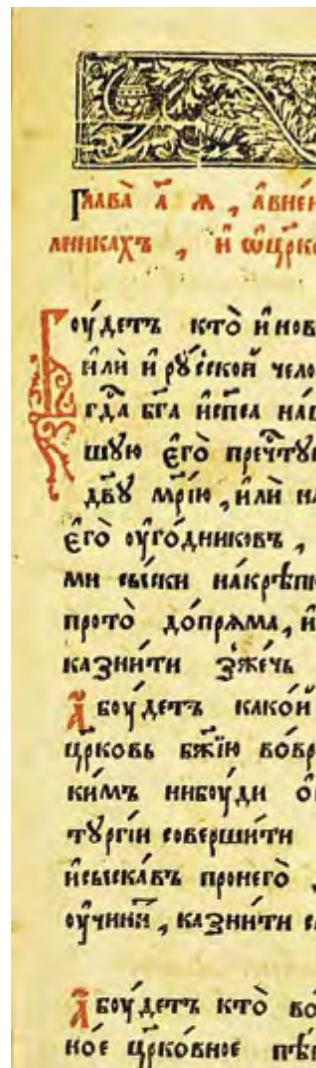
В ТО ВРЕМЯ ВОКРУГ царя Алексея Михайловича оформился кружок единомышленников – «ревнителей благочестия», среди которых выделялся архимандрит Новоспасского монастыря Никон, ставший в 1652 году патриархом. Первое время это было объединение духовное и проповедническое, предполагавшее укрепление нравственности, исправление ошибок в богослужебных книгах и ритуалах. Однако вскоре оно стало клониться к радикализации, особенно под водительством Никона, который проводил реформы решительно и бескомпромиссно. Прежние заблуждения стали не просто исправлять, но запрещать, а виновных наказывать. Такие методы довольно быстро привели к оформлению групп несогласных, полагавших, что попораны древние традиции. Так явился Раскол. Не менее решительными были акции против сатанистов, ведьм и колдунов. В 1648 году указ об исправлении нравов и запрете чародейств ознаменовал целую

эпоху гонений на ведовские потворы и обряды. Он же впервые подробно перечислил их виды. Были учтены гулянья, катания и многочисленные игрища, включая шахматы и кулачные бои. Впервые легальный статус утратили скomorохи. Последовал ряд дополнительных актов, отразившихся в переписке с регионами. Полагают, что эти законодательные меры вообще были инициированы челобитными с мест, в которых запрашивалось, что делать с ведьмами и разгулом язычества. Много жалоб поступало с юго-восточных окраин Московского государства. В Польше тогда полыхала гражданская война, и с территории нынешней Украины прибывали беженцы, в обозах которых находили еретические и магические книги, прежде на Руси неизвестные. Они же приносили традиции бесовского вольнодумия и религиозную крамолу. В главном юридическом документе страны, Соборном уложении, принятом в 1649 году, чародейство не упоминалось, но уже в первой статье речь шла в целом о «богохульниках», которых следовало казнить смертью и сжигать.

НОВЫЕ АТАКИ

Это были годы оформления Великой России. В 1653 году, на Покров, 1 октября, Земский собор постановил принять в подданство войско Запорожское. В начале 1654-го украинцы во главе с гетманом Богданом Хмельницким присягнули на верность Москве. Алексей Михайлович внял мольбам единоверцев и взял их под свою могучую руку во имя сохранения православия. С тех пор он «царь Всея Великия и Малыя Росии». Началась война с Польшей, которая в первые годы развивалась триумфально: были заняты Витебск, Полоцк и Смоленск. Но враг рода человеческого опять напустил козни. Осенью 1654 года Москву накрыла эпидемия моровой язвы.

В это время царь находился в походе и не пострадал, но умерли многие его ближние бояре, оставленные на правительстве. Город обезлюдел. Еле спаслась царица Мария с малолетним царевичем Алексеем, укрывшись за Волгой в Калязине. Бежал из столицы и новоизбранный патриарх Никон, уже развивавший свои церковные преобразования. В частности, они касались иконописных канонов, исправлявшихся чуть ли не прямо поверх старинных ликов. Как докладывал 29 августа 1654 года свидетель событий, шведский поверенный Иоганн де Родес, по городу ходила монахиня, «повесив икону на грудь» и говорила, «что ей сама икона открыла, что некоторый святой образ обещен, осквернен и брошен под лавку в доме патриарха, и так как это случилось, то икона сказала, плача, что из-за этого люди так и умирают». Действительно, в резиденции патриарха нашли образа, у которых «были выцарапаны глаза, или они были иначе мерзко

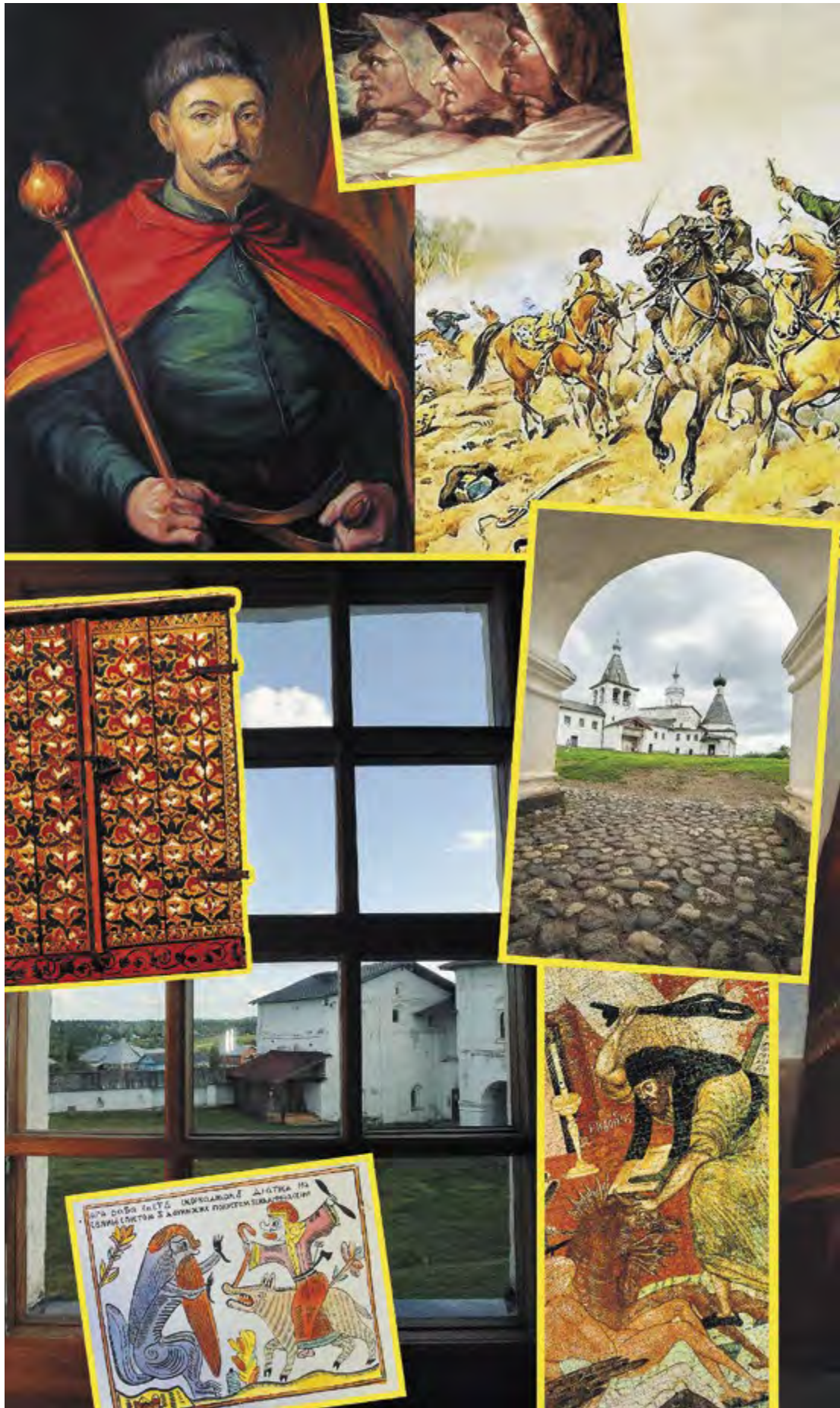

осквернены». Народ требовал вернуть в город первоиерарха, которого называл «еретиком» и «колдуном». Все опасались магии. Мор как-то спал, и обвинения патриарха на время забылись. Зимой в Москве праздновали триумфы русского воинства: кампания 1655 года вообще подвела Речь Посполитую к грани существования. В ходе наступления московской армии были заняты Минск и Вильна. В войну вмешалась Швеция, войска которой напали на поляков с запада, заняв Варшаву и Краков. В польской истории период 1655–1660 годов называют «Потоп». Фактически страна распалась. Позднейшая реанимация была временной. К прежнему могуществу поляки более никогда не вернулись, в итоге страна пришла к развалу и разделу соседними державами. Определяющими тогда были события на Украине. Богдан Хмельницкий сохранял верность Москве, но после его смерти казачья вольница ударилась в иные забавы. Присяга царю позволила выйти запорожцам из изоляции и привлечь к конфликту с польским королем московского правителя, но подданство и зависимость от соседа многих не устраивали. Довольно быстро случился разлад. В 1658 году гетман Выговский, подписав Гадячскую унию, вернулся в подданство Речи Посполитой, а потом вступил в союз с крымским ханом и начал военные действия против Москвы. Русские войска были разбиты летом 1659 года под Конотопом. Но успех предателя был недолгим. Уже в сентябре того же года Выговский был смещен с поста гетмана. Главой войска выбрали сына Богдана Хмельницкого Юрия, который немедленно присягнул царю Алексею. С этим согласились не все. Украина погрузилась в смуту. К лету 1662 года фактически оформился ее распад на Правобережную и Левобережную части. Одна признала власть поляков, вторая – москвичей. В каждой стали избирать своего гетмана. На Левобережье противостояли группировки Яким Сомко и Василия Золотаренко, ранее выступавших против Юрия

КОллаж: АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Хмельницкого. 17 июня 1663 года они сошлись в Нежине для выборов гетмана – состоялось самое настоящее сражение. Неожиданным победителем в конфликте оказался кошевой атаман Иван Брюховецкий, который с боем захватил булаву – символ гетманской власти. Уже на следующий день он присягнул на верность русскому царю, а через некоторое время расправился с несогласными Сомко и Золотаренко. Москве он казался удобной кандидатурой, обеспечивающей поддержку рядового казачества. Он открыто выступал против «соблазнитель», страшящих «рабством Московским», указывая «братьям» внимательно читать «грамоты его царского величества о правах свободы, искони данных войску».

В 1665 году Брюховецкий приехал в Москву, был принят Алексеем Михайловичем и получил боярский чин. Дружба с Украиной была тогда важна. В войне с Польшей начались неудачи, и стороны пытались договориться о мире. Переговоры шли почти весь 1666 год. И в это время гетман Иван Мартынович Брюховецкий, чувствуя свою полезность и безнаказанность, учудил. 30 сентября 1666 года, вернувшись из запорожской столицы Гадяча, Иона Гаврилов сын Леонтьев докладывал со слов тамошнего сотника московских стрельцов Кирилла Кокошева: «боярин и гетман Иван Мартынович велел сжечь пять баб ведьм да шестую гадяцкого полковника жену; а сжечь де их велел, за то мнил по ним, то что оне его гетмана и жену его портили и чахотную болезнь на них напустили. Да он же Кирилла сотник мне Ионе сказывал носятся де у них в Гадяче слова, будто бы де те ж бабы выкрали у гетмановой жены дитя из брюха, а иная де баба ведьма и ухо ж. А как де те бабы сидели за караулом в меньшом городе в погребу, и от них де из погреба бегивали мыши да кошки, и по городу бегают многое время; а бегав де не знамо, где подеваются. А как он Иона, был у боярина и гетмана войска Запорожского у Ивана Мартыновича

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Брюховецкого, и он ко мне выхаживал болен гораздо».

Такое самоуправство не могло вызвать одобрения в Москве. Несмотря на признаки колдовства, оно должно было быть доказано, а казнь согласована в столице. Возможно, этот случай стал одним из переломных в отношениях Брюховецкого с Москвой. Привычка к вольнице не позволяла соблюдать государевы правила, чего терпеть было никак нельзя. Позднейшие события доказали, что ведьмы стали спусковым крючком новой войны на Украине.

В апреле 1667 года запорожцы напали на крымское посольство, возвращавшееся из Москвы, а потом убили московского посла Ладженского, ехавшего в Крым. В феврале 1668 года разразился бунт – в Гадяче был перебит московский гарнизон. Русские войска двинулись к Днепру, а Брюховецкий попытался заручиться поддержкой правобережных казаков, возглавляемых гетманом Петром Дорошенко. 8 июня 1668 года украинцы встретились в Будищах, чтобы выбрать одного гетмана для всей страны. Немедленно случилась кровавая бойня. Большинство проголосовало за Дорошенко, которого поддержали старшины и ветераны. Сразу после поражения на выборах Брюховецкого растерзали: «ослопьем и дулами и чеканами и рогатины как собаку бешеную до смерти прибив, нагого покинули».

ДЬЯВОЛЬСКИЕ ЗАГОВОРЫ

Процессуальный волонтаризм Брюховецкого, которого московское боярство воспринимало как выскочку, был примером того, как могут быть наказаны судьи за скоропалительные решения. Однако знать, бояре, воеводы, высокопоставленные чиновники и вообще политически значимые фигуры действительно довольно часто подвергались колдовским атакам. От них зависели судьбы людей, а потому они служили лакомой целью для бесов. И священники здесь шли рука об руку со светской властью.

Патриарх Никон был конфликтным человеком. На посту перво-

иерарха он продержался недолго, уже в 1658 году поссорился с царем и даже формально отрекся от сана, но сведен с патриаршества был только в 1666-м в судебном порядке. Остаток жизни провел в заточении в белозерских монастырях, первое время в Ферапонтове. Оттуда он в 1672 году жаловался царю на архимандрита с братией соседнего Кириллово монастыря, что те «напускают» на него чертей. По их наущению в келью ворвался демон в образе черной птицы, пронесся сквозь двери и исчез, оставив сонмище бесов терзать и скидывать одеяло с несчастного.

Чуть ранее Никон пытался известить царя о раскрытии с помощью своих церковных информаторов колдовского заговора: «что на Москве изменники» хотят саможержца «очаровать или очаровали». Монастырские служители всеми силами старались помешать доставке этого известия в Москву, но порученец Никона, старец Флавиан, в столицу прорвался. 20 октября 1668 года его допрашивали бояре в присутствии Алексея Михайловича. Инок поведал: «В Петров пост пришел в Ферапонтов монастырь из Москвы из Воскресенского монастыря черный поп Палладий и сказал Никону, что был он в Москве, на Кирилловом подворье, и сказывал ему черный поп Иоиль про окольного Федора Ртищева; говорил Ртищев Иоилью: «Сделаю то, чтоб мне у великого государя быть первым боярином». Иоиль окольному сказал: «Мне сделать этого нельзя, а есть у тебя во дворе жонка цыганка, которая умеет эти дела делать лучше меня». Ртищев отвечал: «Жонке говорить об этом нельзя, потому что она хочет меня замуж».

Волнуясь, что царь не узнает истины, Никон перестраховался. Помимо Флавиана он направил письмо в столицу иным путем. И оно дошло до адресата. В нем оказалась другая версия: вместо Ртищева – Богдан Матвеевич Хитрово, а вместо цыганки – литовка. Согласно Никону, Иоиль говорил Палладию: «Никон меня не любит, называет колдуном и чер-

нокнижником; а за мною ничего того нет, только я умею звездочетие, то у меня гораздо твердо учено; меня и вверх государь брал, как болела царевна Анна, и я сказал, что ей не встать, что и сбылось, и мне государь указал жить в Чудове, чтоб поближе; мне и Богдан Хитрой друг и говорил мне, чтоб я государя очаровал, чтоб государь больше всех его, Богдана, любил и жаловал, и я, помня государеву милость к себе, ему отказал, и он мне сказал: «Нишкни же!», и я ему молвил: «Да у тебя литовка то умеет; здесь, на Москве, нет ее сильнее». И Богдан отвечал: «Это так, да лихо запросы велики, хочет, чтоб я на ней женился, и я бы взял ее, да государь не велит». Делу был дан сыск. Вызвали Иоилья и Палладия, устроив очную ставку. Иоиль сказал, что «приходил к Палладию лечить его, но ни об чем другом с ним не разговаривал, а у Хитрова никогда и на дворе не бывал». Его слова подтвердил Палладий, «что лечился у Иоилья, но ни о чем с ним не говаривал и в Ферапонтове Никону ни о чем не сказывал». Дополнительно Иоилья обыскали. У него нашли множество книг: «одна книга латинская; одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звездарского, печатана в Вильне в 1586 году; книга письменная с марта месяца во весь год лунами и днями, и планитами и рожденьями человеческими в месяцах и в звездах; тетрадь письменная о пускании крови жильной и рожечной; записка, кого Иоиль излечил, и те люди приписывали руками своими».

В ноябре 1668 года в Ферапонтов поехал стрелецкий голова Лутохин, чтобы допросить Никона о разночтениях. Тот стоял на своем, что «приказывал Флавиану известить о Хитрове, а не о Ртищеве». Окончательно запутавшись, следователи, кажется, не стали давать делу дальнейшего хода. Царь не поверил извету и вскоре, надо полагать, пожалел. Трагическим стал для него 1669 год. Что-то надломилось, и сатана поиздевался над великим государем. Трудно припомнить более страшную пору, более жестокую атаку бесов.

КОЛДОВСКИЕ ПИСЬМА

В начале 1669 года царь дополнил Соборное уложение рядом «новоуказных статей», которые, в частности, касались казни колдунов (статья 99). Тогда же стали выделять клириков для этих целей, отправляя к церковному суду. Может быть, дьявол взвыл и попытался отомстить. 28 февраля 1669 года умерла новорожденная царевна Евдокия, а 3 марта родильная горячка прибрала ее мать – царицу Марию Ильиничну. 19 июня не стало 4-летнего царевича Симеона, а к концу года заболел наследник престола – царевич Алексей, который умер 17 января 1670 года.

Тяжелые душевные испытания, многочисленные похороны и многомесячный траур не сломили великого царя. Молитвы и пост помогли укрепиться и справиться. Уже в 1669 году он пытался выбрать новую супругу, но дело растянулось на несколько лет. Опять свозили в столицу виднейших красавиц. Финальный тур проходил ночью 22 апреля 1670 года, когда кандидаток посещал сам Алексей Михайлович. И тогда же во дворце обнаружили заговорные колдовские письма. Одно, скрепленное сургучом, нашел истопник перед Грановитой палатой в сенях, а второе было прилеплено к дверям Шатерной палаты, которые выходили на Постельное крыльцо. Документы отнесли дворецкому боярину, который доложил царю. Их содержание было настолько возмутительным, что его не решились куда-либо переписать. В материалах следствия сказано про текст, что «такова воровства и при прежних государях не бывало... а писаны непристойные...». Подозрение пало на Ивана Шихарева – дядю одной из финалисток. Его тут же арестовали. При обыске у него нашли таинственные травы. Шихарев подвергся жестокой пытке: «распрашиван накрепко и подниман и к огню приношен». И потом еще «было ему 13 ударов и огнем жжен, а с пытки и с огня говорил прежние речи... а которые травы выняты

у него на дворе, толченая и не толченая, и те де травы дали ему на Вологде ныне в Великий пост, а сказывали ему, что те травы уразнья [от увечья], а велели ему те травы пить в вине и в пиве от убою, потому что он ранен...» Трава оказалась зверобоем, но кандидатура племянницы Шихарева из невест была исключена. Бесы не прорвались.

В конце концов второй супругой царя Алексея стала Наталья Кирилловна Нарышкина. Свадьбу тайно сыграли 22 января 1671 года. Присутствовали только ближайшие родственники. Вход в Кремль был перекрыт, а венчание провел царский духовник в сопровождении лишь двух певчих. Приготовлениями руководил Артамон Сергеевич Матвеев, ставший к тому времени ближайшим советником государя. Новая царица была его дальней родственницей и воспитывалась в его доме. Этого мудрого царедворца причисляют к «западникам» при московском дворе. Действительно, он был увлечен познанием мудростей, много читал и вел ученые беседы с заезжими философами. Впоследствии это стало поводом для обвинений его в контактах с нечистью.

**КОЗНИ ПРОТИВ БОЯРИНА
МАТВЕЕВА**

Нежить свела-таки русского царя в могилу прежде времени. В конце 1675 года Алексей Михайлович захворал. Члены голландского посольства, посетившие тогда Москву и удостоенные высочайшей аудиенции, писали, что государь страдал «цингой» и «водянкой». К лечению не удавалось привлечь медицинские новации. Придворные доктора жаловались: «Никаким образом не удавалось убедить его величество, человека очень тучного, принять какие-нибудь лекарства». Царь Алексей предпочитал народные средства. Он лечил жар холодным квасом, а также приказывал «класть на живот толченый лед». Вскоре его состояние стало критическим, и 29 января 1676 года

46-летний государь скончался. Даже по меркам тех лет это была преждевременная кончина. Миновало более тридцати лет славы и величия, триумфов и бед, уходила эпоха. Современники были шокированы. Немедленно распространились слухи о заговорах, порче и ненадлежащем лечении.

Аптекарский приказ возглавлял тогда Матвеев. Его заподозрили в кознях против сюзерена. Трон занял 15-летний Федор Алексеевич, который «скорбел ножками» и едва передвигался. Он был сыном первой супруги Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны (урожденной Милославской), и тяготел к родственникам матери, но первое время, до венчания, сохранял контакт с царицей Натальей и ее родственниками. Позднее противостояние этих «партий» – Нарышкиных и Милославских – стало определяющим для страны.

Уже 3 февраля 1676 года у Матвеева отобрали руководство Аптекарским приказом. Началось переустройство Боярской думы. Нарышкиных, которые объединились вокруг царевича Петра – последнего из сыновей Алексея Михайловича, рожденного от Натальи Кирилловны в 1672 году, – постепенно оттесняли. В решительное наступление Милославские перешли после венчания Федора на царство. Церемония прошла 18 июня 1676 года, а 4 июля Матвеев был лишен всех постов и отправлен воеводой в далекое Верхотурье. Послушный службист никак не сопротивлялся участи, собрался и уехал, но внимания врагов не лишился. Ревизии, изветы и жалобы нагнали воеводу еще на пути в Сибирь.

Для начала его обвинили в том, что он не проверял снадобья, которые давали государю. Как глава Аптеки, Матвеев сам ввел правило, по которому должен был выпивать остатки лекарственных снадобий, приготовленных царю. Это происходило при множестве свидетелей, и доказать обратное клеветникам не удалось. Артамон Сергеевич про-

явил себя в этих условиях исключительно флегматичным. Он обстоятельно письменно отвечал на все запросы следователей, которым не удалось подловить его на неряшливости. Интриги на этом не закончились. Царь Федор был человеком мнительным. Он с детства был зависим от консультаций докторов, а соответственно, хорошо понимал риски контактов с нечистой силой. Матвеев слыл грамотеем, который обучал сына иностранным языкам и собирал книги. Понятно, что его увлечения можно было заподозрить проходящими по грани дозволенного. Расследования деятельности Матвеева в качестве главы Аптекарского приказа привели к обвинениям боярина в колдовстве и чернокнижничестве. Донос подал один из иностранных лекарей – хирург Давыд Берлов, нанятый летом 1674 года. Лечил якобы этот лекарь как-то матвеевского «карла Захарку», который рассказал ему, будто видел, как Артамон Сергеевич «у себя в домишке в палате с Стефаном Доктором чли черную книгу», а потом туда «пришло к нам в палату нечистых духов множество». В показаниях даже указано краткое описание этого издания: «книга вполдесть», «а толщиною пальца в три» – огромная и толстая. Доктор Стефан фон Гаден был евреем из Бреслау, который в России выслужился из парикмахеров до высокооплачиваемого лекаря, хотя никаких университетов не кончал. С 1659 года он уже на службе в Аптекарском приказе, где постепенно повышал свой статус. Его почитали защитником еврейской диаспоры Москвы, хотя сам он вскоре принял православие. Также отмечалось, что эту «черную книгу, запершись чли» Матвеев с Николаем Спафарием, переводчиком Посольского приказа, уроженцем Молдавии, который в момент расследования находился с миссией в Китае. Спафарий был участником «строения» лицевых книг в 1672–1675 годах, организованного Матвеевым, а потом позна-

комил боярина с астрологической литературой и даже учил латинскому языку.

О причастности к колдовству высокопоставленных чиновников было назначено следствие. Направлявшегося в Верхотурье Матвеева нагнали в устье Камы в Лаишеве. 25 ноября 1676 года ему устроили обыск, выпрашивая какую-то «книгу лечебную». Ничего не нашли, но арестовали и отправили в Москву его людей – «Ивашку Еврея» и «Захарку карла». Самого Матвеева препроводили в Казань до выяснения обстоятельств. Там распоряжался воевода Иван Богданович Милославский, который обеспечил прежнему фавориту соответствующее содержание: Матвеева поместили «за крепкие приставы и караул», а также запретили посещать церковь. Только 24 марта 1677 года отдельным указом его пустили «к церкви к божественному пению ходить».

1 декабря 1676 года, почти одновременно с челобитной Берлова, поступил донос стольника Федора Тихоновича Зыкова на некоего холопа Михаила Свашевского, державшего у себя «черные книги», которые списаны «с тех, каковы были у боярина у Артемона Сергеевича Матвеева». Начался еще один колдовской процесс. При обыске искали «тетраде лечебные и заговоры». Был выявлен какой-то вологодский гость Гаврила Мартынов Фетиев, который «Артемону черные книги давал и учил». Сам Гаврила на пытке все отрицал и оказался неграмотным, что отметили в отчете: «...рспрашиван с великим пристрастием, а в рспросе сказал, что он не чернокнижник и черных книг у него никаких нет и не бывало, и грамоте он не умеет, и Артемона Сергеевича черным книгам не учивал и черной книги ему не даывал, и Артемон ево братом не называл и за ним он ничего не знает». Были допрошены и многие другие, которые порой, «не стерпя пытки», боярина оговаривали, но потом от слов отказывались. В итоге до привлечения к делу

КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Матвеева не дошло, а приговор 6 февраля 1677 года предполагал казнь только Свашевского. Но в Верхотурье боярина уже не пустили. В июне 1677 года ему объявили о лишении боярского чина, конфискации имений и вечной ссылке в Пустозерск. Затем последовали иные многочисленные преследования и изветы, в которых Милославские доходили до требования казнить опального. В 1680 году Матвеева перевели еще дальше – на Мезень. Лишь через два года все обвинения с него были сняты.

БУНТЫ И СМУТА

Хворый царь Федор Алексеевич умер 27 апреля 1682 года. Из претендентов на престол остались два брата: Ивану Алексеевичу, родившемуся от царицы Марии, было почти 16, но он был болезненным и плохо видел, а Петру Алексеевичу, родившемуся от царицы Натальи, шел 10-й год, и он блистал здоровьем. Однако вполне возможно, что самочувствие будущего государя играло второстепенную роль при решении вопроса, а вот выбор младшего царевича обеспечивал ближним боярам более длительное участие в управлении страной. В итоге при содействии патриарха выбор пал на Петра, которому начали приносить присягу. Однако это означало нарушение традиции старшинства, что не устраивало многих, и в первую очередь Милославских – родственников царевича Ивана.

При объявлении о выборе Петра некоторые шептались, что «по первенству надлежит быть на царстве государю царевичу Иоанну Алексеевичу». Возвращаясь с похорон царя Федора, его сестра царевна Софья громко рассуждала о странности скоропостижной смерти брата и своих подозрениях: «Смотрите, люди, как внезапно брат наш Феодор лишен жизни отравой врагами-недоброжелателями!» Слухи о колдовских происках немедленно расплозились по столице. Возмущение подогревали Милославские. Руководил подго-

товкой бунта Иван Михайлович Милославский, но главную роль сыграл велеречивый и харизматичный боярин – князь Иван Андреевич Хованский, который взял на себя агитацию в стрелецких полках. Основным поводом для восстания стало требование наказать чародеев, лишивших жизни царя Федора, а также, как говорили, готовящих смерть царевичам.

Утром 15 мая 1682 года в стрелецкие слободы прискакали подстрекатели и начали кричать, что «Нарышкины царевича Иоанна Алексеевича задушили». Возмущенные стрельцы двинулись на Кремль. Там, на крыльце дворца, их встретили живые-здоровые царевичи в сопровождении царицы Натальи и боярина Матвеева, который уже успел вернуться в столицу и принял руководство правительством. Но успокоить разъяряющуюся толпу не удалось. Растерзав Матвеева и некоторых бояр, восставшие ворвались во дворец и устроили погром, навсегда оставив тяжелый осадок в памяти будущего Петра I. Три дня в Москве бушевали кровавые бесчинства.

Главными объектами мести стрельцов стали немецкие врачи, лечившие, то есть «портившие», царя Федора. Искали «дохтуров Степана жида да Яна», то есть Стефана фон Гадена и Иоганна Гутменша. Оба упоминались в материалах следствия 1676–1677 годов как конфиденнты Матвеева. «Данила-дохтур», так звали Стефана до крещения, был пойман «в нищенцком образе» в Немецкой слободе. У него дома нашли каких-то сушеных «змей», предназначенных определенно для изготовления чародейских микстур. После жестоких пыток он признался, что делал «злое отравное зелье» на «царское пресветлое величество». Его с Гутменшем публично убили, изрубив на куски. В стрелецком «приговоре» было помечено: «А Артемона Матвеева и Данила Дохтура, и Ивана Гутменша, и сына Данилова [побили за то], что они на ваше царское пресветлое величество злоотрав-

ное зелье, меж себя стакався, составливали; и с пытки он Данила в том винился».

Информированный польский агент Станислав Бентковский докладывал потом своему королю, что «изменить царю и дать ему яду думные бояре подговорили Данилу Жида, придворного царского доктора»; тот измазал отравой нож, которым было разрезано яблоко, поданное государю.

Во время погромов выявились также другие причастные к колдовству и порче царя Федора. В доме думного дьяка Лариона Ивановича Иванова стрельцами были обнаружены «гадины змеиным подобием». Просвещенный чиновник коллекционировал диковинки, среди которых была сушеная каракатица. Делал он это, как заключили составшие, исключительно для магических экспериментов над государевым здоровьем. Иванов, как и многие другие, был предан смерти.

Потом была схвачена московская ведьма Мария Долгая по доносу Евтифея Маркова, который сам был знатоком кудес. Ее тоже подозревали в покушении на царя Федора, но выяснить доподлинно не смогли: она «с пытки на огне умерла».

На фоне масштабной «охоты на ведьм» страну охватила смута. Стрелецкая вольница бесновалась почти полгода. На царстве теперь утвердили сразу двух царевичей при регентстве царевны Софьи. Но вплоть до сентября 1682 года все вынуждены были считаться с всевластием главы Стрелецкого приказа Хованского, который в какой-то момент даже подумывал о воцарении. Невероятными усилиями правительству удалось справиться с кризисом. Зарвавшегося временщика арестовали и казнили.

Установилось зыбкое спокойствие. Противостояние боярских группировок вышло из публичной сферы вплоть до утверждения на троне царя Петра в 1689 году. После этого началась новая история России. ♣

ПЕТР I И ЗАГОВОРЫ БЕЛЫХ РОЗ

Восстание
якобитов
1715 года.
Гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В 1715 ГОДУ ЦЕНТРОМ ЯКОБИТСКОЙ ИНТРИГИ СТАЛА РЕЗИДЕНЦИЯ ШВЕДСКОГО ПОСЛАННИКА В ЛОНДОНЕ ГРАФА КАРЛА ЮЛЛЕНБОРГА. ЕЕ ТАЙНО ПОСЕЩАЛИ ЛИДЕРЫ ПАРТИИ ТОРИ, КОТОРЫХ НЕ БЕЗ ОСНОВАНИЯ ПОДОЗРЕВАЛИ В СИМПАТИЯХ К ШЕВАЛЬЕ – ЯКОВУ III. ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ В ЛОНДОНЕ ШАРЛЬ-ФРАНСУА Д'ИБЕРВИЛЬ, МАРКИЗ ДЕ ЛАБОНД ПОЛАГАЛ, ЧТО ВИЗИТЕРЫ ПРЕДСТАВЛЯЛИ ТАЙНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, СОСТОЯЩУЮ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ДЕСЯТКОВ ЗАГОВОРЩИКОВ.

СУДЯ ПО ЕГО ДОНЕСЕНИЯМ, якобиты собирались предоставить шведскому королю Карлу XII «субсидию» размером 200 тысяч фунтов, взамен заручившись его согласием вторгнуться на Британские острова. По сведениям маркиза, заговорщики рассчитывали содействовать королю в организации

переговоров о прекращении военных действий на Балтийском море и выступить посредниками в подготовке сепаратного мирного договора с царем Петром I. Переговоры велись и в Париже. Якобитский лагерь представляли самые высокопоставленные лица: бастард Якова II Джеймс Фитцджереймс, маршал Бервик, а также Джеймс Фитцджереймс Баллер, II герцог Ормондский. После встреч со статс-секретарем по иностранным делам Франции

маркизом де Торси и шведским послом в Версале графом Эриком Спарре они подготовили обширный план по переустройству Европы, включавший свержение британского короля Георга I, возведение на престол Великобритании Якова III (Претендента), окончание Северной войны и урегулирование русско-шведских отношений.

Но дело провалилось из-за смерти Людовика XIV и прихода к власти герцога Орлеанского, подозревавшего якобитов во всех тяжких грехах и предпочитавшего выстраивать добрососедские отношения с Лондоном. Однако это совершенно не устраивало Стокгольм. Карл XII продолжил опасную игру против Лондона, надеясь с помощью якобитов расчленить антишведскую коалицию и вывести Россию из войны. В планах якобитов отводилось место и Пруссии, которая должна была совершить отвлекающий маневр, нанеся удар по Ганноверу – родине Георга I. И тем самым отвлечь его от Шотландии, где готовилась высадка 10-тысячного шведского десанта.

Окончание. Начало см.:
«Русский мир.ru» №8 за 2022 год.

ЗАГОВОР ЮЛЛЕНБОРГА

Вся эта история вылилась в полномасштабный антиганноверский заговор 1717 года, получивший название «заговор Юлленборга». Беда заговорщиков заключалась в том, что британско-ганноверская контрразведка сработала четко: депеши Юлленборга были перехвачены и расшифрованы. Ночью 9 февраля отряд гвардейцев ворвался в резиденцию шведского посла. Был произведен масштабный обыск, и в гардеробной графини обнаружены важные донесения. Правда, граф успел сжечь компрометирующие бумаги и уничтожить шифровальные книги. В итоге его посадили под домашний арест. Скандальный арест Юлленборга не вызвал протеста дипломатов, аккредитованных в Лондоне. Возмущился лишь испанский посол маркиз де Монтелеон, считавший, что действия британских властей выходят за рамки норм международного права. Тогда на столы послов в Лондоне легли циркулярные письма с изложением причин ареста Юлленборга. Одновременно Лондон предал огласке переписку Юлленборга с бароном Георгом Гёртцем, руководившим внешней политикой Швеции.

В стране началась антишведская истерия. Британским судам запретили совершать плавания в Швецию, британская эскадра готовилась к выходу в Балтийское море для защиты ганноверских владений от происков шведов и русских. Масла в огонь подливали авторы памфлетов и брошюр, в которых описывались бедствия, угрожавшие жителям Британских островов, оказавшихся под угрозой иноземного вторжения. В одном из них, предположительно принадлежавшем перу Даниэля Дефо, описывались «гнусные интриги», которые вели Юлленборг с Гёртцем. Результатом их стал «зловный союз», объединивший вокруг Шевалье «готов и вандалов, московитов, турок, татар, итальянских и французских папистов». Орду эту возглавлял

жестокий деспот Карл XII, третирующий своих «варварских подданных» и относящийся к ним как к «грубой скотине». В другом своем памфлете Дефо призывал британцев не повторять губительных для Карфагена и Константинополя ошибок. Иначе страну, по его словам, ждет плачевный исход: «Поля покроются кровью... долины будут опустошены, народ ограблен, девственницы подвергнутся поруганию, церкви разорят, стариков и молодых поубивают...»

Петр I.
Гравюра
Я. Хубракена
по рисунку
К. Моора.
1718 год

Карл Юлленборг
(1679–1746),
шведский
государственный
деятель,
дипломат

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ученый из академии Лагадо показывает Гулливеру трактат о раскрытии политических заговоров. Иллюстрация из «Путешествий Гулливера в некоторые отдаленные страны света». 1842 год

Поиски заговорщиков вышли за рамки разумного. Через несколько лет, работая над «Путешествиями Гулливера», Джонатан Свифт в сатирическом духе воспроизвел атмосферу, охватившую страну в годы якобитских мятежей. Его герой волею случая оказался в Лагадо, столице королевства Бальнибарби, и благодаря консультациям профессора-конспиролога получил редкую возможность вникнуть в хитросплетения политики. Оказывается, наставлял Гулливера профессор, не нужно ничего придумывать самому, все соответствующие правительственные инструкции «для открытия противоправительственных заговоров» уже составлены. «Заговоры в этом королевстве обыкновенно являются махинацией людей, желающих укрепить свою репутацию тонких политиков, вдохнуть новые силы в одряхлевшие органы власти, задушить или отвлечь общественное недовольство, наполнить свои сундуки конфискованным имуществом, укрепить или подорвать доверие к государственному кредиту, согласуя то и другое со своими личными выгодами. Прежде всего они соглашаются и определяют промеж себя, кого из заподозренных лиц обвинить в заговоре; затем прилагаются все старания, чтобы захватить письма и бумаги таких лиц, а их собственников заковать в кандалы. Захваченные

письма и бумаги передаются в руки специальных знатоков, больших искусников по части нахождения таинственного значения слов, слогов и букв. Так, например, они открыли, что: сидение на стульчаке означает тайное совещание; стая гусей – сенат; хромяя собака – претендента; чума – постоянную армию; сарыч – первого министра; подагра – архиепископа; виселица – государственного секретаря; ночной горшок – комитет вельмож; решето – фрейлину; метла – революцию; мышеловка – государственную службу; бездонный колодезь – казначейство; помойная яма – двор; дурацкий колпак – фаворита; сломанный тростник – судебную палату; пустая бочка – генерала; гноющаяся рана – систему управления».

Сатира сатирой, но в реальной жизни многим было не до шуток. Гёртцу, например. Лондон открыл охоту на барона. Узнав о провале Юлленборга, Гёртц, находившийся в Кале и собиравшийся ехать в Лондон, бросился к границе Нидерландов. По его следу были пущены лучшие ганноверские ищейки. Уступая требованиям с Темзы, нидерландские власти оказывали им поддержку. Специальные отряды взяли под присмотр адреса в Гааге и Амстердаме, где мог появиться Гёртц. В домах его были произведены обыски, лично его секретаря Гёртца арестовали, на все бумаги был наложен арест. Барон же вместе со шведским статс-секретарем Андреасом Эрнстом фон Стамке успел добраться до нидерландского Арнема. Здесь местные власти задержали Гёртца и заключили в местной ратуше. При обыске в коробке из-под парика нашли донесения с бухгалтерскими счетами о тайных финансовых операциях и переписку Гёртца с якобитами.

Разразился грандиозный дипломатический скандал. На власти Гелдерланда, где находился Арнем, было оказано давление, и Гёртца выпустили на свободу. Барон покинул камеру и долго фланировал по ратушной пло-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

щади, а затем, под рукоплескания толпы, сел в карету и отбыл восвояси.

Вот тогда-то в тайных донесениях и появились первые сообщения о некоем якобитском «плане предприятия», будто бы обнаруженном в бумагах фон Гёртца и якобы «начерно набросанном царем» Петром I. Какие-то сведения об этом «темном деле» дошли до молодого гидрографа Федора Ивановича Соимонова, в 1719 году отправленного вместе с голландцем Карлом фон Верденом на далекий Каспий, чтобы установить надежный торговый путь из Москвы в Среднюю Азию. Через много лет в своей «Истории Петра Великого» он обмолвился: «Сысканные у сих обоих королевских советников (Юлленборга и Гёртца. – Прим. авт.) письма показывали согласной умысел к произведению оногo в действо тогда, когда бы король шветской выехал в Англию з двенадцатью тысящами пехоты и с четырьмя конницами, и со многим ружем для вооружения двенатцати тысяч агличан. И якобы из оных писем видно было, что шведы имели добрую надежду о привлечении Великого Петра к сей измене, а понеже сей монарх был деликатен...»

Барон Георг
Генрих
фон Гёртц
(1668–1719),
шведский
государственный
деятель
немецкого
происхождения

«ДЕЛИКАТНЫЙ» МОНАРХ

«Деликатность» царя Петра I соответствовала высокому уровню шпионских игр. Если бы российский монарх был менее осторожен и изобретателен, информации о его тайных операциях сохранилось бы неизмеримо больше. В бумагах Петровской эпохи встречаются лаконичные упоминания о странных денежных переводах в европейские столицы, каких-то таинственных персонах, которых русские корабли, не привлекая внимания, должны забрать в портах Франции и Германии, секретных агентах, преследовавших и похищавших тех, кто становился опасен Петербургу и скрывался за границей. Но чаще всего сведения эти безлики, в них не содержится указаний причин происходящего, нет никаких имен.

Ставки были высоки, и заговорщики так все зашифровали, что иногда трудно даже понять, о ком идет речь. Только спустя два века после публикации тайных архивов дома Стюартов всплыло имя царя Петра. Выяснилось, например, что в депешах агентов Якова III 1717 года он упоминался как «один из состоятельных торговцев». У каждого влиятельного якобита имелся и свой собственный шифр, сообразуясь с которым Петра Алексеевича обозначали различными псевдонимами. Например, в письмах графа Мара и шотландского агента Гарри Стрейтона царя называли «Кофилдом». Другие заговорщики, Хью Патерсон и Джордж Джернингхэм, засекретили Петра под именами «Блант» и «Дэвис». Санкт-Петербург они называли «Дрова». А лондонский финансист якобитов Джон Мензис называл русского царя «Монсьеор Дюбург», «Мистер Доррет» или «Мсье Дюмон».

Тщательная конспирация позволяла якобитам уходить от слежки и скрывать встречи с русским монархом. В августе 1717 года агенты Ганноверского двора выяснили, что во время визита в Нидерланды «один из

В.Ф. Тимм.
Целительный
источник
«Фонтан Петра
Великого»
в Спа, Бельгия
(Русский
художественный
листок, 1857)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карл XII (1682–1718),
король Швеции

состоятельных торговцев» инкогнито встречался в усадьбе Лоблиз Апелдорна с бароном Гёртцем – разумеется, обсуждаемые ими вопросы остались неизвестными. А еще ранее, весной и летом, Петр Алексеевич неоднократно встречался с якобитскими эмиссарами в Париже, а затем и на водах в Спа. Курсы лечебных процедур, катания в одноколке, посещение театра и устройство фейерверков не помешали царю дать тайную аудиенцию якобиту герцогу Ормондскому и обсудить с ним детали поддержки Стюартов. В сентябре 1717 года между ними состоялась новая встреча – на этот раз в Данциге, куда герцог Ормондский прибыл в сопровождении доверенных людей. На этих тайных свиданиях герцог понял, что царь Петр не собирается таскать каштаны из огня для якобитов и, на словах поддерживая «Короля За Морем», рассчитывает на заключение мирного договора со Швецией и создание широкого антиганноверского фронта. Возможную же отправку 20-тысячного военного корпуса под немецкий Росток царь связывал с гарантиями участия Франции в коалиции. Русский монарх не спешил принимать решения, и, судя по переписке якобитов, заговорщики осознавали, что позиция Петербурга зависит от достигнутых успехов и прежде всего

от результатов Аландского конгресса (мирные переговоры между Россией и Швецией в мае 1718-го – октябре 1719 года. – Прим. ред.). Но был еще один момент, который накладывал отпечаток на русско-якобитские отношения и о котором со злорадством докладывали британские агенты: принимая на службу якобитов, открывая перед ними карьерные возможности и предоставляя выгодные финансовые условия, царь

П. Костанци.
Портрет
маршала
Джорджа Кита.
Около 1733 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

всегда знал, что «домой возвратиться они не могут», и потому «заставлял их служить в совершенно произвольных условиях, вследствие чего положение их не многим лучше положения здешних рабов». К 1719 году секретный замысел военного вторжения на Британские острова и свержения Ганноверской династии в лице Георга I был уже обсужден на переговорах Карла XII с якобитами и государственным министром испанского короля кардиналом Альберони. Шведского короля представлял приехавший летом 1718 года в Мадрид барон Гёртц. Ему удалось получить кредит испанского правительства и снарядить несколько судов во Франции и Нидерландах. После отъезда барона на Аландский конгресс, где начались мирные переговоры России и Швеции, обсуждением деталей готовящейся высадки занимался доверенный Гёртца, бывший офицер французской армии Теодор фон Нойхоф – европейский авантюрист, позже получивший известность как «король Корсики» Теодор I. Вторжение на Британские острова должны были осуществить два экспедиционных корпуса. Вспомогательной эскадрой командовал шотландец, граф-маршал Джордж Кит (Кейт), эмигрировавший на континент и заочно приговоренный в Брита-

нии к смертной казни. Он должен был высадить на северо-западном побережье Шотландии испано-шотландский десант и при поддержке горных кланов начать наступление на Лондон. Одновременно к юго-западному побережью Англии должна была причалить испано-шведско-якобитская армада герцога Ормондского.

К несчастью для организаторов вторжения, на берегах Темзы были осведомлены о планах заговорщиков. За ними внимательно следили в Париже, откуда британский посол Джон Далримпл, граф Стэр регулярно сообщал о перемещениях якобитских войск. Сведения о замыслах Претендента стекались в Лондон и по официальным каналам, например от руководителя внешней политики Франции кардинала Дюбуа. Агенты Георга I готовили ответные удары: в январе 1719 года им удалось выследить и задержать в Ирландии посланника герцога Ормондского. Не дремали шпионы Георга I и в Риме, поджидая удобного случая, чтобы расправиться с самим Шевалье – его рассчитывали выкрасть, как только он покинет Италию и направится в Испанию или во Францию, чтобы возглавить войска.

В Петербурге между тем делали вид, что ничего не происходит, и отрицали участие в проектах реставрации Стюартов. Но убедить Лондон в непричастности к якобитским делам не удалось. «Намерение испанцев вторгнуться в Великобританию на защиту претендента наделало здесь немало шума, – доносил в Лондон британский посланник Джеймс Джеффрис 10 апреля 1719 года. – Русский двор об этом вторжении слышит с удовольствием и несомненно воспользуется им возможно лучше в свою пользу». Тем не менее попытка была сделана: в пространном мемориале от 17 октября 1720 года, переданном британскому правительству резидентом в Лондоне Михаилом Петровичем Бестужевым-Рюминым,

Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688–1760), видный русский дипломат

говорилось, что «Его царское величество никогда не давал своего защищения бунтовщикам противу великобританской короны». Особо подчеркивалось, что царь «не почитает себя обязанным ответствовать за каждого приезжавшаго в области его англичанина, ни разсматривать, претендента он сторона или нет». Отрицая какие-либо «секретные намерения», Петербург предъявил ответные претензии Лондону, обвиняя Георга I в попытках создания антирусской коалиции. После получения мемориала британское правительство предписало Бестужеву-Рюмину покинуть страну в течение восьми дней.

Озеро Кончезеро. XIX век

ТРИ НЕПОПРАВИМЫХ УДАРА

Драматично закончилась и история с вторжением в Англию. Ключевые события произошли осенью 1718 года под стенами крепости Фредрикстен (крепость города Фредриксхалда (ныне Халден, Норвегия) – форпост датчан в Южной Норвегии, ни разу не попадавший в руки противника. – Прим. авт.). Осажденная войсками Карла XII цитадель должна была пасть со дня на день. В шведском лагере с нетерпением ожидали приезда посланца от Альберони, сэра Патрика Лоулесса, ирландца, находившегося на испанской службе, который собирался согласовать с королем последние детали вторжения в Шотландию. Хорошие новости о переговорах с Россией вез и ехавший к Фредрикстену с Аландских островов барон Гёртц. Якобиты не сомневались в успехе переговоров: в письме графу Мару от 17 октября 1718 года герцог Ормондский выражал глубокую уверенность в том, что «Кемп» (Карл XII) и «Колман» (Петр I) наконец-то найдут общий язык. Мир с Россией и взятие Фредрикстена развязали бы шведскому королю руки, и он мог бы наконец начать высадку в Шотландии. Но пока необходимо было завершить осаду Фредрикстена. Король был обеспокоен тем, что датчане могут совершить вылазку, и решил проверить состояние работ по подготовке осадных траншей. Он не придал значения

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

прочитанному накануне тайному донесению о подготовленном против него заговоре, сжег его и, сев на коня по кличке Англичанин, направился на передовую. Здесь около 10 часов вечера его и поразила в голову мушкетная пуля. Она вошла королю в левый висок и пробила насквозь голову. Загадочные обстоятельства убийства послужили предметом для различных слухов, предположений и гипотез, основывавшихся зачастую на малодостоверных косвенных уликах. Одни исследователи, например, утверждали, что мушкетный выстрел был единичный, другие доказывали, что выстрел, напротив, составлял часть картечного залпа. Непонятно и то, какой была пуля – свинцовой или железной. А может, как гласила легенда, серебряной? Не выяснены до сих пор и вопросы, касающиеся баллистики выстрела. Так, остается неясным, откуда и с какого расстояния он был произведен – со стороны датской крепости или из шведских траншей. Но главным предметом дискуссий остается вопрос о том, погиб ли король от руки противника, стал ли жертвой шального выстрела, пал ли из-за мести обиженного на него подданного или был устранен в результате заговора. В таком случае, кто мог стоять за покушением: шведская полити-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ческая оппозиция, сестра короля Ульрика Элеонора и его зять принц Фридрих Гессен-Кассельский или король Великобритании Георг I? На все лады обсуждали смерть короля и на берегах Невы. В сентябре 1723 года по просьбе шведского посла в Петербурге был арестован танцмейстер Шульц – «за то, что он рассказывал здесь за верное, будто в нынешнем году, в Стокгольме, на открытой площади, сам слышал из уст подполковника Сикье, что король Карл XII застрелен им,

Георг Вильгельм де Геннин (1676–1750), российский военный инженер, генерал-лейтенант, друг и соратник Петра Великого

тогда как известно, что подполковник в то время был уже сумасшедшим и не выходил более из своего дома».

Неожиданный для якобитов оборот приняли события и в самой России. Трагедия произошла на целебных источниках близ села Кончезеро, в 50 километрах от Петрозаводска Олонецкой губернии. Они были открыты в 1714 году и исследованы в 1716-м инспектором горнодобывающих шахт голландцем Георгом Вильгельмом де Геннином, а затем обустроены по типу европейских водных курортов. По поручению царя целительные свойства местных вод исследовали отправленные в Олонец Арескин и Блюментрост, будущий первый президент Петербургской Академии наук. В честь бога войны Марса воды были названы Марциальными. Официальное их открытие произошло по указу Петра I от 20 марта 1719 года.

19 ноября, за 10 дней до смерти шведского короля, здесь скончался лейб-медик царя Роберт Арескин – ключевая фигура в русско-якобитских переговорах. Его болезнь протекала очень тяжело: за несколько дней до смерти Арескина олонекский комендант и начальник Петровских заводов полковник де Геннин доносил, что шотландский доктор «остановился у меня и zelo желал он марциальных вод пить, и я послал привести из марциального колодезя 4 бутылки, которой он больше 2 маленьких рюмок выпить не мог и после того... с полчаса выблевал». Ближние Арескина подозревали отравление. Печальное известие о кончине человека, державшего в своих руках все русские нити якобитского заговора, потрясло якобитов. Ошеломлен был и царь. Петр Алексеевич «пролил реки слез... – записывал секретарь Аптекарской канцелярии и будущий президент Петербургской Академии наук Иоганн Шумахер. – Он приказал устроить ему пышные похороны, дабы выразить свою признательность тому, кто служил ему пятнадцать лет до последнего вздоха».

Г. Седерстрём.
Перенесение
тела Карла XII
через норвежскую
границу. 1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дурные вести пришли и из Швеции. 3 декабря 1718 года в небольшом местечке Танум по приказу принца Гессенского арестовали главного вдохновителя якобитского вторжения, барона Гёртца, направлявшегося с Аландских островов на встречу с королем. Не подозревавший о смерти Карла XII Гёртц был захвачен врасплох. 27 декабря под охраной отряда лейб-гвардейцев его доставили в Стокгольм и бросили в тюрьму в Сёдермальме. Ему инкриминировались госизмена, дурные советы монарху, разрушение финансовой системы и препятствование заключению мира. Судебный процесс над Гёртцем стал воплощением беззакония: барон вообще не подлежал юрисдикции королевства, так как не являлся шведским подданным, он состоял на службе герцога Гольштейнского и не занимал никаких государственных постов в Швеции. Подотчетный только королю, барон Гёртц, разумеется, не мог и помыслить выйти за рамки указаний Карла XII и уж тем более не был уполномочен принимать решения, не согласовав их с монархом. Все эти соображения организаторы процесса в расчет не приняли, и в марте 1719 года барон Гёртц взошел на эшафот. Оставшиеся ему верными слуги выкрали тело своего хозяина, захороненное под эшафотом, и, тайно переправив его на континент, похоронили в Гамбурге.

После смерти Карла XII и барона Гёртца Швеция на время вышла из игры. Сорвались и планы испано-якобитского вторжения на Британские острова: как и в 1588-м и в 1688-м, их нарушила погода, заставившая современников вспомнить разгром Непобедимой армады и «Славную революцию». «Протестантский ветер» и «Рука Провидения» вновь сыграли на стороне Лондона. В марте 1719 года двухдневный ураганный шторм разметал у мыса Финистерре вышедший из Кадиса флот герцога Ормондского. Перед прибывшим 17 марта в Ла-Корунью

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Казнь барона фон Гёртца. Рисунок неизвестного художника

Тело и голова барона Гёртца доставлены на «другой берег» в лодке. Фрагмент миниатюры. 1719 год

Яковом III предстали жалкие остатки флотилии. Не добился успеха и Кит. Руководимая им эскадра успела опередить шторм и, покинув Сан-Себастьян, высадила войска в заливе Лохалш. Здесь к войскам Кита присоединились отряды горных кланов, в том числе люди увековеченного Вальтером Скоттом знаменитого Роб Роя Мак-Грегора. Однако наступление Кита сорвалось, его войска были разбиты в битве при Глен-Шиле 10 июня 1719 года.

ЗАГОВОР АТТЕРБЕРИ

Казалось, надежды якобитов обратились в прах. Однако в действительности самое неприятное для Ганноверской династии еще было впереди. И, судя по донесениям русских дипломатов, в Петербурге прекрасно понимали уязвимость Туманного Альбиона. Отслеживая ситуацию в Лондоне, посол князь Куракин доносил из Гааги в Петербург о том, что «в английской казне великое есть оскудение», а «в здешней земле бедность и вопль народной умножаетца». По мнению князя, недовольство усиливалось из-за войны с Испанией, ради которой проводились широкие рекрутские кампании. Вербовщики часто отправлялись «на охоту» в ночь перед выходом в море и высматривали по всем закоулкам, борделям и злачным местам пополнение. Набережные Темзы опустели, никто не рисковал появляться в этих опасных местах – вернуться к прежней жизни удавалось единицам, и никакие родственники не могли отыскать бедолагу, избитого и засунутого вербовщиками в трюм.

Летом 1720 года разразился масштабный финансовый скан-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дал, связанный с банкротством привилегированной «Компании Южных морей» (см.: «Русский мир.ру» №10 за 2021 год, статья «Последнее дело Петра Великого». – Прим. ред.). Основанная в 1711 году для торговли с владениями испанской короны в Америке и китобойного промысла в Южных морях компания обещала погасить выросший за годы прошедших войн госдолг и вступила в конкурентную схватку с Банком Англии, рассчитывая подчинить себе фондовый рынок и рынок кредитов. С этой целью управляющие «Компанией Южных морей» вели активную продажу своих ценных бумаг, предлагая акционерам в будущем выплатить солидные дивиденды. Эйфория первых выгодных биржевых спекуляций быстро закончилась, началось падение акций. Компания рухнула, финансовая пирамида обрушилась, тысячи инвесторов разорились. Начавшийся судебный процесс вскрыл разветвленную систему коррупции и мошенничества на самых высоких уровнях власти. Король Георг I вынужден был пожертвовать своими министрами: в отставку подал обвиняемый в получении «доли денежной» первый лорд казначейства Чарльз Спенсер, на скамью обвиняемых попали высокопоставленные чиновники и служащие компании.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

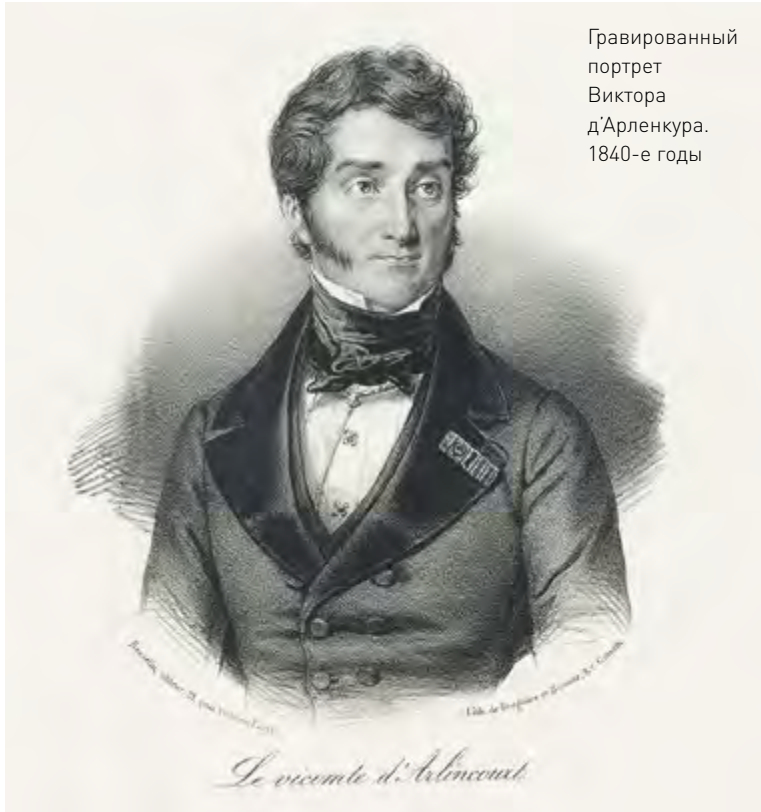
В Лондоне готовились к бунтам. В атмосфере народного озлобления якобиты вполне могли опереться на широкую поддержку плебейских слоев населения: докеров, подмастерьев, ремесленников и уголовников, нередко симпатизировавших Претенденту, видя в нем «собрата по несчастью». В такой обстановке происходила подготовка к очередным осенним выборам в парламент 1722 года, которыми и решили воспользоваться якобиты. Очередной составленный ими заговор получил имя одного из его руководителей, Фрэнсиса

Фрэнсис
Аттербери
(1663–1732),
епископ
Рочестерский,
проповедник,
политик,
писатель,
переводчик

Аттербери, епископа Рочестерского. Заговорщики планировали поднять мятеж в Лондоне, организовать вооруженные выступления якобитов в нескольких графствах и при поддержке Швеции, Испании и России осуществить десантную высадку в Корнуолле и в Шотландии. Детали заговора Аттербери, и в частности участия в нем Петра Великого, до сих пор остаются нераскрытыми (см.: «Русский мир.ру» №9 за 2020 год, статья «Тайна командора Ульриха». – Прим. ред.). Но для обычных жителей Великобритании одних слухов о «русской угрозе» было достаточно, чтобы прийти в ужас. Тревога охватила и дипломатов: посол Великобритании во Франции Лукас Шауб в одном из донесений поведаль о «кораблях, которые царь снаряжает в Архангельске, и к этому причастны якобиты». Сегодня, разумеется, трудно отделить мифы от реальности. Тем более что заговор Аттербери был раскрыт. Его участники взойшли на эшафот или бежали за границу, но угроза русского вторжения еще долго пугала Туманный Альбион. Разговоры стали понемногу затихать только после смерти Петра Великого. В конце марта 1725 года новости о смерти императора достигли Рима, а ни о чем не подозревавший якобитский агент и бывший офицер Российского флота Уильям Гей как раз направлялся в Петербург с письмом Якова III императору. Подробности этого письма нам неизвестны, но, судя по всему, Яков III в очередной раз заверял Петра в том, что Испания и Франция готовы оказать ему поддержку. Речь шла о подготовке очередной десантной высадки в Британии. Но драгоценное время было упущено. В апреле 1725 года вице-адмирал русской службы Томас Гордон сообщил Якову III, что имел немало возможностей для встреч с императрицей Екатериной, «но сейчас очень трудно разговаривать с Ее Величеством о частных делах»... ❶

А. Сейлмейкер.
Корабли
британского
военного флота.
1721 год

Гравированный
портрет
Виктора
д'Арленкура.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ ВИКОНТА Д'АРЛЕНКУРА

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

СО ВРЕМЕНИ ПУБЛИКАЦИИ В 1790 ГОДУ
ЗНАМЕНИТОЙ ПОВЕСТИ АЛЕКСАНДРА РАДИЩЕВА
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ СТАЛО
НЕ ПРОСТО ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ ИЗ ОДНОЙ ТОЧКИ
ПРОСТРАНСТВА В ДРУГУЮ, НО МЕТАФОРой,
СВОЕОБРАЗНЫМ СИМВОЛОМ САМОДЕРЖАВНОЙ
И КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.
«Я ВЗГЛЯНУЛ ОКРЕСТ МЕНЯ – ДУША МОЯ
СТРАДАНИЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА УЯЗВЛЕННА
СТАЛА», – ПИСАЛ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ.

С ТЕХ ПОР ПО ЭТОЙ дороге проехало множество как простых, так и именитых путешественников, как русских, так и иностранцев. Многие из них оставили свои наблюдения. Из русских путешественников, пожалуй, самым известным стал Александр Сергеевич Пушкин, с той лишь разницей, что он совершил путешествие не из Петербурга в Москву, а в обратном направлении. Он решил взять с собой в дорогу «скучную» книгу, идеально подходящую для того, чтобы скоротать в пути время. И приятель дал ему запрещенную книгу Радищева. И вот что любопытно: с выводами Александра Николаевича Александр Сергеевич не согласился. Правда, ехал поэт в 1833 году уже по новой, недавно открытой дороге, о чем написал в «Путешествии из Москвы в Петербург».

«КАКОЙ ПИСАТЕЛЬ НЫНЧЕ В МОДЕ?» – «ВСЕ D'ARLINCOURT И ЛАМАРТИН»

По этой самой дороге летом 1839 года путешествие из Петербурга в Москву совершил маркиз Астольф де Кюстин, спустя четыре года опубликовавший, наверное, самую шумевшую и провокационную книгу о нашей стране – «Россия в 1839 году». А спустя три года после путешествия Кюстина тот же путь проделал еще один его соотечественник, виконт Виктор д'Арленкур, написавший о своем путешествии по России двухтомную повесть «Полярная звезда», вышедшую одновременно с книгой Кюстина. Но если взгляд Кюстина на Россию хорошо известен, то с путешествием Арленкура современный читатель мало знаком: его книга на русском языке не публиковалась. Между тем в России Николая I имя Арленкура было на слуху, достаточно вспомнить пушкинского «Графа Нулина»: «Какой писатель нынче в моде?» – Все d'Arincourt и Ламартин». Пред-

ставим сначала читателю автора «Полярной звезды», а потом проследуем за ним из Петербурга в Москву...

Шарль-Виктор Прево д'Арленкур, французский поэт и писатель-романтик, родился 26 сентября 1788-го – за год до начала революции. Его отец и дед были генеральными откупщиками (финансисты, получавшие по договору с государством право сбора королевских податей и других косвенных налогов в аренду. – Прим. ред.) и погибли на гильотине во время якобинского террора. Свою административную карьеру он начинал при императоре Наполеоне: в 1811 году получил должность аудитора в Государственном совете, потом служил интендантом во французской армии в Испании. С установлением режима Реставрации в 1814 году продолжил карьеру при Людовике XVIII, стал статс-секретарем, тогда же приобрел замок и стал виконтом. Его критики и недруги утверждали, что он самолично присвоил себе этот титул, а его биограф Альфред Маркизе писал о «темном виконтстве». В 1821 году Арленкур опубликовал роман «Отшельник», имевший огромный успех. Книга за короткий период была переиздана 12 раз и переведена на 10 язы-

ков! Последующие романы также были с восторгом встречены читателями, и популярность Арленкура в те годы была сопоставима с популярностью Виктора Гюго; его даже прозвали «князем романтиков». Июльскую революцию 1830 года он не принял, остался верен Карлу X. И, как и многие легитимисты, – так стали называть сторонников «легитимной» династии Бурбонов – старался как можно меньше бывать во Франции «узурпатора» Луи-Филиппа, совершая длительные путешествия. Виктор д'Арленкур, как и Кюстин, отправился в далекую Россию, за Полярной звездой, которую он называл своим талисманом.

Фронтиспис и титульный лист эпической поэмы Арленкура «Карл Великий, или Каролеида», которую он в 1818 году подал в академию, где его кандидатура получила ровно один голос

А.О. Орловский.
Выезд тройки.
Около 1806 года

ЗА ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Итак, 28 мая 1842 года Арленкур покинул Париж. В Вене он нанес визит барону Геккерну, приемному отцу Дантеса и бывшему голландскому посланнику в России, который в том же году стал полномочным представителем Голландии при венском императорском дворе. Затем проехал через Гамбург, потом отправился в Травемюнде (ныне район Любека. – Прим. авт.), сел на пироскаф «Николай I» и благополучно доплыл до Петербурга. Он провел полтора месяца в «космополитичной столице», поразившей его величием и масштабами. Но он хотел увидеть Россию изнутри, понимая, что Петербург не является Россией как таковой.

ДОРОГА

27 июля 1842 года в сопровождении музыканта и мецената князя Николая Борисовича Голицына Арленкур покинул Петербург и отправился в Москву. Свои впечатления о поездке он изложил, как и Радищев, в жанре сентиментального путешествия, описывая не только саму дорогу, но и жизнь и быт крестьян, излагая мысли об общественном устройстве России. И, как и Радищев, сопровождая

Князь Н.Б. Голицын. Портрет работы неизвестного художника. 1830-е годы

свой рассказ сентиментальными историями.

Как читатель помнит, Радищева дорога ужасно утомила: «Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковую ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но – на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую». Кюстина извела быстрая езда: «Ехать на почтовых из Петербурга в Москву значит целыми днями испытывать чувство, какое испытываешь, скатываясь с «Русских гор» в Париже». Арленкуру же, как и Пушкину, дорога очень понравилась! Он предполагал, что его ждет утомительная езда, но это было, по его собственным словам, очаровательное путешествие, а дорога из Петербурга в Москву показалась ему одной из самых благоустроенных в Европе: «Мы летели как ветер в этом экипаже с четверкой лошадей по превосходному шоссе, делая около четырех лье в час».

На постоянных дворах Арленкура, как и многих иностранцев, поразило отсутствие кроватей, и он подробно описывает, что его принимали чуть ли не за сумасшедшего, когда узнавали, что ему нужна кровать. Но он объясняет скромность постоянных дворов тем, что богатые русские привыкли все необходимое, в том числе матрасы, белье, вина, даже воду возить с собой – это удивляло европейцев, когда они видели русских, путешествующих со всем скарбом по Европе. Бедняки же, пишет Арленкур, полагают, что они не имеют права претендовать на роскошь, и искренне считают, что им и так сойдет. Что же касается иностранцев, полагает путешественник, то хозяева постоянных дворов не принимают их в расчет как редких посетителей.

Русская деревня на почтовом тракте. Рисунок

РОССИЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ

Природа Арленкуру показалась непоэтичной, но она его особо и не интересовала: по его словам, он жаждал увидеть проявление «национальных черт», то есть увидеть Россию народную. Хотя, конечно, жизнь российских крестьян внешне не особо отличалась от жизни крестьян французских: достаточно вспомнить описания французского крестьянства накануне революции в письмах Дениса Фонвизина генералу Петру Панину.

Как утверждал Пушкин, со времен австрийского барона Августина Мейерберга, побывавшего в Московии в середине XVII века и оставившего об этом мемуары, русская деревня осо-

бо не изменилась. «Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году», – пишет поэт, имея в виду иллюстрации к книге Мейерберга, относящиеся к 1662 году. В то же время Пушкин, как известно, полагал, что Радищев «начертал карикатуру» и отмечал, что уже «произошли улучшения, по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют *comfort*».

Арленкур труб не заметил, и его описания крестьянского быта мало чем отличаются от изложения Кюстина. Жизнь крестьян поразила его своей убогостью

Крестьянская семья за столом. Почтовая открытка

П.М. Шухмин.
Иллюстрация
к сочинению
А.Н. Радищева
«Путешествие
из Петербурга
в Москву».
1949 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и нищетой: «Представьте себе нагромождение бревен, кое-как покрытых досками. Представьте себе жилища без фундамента, одни из которых завалились на нос, другие – на спину, третьи – на крыло, и вы получите лишь слабое представление об этих домах. Создается впечатление, что их строили не люди, а звери...» «Внутри – ужасающая нищета: ни мебели, ни кроватей, ни воздуха, ни очага. Только солома, гниль, паразиты, зловоние и тьма. Коровы, овцы, лошади, все живут вместе, вместе с

мужчинами, женщинами и детьми, которые, одетые в шкуры животных, мало чем от них отличаются. Где овца, где женщина? Где мужчина, где животное? Все смешалось. Все эти существа едят, пьют и спят вместе». Правда, подметил он, в окрестностях больших городов встречаются деревни не такие убогие. Но особенно его поразил контраст между этими хибарами и помещичьими усадьбами. Усадьба – это роскошь и блеск, высокая степень цивилизации, и рядом – изба, воплощение крайней

Г.В. Сорока.
Вид на усадьбу
Островки
с Большого
острова.
1846 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

степени варварства. И так почти повсюду в России, делает вывод Арленкур. Отметим, такое противопоставление двух миров типично для иностранцев.

По пути Арленкур имел возможность понаблюдать за крестьянами. Ему встречались молодые крестьяне, одетые в «овечьи шкуры», хотя было лето (но мы знаем, что тулуп для крестьян был многофункциональным и использовался не только как одежда), босоногие или в «плетеных сандалиях», как он именуется лапти. Крестьяне ему показались «красивыми и ладными»: «У большинства из них были красивые голубые глаза, полные пронизательности и ума, белые зубы и добродушные улыбки». По его мнению, суровые условия жизни влияли как на внешность людей, так и на их характер. От ужасного климата, пишет он, кожа становится будто дубленной, органы вкуса, обоняния и осязания притупляются. Снежная холодная зима – а холод, по словам Арленкура, это и есть часть России, он даже сожалел, что был там летом, потому что истинное время года России – зима, – ослабляет организм, но, с другой стороны, заставляет приспосабливаться. Поэтому, закаленные природой, крестьяне имеют гибкое тело, тонкий слух, изворотливый ум и потрясающую ловкость. Кроме того, суровые условия жизни приучили их довольствоваться малым, в том числе и в еде: черный хлеб, соленые огурцы, квашеная капуста, копченая рыба и квас – вот и все крестьянские разносолы.

Если столичные дамы в описании Арленкура – это воплощение красоты, ума и изящества, то крестьянки его, как, впрочем, многих других иностранцев, не вдохновили (кстати, Кюстину они понравились). Женщинам из простонародья виконт отводит лишь несколько строк, отмечая, что они обычно держатся в сторонке, не отличаются красивой фигурой, носят «отвратительную» одежду, а их лица – печальны и спокойны.

СОЦИАЛЬНАЯ ГАРМОНИЯ

Взаимоотношения между крестьянами и помещиками и в целом социальная атмосфера в описании Арленкура близки взгляду Пушкина и совсем непохожи на восприятие Радищева и Кюстина. Взгляд Радищева всем известен со школьной скамьи: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, – воздух». Кюстин, даже если отмечает, что «из всех русских крестьяне меньше всего страдают от отсутствия свободы», то тут же добавляет, что «они сильнее всех поработены». Подобные уточнения звучат рефреном его книги: маркиз все описывает через ключевые понятия «деспотизм», «варварство», «рабство», и, даже если что-то хорошо, в итоге все равно получается ужасно.

Арленкура же, как и многих его соотечественников, крепостное право не раздражало; он подчеркивал его патриархальный характер и отмечал, что крестьяне и помещики нужны друг другу. Если крестьяне несут свое бремя, то хозяева имеют свои обязанности. Они должны кормить крестьян во время голода, лечить их во время болезней, заботиться о них в старости и во все времена решать их нужды. Когда крепостной женится, хозяин должен предоставить ему дом и землю. В интересах помещика заботиться о жизни, здоровье, благополучии своих крестьян, дабы взамен получать доход и спокойную жизнь. При этом помещики – не угнетатели; угнетение было бы фатальным для них, поскольку месть крестьян была бы ужасной.

С другой стороны, если помещик все-таки притесняет крестьянина, тот может пожаловаться императору. Конечно, жизнь крестьян Арленкур идеализирует, но в целом его взгляд близок мысли Пушкина: «Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Л.-П.-А. Бишебуа.
Вид Кремля из
Замоскворечья.
Середина
1840-х – 1850-е
годы

где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). <...> Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи?»

В описании дворянства Арленкур также расходится с Кюстином. Если для Кюстина все в России, будь то дворяне, будь то крестьяне, равны в своем беспредела перед императором и все перед ним рабы, то, по мнению Арленкура, российское дворянство – самое открытое в Европе, и в этом заслуга Петра Великого и его Табели о рангах: «...любой солдат или служащий может стать частью русской аристократии, и дворянство империи царей является самым открытым и самым либеральным в плане своих принципов и организации».

Система управления, сообщает Арленкур, покоится на обычаях: «Общая организация страны не основана, конечно, на демократических принципах, но имеет своими истоками древние традиции, и такая организация соответствует нравам русского народа. Другое управление не то что не будет принято, оно будет отклонено». При этом законодательство – это «дебри», в которые невозможно проникнуть, а каждая губерния имеет свое устройство, свои права, свои обычаи. Кюстин тоже отмечает этот факт, но вывод делает совершенно противоположный: «Во Франции нравы и обычаи всегда смягчали политические установления; в России они, наоборот, ужесточают их, и это приводит к тому, что следствия становятся еще хуже, чем сами принципы».

Л.-П.-А. Бишебуа.
Вид Нижегородского
кремля.
1840-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«МОСКВА – ЭТО ОДНОВРЕМЕННО ЕВРОПА И АЗИЯ, ВОСТОК И ЗАПАД...»

За разговорами, минуя Великий Новгород и Тверь, путешественники за четыре дня добрались до Москвы. Кюстина Москва сначала восхитила, но при приближении разочаровала: «Когда смотришь издали, Москва в своей целокупности кажется созданием силфов, миром химер; когда видишь ее вблизи, в подробностях, она оборачивается большим торговым городом, беспорядочным, пыльным, плохо вымощенным, плохо застроенным, мало населенным...»

Арленкура же древняя столица поразила: «Москва – это одновременно Европа и Азия, Восток и Запад. Грек и египтянин здесь соперничают с арабом и китайцем, здесь встречаются Гренада и Пекин, Иерусалим и Париж». Как и Кюстин, он тоже первым делом направился в Кремль. Но если для Кюстина Кремль – это «идеал дворца для тирана», то для Арленкура – потрясающее место, связанное как с древней историей Московского государства, так и с пребыванием в Москве Наполеона. Если Кюстину везде грезился призрак Ивана Грозного, то Москва для Арленкура – это прежде всего Наполеон: «Москва! Дорога на Святую Елену!» После Москвы Арленкур посетил Троице-Сергиеву лавру, доехал до Нижнего Новгорода – по его словам, обязательного пункта программы любого иностранца, оказавшегося в Москве, – и отправился в Петербург.

«Я ДОСТАТОЧНО ПОХВАЛИЛ ИМПЕРИЮ ЦАРЕЙ, ТЕПЕРЬ МОГУ И ПОКРИТИКОВАТЬ»

Обратную дорогу Арленкур описывать не стал. Он задержался в столице еще на три недели и 2 сентября, нагруженный подарками, на пароходе *Stor Fursten* отправился в обратный путь. И вот тут он решил Россию поругать: «Я достаточно похвалил

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

империю царей, теперь могу и покритиковать». Он называет не две извечные российские беды, а три, но совсем другие: таможни, почтовые станции и паспорта. Вот эти три напасти, по его словам, и приводят в негодование иностранцев, и именно по этой причине, раздраженные, они плохо пишут о России.

Р. Лефевр.
Портрет Виктора д'Арленкура.
1822 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист повести Арленкура «Полярная звезда» (Париж, 1843)

Как видим, по дороге между Санкт-Петербургом и Москвой наши путешественники видели одно и то же, но смотрели на все разными глазами, сквозь призму своего настроения и мироощущения. Поэтому у Радищева все очень мрачно. Кюстин видел то, что хотел увидеть, и, как писал в неопубликованном опровержении на его книгу князь Петр Вяземский, мог отправиться обратно, едва ступив на российский берег, потому что свой вывод о России он уже сделал: все здесь пьяны от рабства. Пушкин, как и Арленкур, на мой взгляд, путешествовали в хорошем настроении. Им понравились и дорога, и пейзаж, в жизни крестьян они видели и нищету, и проблемы. Но тот же Пушкин писал: «Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... <...> Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного». С таким же оптимизмом смотрит на Россию и Арленкур. Следует учитывать, что французские придворные и своих крестьян описывали как животных, достаточно вспомнить моралиста XVII века Жана де Лабрюйера, которого упоминает и Александр Сергеевич. Если Арленкур полагает, что «русские имеют две защиты от испорченности века: покорность и веру», то для Кюстина это вовсе не покорность, а безропотность рабов. На мой взгляд, книгу Арленкура и его рассказ о путешествии из Петербурга в Москву читать гораздо интереснее, чем работу Кюстина: последний – прекрасный рассказчик, но его цель – не понять, но обличить и разоблачить. Отсюда и изливаемые им потоки желчи, превратившие хорошую книгу в пасквиль. Арленкур же попытался Россию именно понять. Да, он порой ее идеализирует, но хвалит то, что ему импонирует, и критикует то, что ему не по нраву. В этом и заключается ценность его «Полярной звезды»... ❀

Фаддей
Булгарин.
Рисунок
С.-Ф. Диеца.
1846 год

АМУР В УЛАНСКОЙ ШАПКЕ

АВТОР

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НА УДИВЛЕНИЕ
АРХАИЧНО. МЫ РАСЩЕПИЛИ АТОМ, ПОЛЕТЕЛИ
В КОСМОС И ПОБЫВАЛИ НА ЛУНЕ, НО ДО СИХ
ПОР МЫСЛИМ КАТЕГОРИЯМИ МИФОВ И СКАЗОК.
ПОДАВАЙ НАМ ПРОТАГОНИСТА И АНТАГОНИСТА,
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ И АНТИГЕРОЯ.

В XVIII ВЕКЕ НАЧАЛ складываться миф русский, точнее говоря, российский. Тогда при деятельном участии писателей и историков был мифологизирован Петр I. За ним последовали Екатерина II, Ломоносов и

Суворов. В XIX столетии народное сознание, направляемое литературой и журналистикой, объявило имена новых героев. В их числе оказался и Александр Сергеевич Пушкин, «солнце русской поэзии» и «наше все». Можно смело утверждать, он – про-

тагонист главного русского мифа, который начал создаваться сразу после его гибели и был доведен до совершенства в советском литературоведении.

В сознании миллионов людей, знакомых с литературой только по школьным учебникам, существует один Пушкин – «повеса вечно праздный, потомок негров безобразный», вольнодумец и картежник, спаивающий старенькую няню («Выпьем с горя; где же кружка?») и погибающий на дуэли, «оклеветанный молвой».

Пушкинский миф – миф героический. В нем Александру Сергеевичу противостоят многочисленные антагонисты. Так положено в мифе. Иначе как герою проявить свою героичность?

Антагонисты Пушкина, конечно, в первую очередь Александр I и Николай I. Последний мифотворцами вообще обвиняется в убийстве «невольника чести». Дескать, он направлял пистолет Дантеса. Разумеется, Дантес, как и Геккерн, и Бенкендорф, это все антагонисты. Советское литературоведение причисляло к недругам Александра Сергеевича митрополита Филарета, архимандрита Фотия, графа Воронцова и даже доктора Арендта, не сумевшего вылечить Пушкина.

Но среди антагонистов Пушкина есть один человек, настолько осмеянный литературоведами, настолько замаранный черной краской, настолько опороченный в общественном мнении, что даже не верится в его существование. Такой человек, точнее говоря, человек, мог родиться, жить и умереть только в анекдоте.

Советский журналист Вадим Соколов в книге «Рядом с Пушкиным» такими чертами обозначил характер анекдотичного человечка: «Беспринципность, лицемерие, приспособленчество, стяжательство и элементарная подлость». И это все о нем, о Видоке Фиглярине – Фаддее Венедиктовиче Булгарине.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«ПРОПАЛИ МЫ, ПОГИБЛИ...»

За черной краской совершенно не виден подлинный Булгарин – человек большого горького опыта, боевой офицер, талантливый писатель и успешный издатель, возбуждавший особо острую зависть в современниках. Не в последнюю очередь современников раздражало польское происхождение Булгарина, являвшееся предметом насмешек и недоверия. Разве лях может быть русским писателем и патриотом? Между тем Булгарин был русским, белорусом. Его родители – Венедикт Булгарин и Анеля Бучинская – были западнорусскими дворянами, униатами, ополяченными белорусами.

Фаддей Венедиктович Булгарин появился на свет 24 июня (5 июля) 1789 года в принадлежавшем его матери имении Перышево в Минском воеводстве. Отец, ярый патриот Речи Посполитой, назвал сына Тадеушем (Фаддеем) в честь Тадеуша Костюшко, который, кстати, также был ополяченным белорусом. Булгарин писал в «Воспоминаниях»: «Я был последнее, любимое и балованное дитя у моих родителей». Но с рождения его жизнь складывалась несчастливо. Гул войн и денежные неурядицы постоянно преследовали его.

Перышево было продано ради покрытия долгов отца, и семья переехала в имение Маковищи. С ним связано одно из первых переживаний Булгарина, описанных в «Воспоминаниях». Хотя в 1793 году в ходе второго раздела Речи Посполитой Минское воеводство было присоединено к России, здесь все еще продолжалось восстание польских панов. Весной 1795 года возле Маковищ была слышна пушечная стрельба – это русские солдаты добивали последние отряды повстанцев.

«Отца моего не было дома, и матушка моя чрезвычайно испугалась близости войны. Решено было: всему семейству с драгоценнейшими вещами спря-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

таться в лесу, угнать туда же домашний скот и лошадей, <...> Тотчас начали укладываться и суетиться; не обошлось при этом без слез. И я, видя общую суматоху и слезы, слыша беспреостаннные повторения «Пропали мы, погибли», сам заплакал громче всех, воображая, что пропадут и погибнут все мои игрушки, сад, в котором я играл, и вообще все, что утешало и забавляло меня».

Впоследствии Булгарину неоднократно приходилось слышать причитания «Пропали мы, погибли» и плакать из-за того, что рушится мир, к которому он привык. Неоднократно ему приходилось начинать все с нуля.

Объявление генералом Кречетниковым манифеста императрицы Екатерины II о присоединении Волыни и Подольи к России (1793 год)

Н. Орда. Имение в Минской губернии. Вторая половина XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В те дни опасность Булгариным исходила не от русских, а от пьяных разбойников – панов и мужиков, решивших воспользоваться суматохой, ограбить и убить семейство, спрятавшееся в лесу. К счастью, еврей-корчмарь Йосель узнал о намерениях разбойников и привел в лес русских солдат, накануне разместившихся в Маковищах.

Мать Булгарина и его старшие сестры чуть не умерли от страха, когда в лесу замелькали русские гренадерские шапки и мундиры. Но Йосель закричал: «Не бойтесь, пани! Это добрые москали, я сам привел их сюда, чтобы спасти вас». Добрые москали, предводительствуемые капитаном Палицыным, не только вывели из леса испуганное семейство, но и пригнали в имение скот и лошадей. Маковищи не были разграблены солдатами, что несказанно удивило и обрадовало мать Булгарина. Она отказывалась верить, что капитан был природным русским, и говорила: «На счастье наше, это поляк».

Некоторое время гренадеры стояли в Маковищах. Булгарин вспоминал: «Я так полюбил лихих русских солдат, что не отходил от них, носил им водку, виноградное вино, булки, пироги, и давал даже деньги, выпрашивая у родителей. За то и солдаты полюбили меня, и говорили пророчески: «Этот будет наш!» Я бросил все мои игрушки, и играл штыками и тесаками. В карманах у меня были пули, через плечо золотой шарф капитана Палицына». Действительно, слова гренадеров оказались пророческими. Судьба уготовила Фаддею военную службу. Но этому предшествовали испытания.

В 1796 году Венедикт Булгарин был арестован в Вильне за получение письма от некоего Герсдорфа, который «участвовал в народном восстании и, после взятия в плен Костюшки, ушел в Турцию, принял магометанскую веру, и получил какое-то важное звание в турецкой артиллерии». Четыре

месяца отец провел под стражей. Благодаря настойчивым ходатайствам жены был освобожден, но вернулся в Маковищи больным и изнуренным. В тот же день, когда семейство воссоединилось, оно лишилось крыши над головой.

В имение неожиданно приехали чиновники и поверенный пана Дашкевича, с которым родители Булгарина состояли в запутанных денежных отношениях. Маковищи принадлежали Дашкевичу, но он, заняв деньги у Венедикта, оставил имение в залог. Теперь, выкупив долговые расписки своего кредитора, Дашкевич требовал возвращения Маковищ. Поверенный велел, чтобы Булгарины освободили имение, которое по решению суда возвращалось Дашкевичу.

Делать нечего, изгнанное из Маковищ семейство пешком направилось к соседу – пану Струмило. Вдруг по дороге за клубилась пыль – мчалась бричка в три лошади. Женщины испугались, что за ними гонятся люди Дашкевича: «Они хотят убить нас!» Но страхи были напрасны. Это добрый Йосель пожалел панов и решил подвезти их на бричке до имения соседа. Родители Булгарина посоветовались с паном Струмило и решили оспаривать в суде возвращение Маковищ Дашкевичу. В Минск были отправлены жалобы: одна губернатору, другая – в суд. Начался изнурительный процесс, длившийся более двадцати лет и закончившийся победой Булгариных.

Во время процесса мать Булгарина предоставила в суд список вещей, оставленных в Маковищах, с их приблизительной оценкой. Среди них упоминался гарнец (мера веса объемом почти 4 литра) жемчуга, о котором Анеля никогда не рассказывала ни мужу, ни детям. В суде усомнились в показаниях дворянки, от нее потребовали присяги. Затем Анелю обвинили в даче ложной присяги и заключили под домашний арест.

Сухопутный шляхетский кадетский корпус в XVIII веке. Фрагмент гравюры М.И. Махаева «Проспект вниз по Неве реке от Невского моста...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ТРИКО, КРЫЛЫШКИ И КОЛЧАН

Через два месяца мать Булгарина была оправдана и освобождена. Тотчас она поехала с сыном в Санкт-Петербург просить удовлетворения за незаконный арест и за несправедливое обвинение в ложной присяге. В Петербурге мать, не посоветовавшись с мужем, определила Фаддея в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Это произошло в 1798 году. В корпусе мальчика ожидали новые испытания. Булгарин плохо говорил и понимал по-русски. Кадеты невзлюбили его и прозвали Костюшкой. Фаддей дрался со своими обидчиками, за что его секли розгами. Самой жестокой шуткой над мальчиком стало «крещение в русскую веру». Кадеты парились в бане и, воспользовавшись отсутствием воспитателя, набросились на Булгарина, повалили и понесли на чердак с криками: «Крестить

Костюшку в русскую веру!» С чердака они скинули Фаддея в снежную гору. После такого «крещения» мальчик пролежал шесть недель в нервической горячке. Детство Булгарина прошло среди всевозможных испытаний – дрязг в суде и издевательства в корпусе. Естественно, это не могло не отразиться на его характере. Пережив унижение и несправедливость, Булгарин впоследствии ревниво оберегал свое доброе имя и всячески содействовал торжеству истины в том виде, как он ее понимал. В корпусе Булгарин принял решение «покориться судьбе, победить все трудности, сделаться самостоятельным, и жить вперед без чужой помощи». Вся его последующая жизнь стала исполнением этого решения.

В 1806 году Булгарин был зачислен корнетом в Уланский полк цесаревича и великого князя Константина Павловича и вскоре принял участие в войнах с Наполеоном. Издатель и писатель Николай Греч, хорошо знавший Булгарина, в своих «Записках» так изобразил его службу: «По словам тогдашних его сослуживцев, <...> храбрость не была в числе его добродетелей: частенько, когда наклеывалось сражение, он старался быть дежурным по конюшне. Однако он был сильно ранен в живот при Фридланде и лежал несколько недель в кенигсбергском лазарете».

Когда полк вернулся в Петербург, произошла неприятность, силь-

Кадеты Сухопутного кадетского корпуса. Вторая половина XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет
А.С. Грибоедова.
1830-е годы.
Раскрашенная
литография

но повлиявшая на дальнейший ход жизни Булгарина. Полк нес гарнизонную службу в Стрельне. Булгарин, как вспоминал Греч, «отправлял ее нерадиво и своевольно». Оставив пост, корнет отправился в Петербург на маскарад. Заехал к своему другу – адъютанту Константина Павловича, жившему в Мраморном дворце, и нарядился амуром (трико, крылышки и колчан), накинул шинель и надел уланскую шапку.

Спускаясь по лестнице, Булгарин неожиданно встретил великого князя. Тот сбросил с корнета шинель, посадил к себе карету и отвез на бал к княжне Четвертинской. Ввел в зал, наполненный блестящей великосветской толпой, и объявил:

– Полюбуйтесь! Вот дежурный по караулам в Стрельне. Вон, мерзавец! Сию минуту отправляйся под арест.

«Амур, пристыженный, одураченный, удалился при общем хохоте, – рассказывал Греч. – Дело кончилось арестом, но последствия его не прекращались. Цесаревич при всяком случае напоминал шалуна его дерзость и взыскивал с него более, чем с других».

Недовольный службой и придирками Константина Павловича, Булгарин написал сатиру на великого князя. За что был на три месяца посажен в Кронштадтскую крепость, а затем переведен в Ямбургский уланский полк. На армейской карьере корнета был представлен крест.

ДРУГ ГРИБОЕДОВА

В 1808 году Булгарин принимал участие в русско-шведской войне. Здесь он отличился, совершив поступок, воспринятый современниками как подвиг человеколюбия. Война шла в Финляндии, и тамошние лютеранские пасторы были главными подстрекателями местного населения к сопротивлению Русской армии.

Греч рассказывал: «Один сельский пастор отличился проворством и удалством: схватил несколько русских офицеров и выдал шведам, укрывавшимся в его доме. Начальник действовавшего в этой стране русско-го отряда послал в дом пастора драгун под командой офицера, и этот офицер был Булгарин. Он сделал быстрый набег на село и окружил церковный дом. Жена пастора укрывала мужа. Булгарин, заметив, где спрятался несчастный, объявил, что возьмет его

В.В. Мазуровский. Атака лейб-гвардии Конного полка на французских кирасир в сражении под Фридландом 2 июня 1807 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка книги
Ф.В. Булгарина
[С.-Пб., 1827]

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Цесаревич
Константин
Павлович

силой. Жена и дети бросились к ногам его и умоляли о пощаде. Булгарин сжалился, представился, будто не видит искомого, оставил дом и явился к начальнику с донесением: не нашел!» Это происшествие стало известно по всей Финляндии и Швеции и долго вспоминалось современниками. В 1840 году Булгарин сам поведал о нем в рассказе «Прав или виноват?». В том же году в Петербурге была поставлена пьеса Николая Полевого «Солдатское сердце», в которой воспевался подвиг, совершенный в Финляндии корнетом Булгаровым (Булгариным).

Впрочем, это не поправило положения Булгарина. В 1811 году он был отставлен от службы в чине поручика «по худой аттестации». Его дальнейшая жизнь изобилвала падениями. Взлетов было мало. Даже достигнув определенного благополучия, Булгарин не мог мирно наслаждаться трудом, успехом, славой. И в лучшие годы он чувствовал неприязнь окружающих.

Бедствуя, отставной офицер отправился в герцогство Варшавское, созданное Наполеоном на части земель Речи Посполитой. Здесь поступил на службу в Польский легион французской армии. В составе наполеоновских войск Булгарин воевал в Испании и России. Получил звание капитана и орден Почетного легиона. Но Наполеон был разбит, и Булгарину снова пришлось начинать все с нуля.

Булгарин попал в прусский плен и был выдан русским властям, но получил «безусловную амнистию», как все поляки, воевавшие на стороне французов. Затем жил в Варшаве и Вильне. Управлял имениями двоюродного дяди и пробовал силы на литературном поприще – начал писать по-польски и печататься в виленских газетах.

В 1819 году Булгарин в качестве поверенного по делам дяди поселился в Петербурге. В столице он свел знакомства с писателями и издателями: Баратынским, Бестужевым, Воейковым, Пнедичем, Гречем, Дельвигом, Карамзиным, Крыловым, Кюхельбекером и Рылевым.

Близким другом Булгарина был Грибоедов. В одном из писем Бенкендорфу Булгарин признавался: «Всем в России известно, какая тесная дружба связывала меня с покойным Грибоедовым. Мы любили друг друга, нежели братья. У нас все было общее <...> Он верил мне более, нежели ближайшей родне своей. Я у него был род дядьки и занимался всем, до него касающимся».

Булгарин вел все дела Грибоедова. Давал ему в долг, советовал «составить капиталец» и вообще распоряжался деньгами Грибоедова, выполнял его поручения. Булгарин писал: «Сам Грибоедов не любил заниматься механизмом жизни, не знал положения дел своих, предоставив мне купить нужное для него, и всегда говорил мне одно: «Делай, как хочешь».

Первоначально другом Булгарина был и Пушкин. Вот что, например, в феврале 1824 года Александр Сергеевич писал Фаддею Венедиктовичу по поводу поэмы «Бахчисарайский фонтан»: «С искренней благодарностью получил я 1-й № «Северного архива», полагая, что тем обязан самому почтенному издателю. С тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Роман
Ф.В. Булгарина
«Самозванец»
(1830).
Титульный лист
и иллюстрация

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Номер газеты
Булгарина
и Греча
«Северная
пчела»
от 7 апреля
1832 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Роман
Ф.В. Булгарина
«Иван Выжигин»
(1830).
Титульный лист
и иллюстрация

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ

В 1822 году Булгарин вступил на русское литературное поприще – начал издавать журнал «Северный архив» и приложение к нему «Литературные листки». В 1825–1839 годах издавал вместе с Гречем журнал «Сын отечества». Наибольшую известность принесла Булгарину газета «Северная пчела», которую он издавал с 1825 года до конца жизни. Постепенно Булгарин превратился в одного из ведущих российских литераторов.

Но все изменилось после восстания декабристов. Поговаривали, что 14 декабря 1825 года Булгарина видели на Сенатской площади выкрикивающим: «Конституцию!» После разгрома восстания были арестованы друзья Фаддея Венедиктовича – Бестужев, Кюхельбекер и Рылев.

Имя Булгарина нередко звучало на допросах.

Воейков, особенно ненавидевший Булгарина, передал в полицию его старое частное письмо, поставив на нем дату «15 декабря 1825 года». В том письме Булгарин восклицал: «Ад в душе, вражда в сердце, мщенье на уме! Да будет проклят год, в который я переступил обратно за Рейн. Да будет проклята мать моя, что оставила меня в юности в России. Да будет проклято желание писать и быть полезным стране, где надобно быть шарлатаном или иноземцем, чтобы иметь право шептать на ухо панам в аудиенц-зале. Я не знаю, что писать более? О люди! О Рассея!»

Личность издателя привлекла внимание Николая I. Он пожелал «иметь справку о службе Булгарина, где он служил по оставлении российской службы». «Отставной французской службы капитан» сам составил такую справку, дважды солгав. Во-первых, он писал: «Всегда я сохранял братскую любовь к России и не участвовал в войне 1812 года». На самом деле Булгарин в числе польских улан принимал участие в наполеоновском походе на Россию. Во-вторых, Фаддей Венедиктович уверял: «Удаляясь всегда от всяких политических видов, я даже не хотел никогда вступать в словие франкмасонов, опасаясь какой-нибудь таинственной цели». И это неправда. Булгарин был масоном.

Фаддей
Венедиктович
Булгарин
в своем
кабинете.
Гравюра
В.Ф. Тимма.
1853 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Не рассчитывая на повторную «безусловную амнистию», Фаддей Венедиктович почел за лучшее сотрудничать с властью. Он был принят на службу в Министерство народного просвещения. Но это было лишь прикрытие, под которым Булгарин начал поставлять сведения тайной полиции – Третьему отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В 1829 году об этом сотрудничестве заговорили в литературных кругах. Появление слухов совпало с крупным писательским успехом Булгарина. В 1829 году увидел свет его нравственно-сатирический роман «Иван Иванович Выжигин» – «русский Жилблаз». Книга пользовалась невероятным успехом – весь тираж (2 тысячи экземпляров) был распродан за несколько дней. Сам царь читал роман «с удовольствием». В то же время из печати вышла пушкинская поэма «Полтава». Она была холодно принята читателями и продавалась плохо. Булгарин дал Пушкину еще один повод для ревности. Александр Сергеевич узнал, что Фаддей Венедиктович написал исторический роман «Дмитрий Самозванец», якобы подозрительно похожий на его «Бориса Годуно-

ва». Кроме того, за «Дмитрия Самозванца» и за «Петра Ивановича Выжигина» (продолжение «Ивана Ивановича Выжигина») Булгарин получил два бриллиантовых перстня от Николая I.

Пушкин обвинил Булгарина в плагиате. Началась литературная борьба, хорошо известная по пушкинскому мифу. Нет нужды рассказывать о ней. Мифотворцы не пожалели черной краски для Булгарина. Но были ли невинными агнцами его противники?

В 1830 году Пушкин написал небольшую заметку «О записках

Могила
Булгарина
на кладбище
Раади.
Тарту, Эстония

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Видока». Рассуждая о воспоминаниях Видока – известного французского сыщика, – Пушкин имел в виду Булгарина, за которым отныне и навсегда закрепилось прозвище Видок Фиглярин. В первых же строках Пушкин оскорбил Булгарина, написав, что его жена Елена Ивановна фон Иде до замужества занималась проституцией: «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного». Нельзя не признать, что это был удар, как говорится, ниже пояса.

В 1831 году власть поняла, что в обществе знают о сотрудничестве Булгарина с Третьим отделением. Кроме того, усилилось недоверие к полякам, причиной чему стало восстание 1830–1831 годов. Посему Фаддею Венедиктовичу пришлось выйти в отставку. Он уехал в Лифляндскую губернию в свое имение Карлово. Пушкин в письме Вяземскому делился предположением, что Булгарин уехал не по доброй воле, а по распоряжению царя: «Он и велел его выслать, как человека беспокойного».

В начале 1837 года Булгарин был в Карлове. И к счастью! Иначе и его советские литературоведы обвинили бы в гибели Пушкина. Впрочем, вся дальнейшая жизнь Фаддея Венедиктовича прошла в тени Александра Сергеевича. Что бы ни написал и ни издал Булгарин, он был для просвещенной России не «почтенным издателем», а Видоком Фиглярным. Ныне его вспоминают преимущественно, когда говорят о Пушкине.

Булгарин умер в Карлове 1 (13) сентября 1859 года и был похоронен в Дерпте (Тарту). Вадим Соколов не без злорадства писал: «Могила Булгарина на старом кладбище в Тарту едва ли кто посещает. Не знаю, что меня туда к ней привело. Видимо, просто любопытство. Так вот свидетельствую: забыта эта могила». ❀

ПУСТЫНЯ, МОРОЗЫ, ТАТАРЫ И РОБИНЗОН

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

«РОБИНЗОН КРУЗО» – ЛЮБИМАЯ КНИГА СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ. ДА И СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ, ДАЖЕ ПОЧТИ НЕ ЧИТАЮЩИХ, ОДИССЕЯ ДАНИЭЛЯ ДЕФО НЕ ОСТАВЛЯЕТ РАВНОДУШНЫМИ. ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ – ОДНО ИЗ НЕМНОГИХ, ДАННЫХ В ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЕ В СОКРАЩЕНИИ, – ЧИТАЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ ПОЧТИ ВСЕМИ.

СЕКРЕТ ПРОСТ: ХОТЬ история англичанина, попавшего на необитаемый остров, и относится к жанру романа воспитания, прямолинейной назидательности в ней нет, а приключений более чем хватает. Как говорят современные дети: «Сплошной экшен и саспенс». А вот второй части романа повезло куда меньше. Даром что события в

ней развиваются помимо прочего еще и в суровых сибирских краях. Но вот что удивительно: как раз в России «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» мало издавали и переводили. Впрочем, если разобраться, то удивляться нечему: становится понятно, почему в советском переводе сильно сократили именно часть про путешествие англичанина по Сибири.

«И ПЕСНЬ ЕГО К РАСПЛАТЕ ПРИВЕЛА»

Просто необходимо остановиться на персоне автора. Что за человек написал сагу о приключениях индивида, прошедшего путь от вздорного юноши до обретшего покой в простой жизни мужчины, индивида, за пару десятилетий прошедшего весь путь развития человеческой цивилизации? Даниэля Дефо помотало в жизни не меньше, чем его знаменитого персонажа.

Родился писатель в 1660 году в семье лондонского торговца-пресвитерианина и должен был пойти, согласно воле отца, по духовному ведомству, но предпочел коммерцию, политику и публицистику. По торговым делам поездил по Европе, поучаствовал в восстаниях и сражениях, а также заявил о себе как острый памфлетист, чем сильно осложнил себе жизнь. Памфлет «Простейший способ разделаться с диссидентами» вызвал гнев королевы Анны: автора приговорили к трем дням стояния у позорного столба, штрафу и тюрьме. Дефо посадили в Ньюгейтскую тюрьму, где он продолжал писать: именно здесь появился памфлет «Гимн позорному столбу». В итоге стояние Дефо у позорного столба было отменено как компрометирующее власть: ведь в «преступника» не только кидали грязь и тухлые яйца, ему несли цветы. В правительстве решили, что лучше переманить мятежника на свою сторону. И переманили – Дефо стал тайным агентом тори. Осведомителем, впрочем, публицист был своеобразным. За все время работы Дефо в этой сфере от его действий почти никто серьезно не пострадал. Дело в том, что работал Дефо в обе стороны, не только по линии слежки и сбора информации, но и по части убеждения своих высокопоставленных работодателей в не-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

обходимости смягчения нравов. Он выступал категорически против репрессий и считал, что полученную агентами информацию нужно использовать не для того, чтобы рубить головы, а для того, чтобы понимать настроения общества и пытаться влиять на образ мыслей граждан более гуманными способами. Дефо работал на правительство до 1719 года, способствовал объединению Англии и Шотландии, а посредством издания газеты «Обзорение» довел до совершенства такой инструмент влияния, как пропаганда.

НА ПЕНСИЮ, В ЛИТЕРАТУРУ

А в 1719 году 59-летний Даниэль Дефо ушел, можно сказать, на пенсию. Он решил полностью посвятить себя литературе. В это время он и написал свой легендарный роман о Робинзоне Крузо, причем сразу три части. Самой известной стала первая, оригинальное название которой выглядит так: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове

Даниэль Дефо у позорного столба. Гравюра Д.-Ч. Армидежа по рисунку Э. Кроу. 1862 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим». Благодаря ловкому маркетингу искушенного в печатных делах автора книгу расхватывали как горячие пирожки. Один из трюков заключался в том, что на обложке книги Дефо решил не указывать своего авторства, выдав произведение за документальное. Да и заголовок, несмотря на гигантский объем, будоражил умы не хуже, чем заголовки современных желтых газет. Ведь это надо же: 28 лет, в полном одиночестве, после кораблекрушения. Вот уж действительно «экшен и саспенс». Вторая часть, вышедшая в том же, 1719 году, на волне ажиотажа тоже была быстро распродана. Третьему тому, «Серьезным размышлениям о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо», повезло куда меньше, публика встретила его прохладно.

Впервые на русский язык две первые части романа были переведены Яковом Трусковым в Екатерининскую эпоху, в 1762–1764 годах. Произведение было сразу отнесено к литературе для юношества, и поэтому текст дали в сокращении и с необходимыми пояснениями. Так в качестве детской книги «Робинзон» в России и закрепился, и так же долго произведение оценивалось в тесной связи с идеями Руссо. О воспитательной роли романа писал Виссарион Белинский. Лев Толстой подготовил адаптированный пересказ произведения для крестьянских детей. Правда, адаптирован был только первый том. Продолжение романа, где герой оказывается в Китае и Сибири, очевидно, поучительным потенциалом уже не вполне обладало. В советское время вторую часть и вовсе полностью не переводили. Отчего же? Что не так в продолжении романа?

Д. Дефо. Робинзон Крузо. Иллюстрированное русское издание 1887 года

Д. Дефо. Робинзон Крузо. Лондонское издание 1791 года

Да, в общем, ничего такого страшного. Дальнейшие приключения Робинзона разворачиваются сначала у северных берегов Южной Америки, где герой навещает свой остров, превратившийся в небольшой поселок с несколькими десятками жителей. Потом на побережье Бразилии Робинзон в стычке с дикарями теряет своего друга и помощника Пятницу. Затем англичанин попадает на Мадагаскар, где члены экипажа устраивают резню местного населения, а обескураженный Робинзон взывает к остаткам совести попутчиков. Вот только вместо того, чтобы проникнуться проповедями, матросы выкидывают «морализатора» у берегов Бенгальского залива – так же когда-то оставили погибать за неуживчивый нрав прототипа Робинзона шотландца Александра Селкирка. Но герой, конечно, не сдастся, он находит земляка, вместе с которым занимается торговыми делами, преуспевает и покупает судно, чтобы плыть дальше. Корабль оказывается пиратским, компаньоны быстренько от него избавляются в Нанкине и решают от греха подальше продолжить путь уже по суше вместе с караваном русских купцов и шотландских торговцев. Да, роман в большей степени авантюрный и в меньшей – воспитательный, хотя есть, есть отрывки, где автор увлекается нравоучением. Ну и что с того? А дело все в этой самой суше, через которую пролегает дальнейший путь. Тут уж от Даниэля Дефо достается всем: и китайцам, и русским. Русским, правда, меньше, но все равно как-то неполиткорректно вышло. Хотя местами весьма забавно. Вообще, надо, конечно, учитывать исторический и социокультурный контекст. Если Дефо изобразил заснеженную огромную Россию непохожей на саму себя, а временами она и вовсе видится каким-то жутким пространством, то это, по всей видимости, от недостатка сведений. Как опытный журна-

Обед китайского вельможи.
«Он был очень толст и сидел, развалясь в большом кресле; две невольницы приносили на стол кушанья, две другие хлопотали около него»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д. Дефо.
Робинзон Крузо и его интересные приключения...
Т.2 [М., 1870]

лист, Дефо, конечно, пользовался различными источниками, вот только доступно ему было не так уж и много. Петр I ведь еще только начал рубить пресловутое «окно в Европу», и в начале XVIII века Россия для многих европейцев все еще оставалась Московской и Тартарией. Основными источниками сведений о России для англичанина послужили переведенные на английский язык путевые заметки голландца Избранта Идеса, побывавшего в России еще в 1692 году, и мемуары французского дипломата Фуа де ла Невилля, посетившего Москву в 1689 году. В качестве наглядного пособия английский писатель использовал «Чертежную книгу Сибири», составленную в 1701 году Семеном Ремезовым.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С.У. Ремезов.
Чертежная книга Сибири.
1701 год.
Титульный лист

ПУТЬ НА ВОСТОК

Занятно, что путь Робинзона в Сибирь начинается с отповеди китайцам и не очень глубокомысленной политической сентенции о вероятных взаимоотношениях Москвы и Поднебесной. Китайцев автор обвиняет чуть ли не во всех смертных грехах, но главным образом в варварстве, ограниченности, чванстве и презрении ко всему. «Смесь напыщенности и бедности» – вот одна из далеко не самых обидных характеристик, которыми наделяет англичанин население Китая. Но самое интересное то, какой из этих своих нелестных наблюдений Робинзон Крузо делает вывод: оказывается, было бы совсем неплохо, если бы этот дикий народ был завоеван. И кем же? Да московским царем! Причем хорошо бы было вообще для всех, в том числе для просвещенной Европы. «Царь московский без большого труда завоевал бы Китай в одну кампанию, – заключает герой романа. – И если бы царь направил свои армии в эту сторону, вместо того чтобы атаковать воинственных шведов, то сделался бы уже за это время императором китайским и не был бы бит под Нарвой королем шведским, силы которого в шесть раз уступали русским войскам». Самое любопытное – это то, насколько суждения героя соответствуют мыслям самого автора. С персонажа-то взятки гладки: он попадает в Россию в 1704 году, еще до Полтавской битвы и, строго говоря, не обязан не только владеть прогнозическим мышлением, но и вообще сильно разбираться в международной политике. В конце концов это ведь не моряк из Йорка был публицистом и разведчиком, он вообще 28 лет своей жизни провел в отрыве от какой-либо цивилизации. Но что же автор? Он-то писал книгу в 1719-м и политики был не чужд. И тут вопрос: Дефо вложил в уста своего героя мысли, характерные для англичанина именно в самом на-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Через два дня мы переехали большую стену Китая, защищавшую его от Тартарии»

сжег в одном селении деревянного идола и вызвал бешенство толпы, все, чем смог помочь ему «русский губернатор», это советом поскорее убраться. Караван отправился в путь, и три дня еще за ним гнались разъяренные татары, пока один из казаков не отправил их по ложному следу.

Вообще, такая страшная напасть, как татары, грозит каравану буквально всюду. Изредка татары сменяются калмыками и черкесами, которые за каким-то лучшим доходят до севера, но разнообразие это, кажется, чисто формальное, поскольку по описанию все эти дикари с луками и стрелами, в звериных шкурах суть близнецы-братья. И населяют эти варвары вообще все пространства. Не оправдываются даже надежды Робинзона встретить другой народ хотя бы на Урале, за Камой, там, где проходит граница между Европой и Азией. Путешественнику не только не попадаются другие люди с другой культурой, он даже не замечает перемены ландшафта – все те же пустыни. Только уже не снежные, а... какие? Какие пустыни раскинулись без конца и края в окрестностях Соликамска? И каких дикарей, наподобие американских индейцев, повстречал там несчастный путешественник? Вогулы и остяки были оттеснены давно за Каменный пояс, через Прикамье проходило множество торговых путей, тут вовсю развивалась промышленность – медеплавильные заводы, солеварни, в большом количестве строились церкви и монастыри. Но у Дефо опять пустыни, опять идолы, опять шаманы, и даже редкие христиане исповедовали в лучшем случае двоеверие. Впрочем, смесь религии с дохристианскими традициями – это действительно особенность многих регионов. А где этого нет? Идолы? Тоже было, только вот на севере Прикамья, если уж на то пошло, из дерева в XVII–XIX веках вырезать стали все-таки православных святых.

«Татары, смотревшие сначала на нас неподвижно, видя, что мы двинулись на них, пустили в нас стрелами...»

чале XVIII века, чтобы исторически это выглядело правдоподобно, или это суждения его собственные, а временные рамки и результаты Полтавского и Гангутского сражений – просто условности, отвлекающие от большой идеи? А ведь мысль отвлечения России ее переориентацией на Восток – это именно одна из политических идей, которая наряду с другими не раз о себе заявит в Европе... лет через сто после написания Дефо своего романа. А что, собственно, представляла собой русская действитель-

ность в изложении заезжего англичанина? Огромные снежные пустыни, продирающий до костей мороз, медведи – это само собой. Но кто населял эту суровую землю? Орды татар, язычники, безбожники. Русскими территориями, по признанию Робинзона, в Сибири можно было назвать лишь немногочисленные гарнизоны и крепости. При этом настроения коренных жителей на подконтрольных Москве землях колонизаторов, судя по всему, не волновали вовсе. Когда Робинзон Крузо в приступе гнева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**ПРЕДВОСХИЩАЯ
ДЕКАБРИСТОВ**

Впрочем, как-то лихо мы перемахнули. Главным событием путешествия Робинзона стала восьмимесячная зимовка в Тобольске. Здесь путешественник находит блестящее аристократическое общество, буквально оазис в варварской стране. «Тобольск служит местом ссылки государственных преступников, – рассказывает англичанин, – он весь полон знати, князей, дворян, военных и придворных. Тут находился знаменитый князь Голицын, старый воевода Робостиский и другие видные лица, а также несколько дам. Через своего спутника, шотландского купца, с которым я здесь расстался, я познакомился с несколькими аристократами и не без приятности проводил с ними долгие зимние вечера». И это весьма любопытно.

Ни о каком особенном обществе, сформировавшемся в Тобольске из опальных вельмож, в самом начале XVIII века речи быть не могло. Самыми известными ссыльными в Тобольском остроге тогда были несостоявшаяся супруга царя Михаила Федоровича Мария Хлопова, протопоп Аввакум, хорватский богослов Юрий Крижанич да угличский колокол. Надо ли говорить, что все они, включая колокол, томилась в Тобольске в разные годы и не могли составить никакого общества. Со второго десятилетия XVIII века Тобольск стал местом ссылки пленных шведов, а потом и вовсе превратился в транзитный пункт. Общество благородных ссыльных образовалось в Тобольске и в других сибирских городах и поселках лишь в XIX веке – из декабристов. Но и оно в особенную социальную страту, культурно преобразующую окружающую среду, превратилось не сразу, а когда у большинства осужденных заканчивался срок каторги и они получали возможность жить на поселении. Тобольская колония декабристов в середине XIX столетия была представлена Анненковыми, братьями Бобрищевы-

Робинзон Крузо в Сибири. «Теперь на мне было три хороших жилета и подбитый мехом длинный дорожный плащ, застегнутый на пуговицы сверху донизу»

Иллюстрация к главе XIX, «Сибирское шаманство. Тунгусы». «Они были одинаково одеты и поклонялись этому безобразному деревянному идолу»

Тобольск. Гравюра голландца К. де Брюйна. Первая четверть XVIII века

ми-Пушкиными, Свистуновым, Фонвизинными, Штейнгейлем, Муравьевым и Вольфом. Вот это действительно общество. И досуг был соответствующий – литературные и музыкальные вечера, домашние спектакли, выпуск рукописных журналов и просвещение местного населения. Выходит, Дефо, вольно распорядившись исторической фактурой, оказался почти прорицателем. Что до персонажей его романа, то воевода Робостиский, например, был лицом полностью вымышленным, а Василий Голицын на самом деле отбывал ссылку на Пинеге, неподалеку от Белого моря. Но Голицын сам по себе – фигура весьма любопытная, судьба его не могла не взволновать английского писателя. История видного политика, дипломата, воеводы, попавшего в водоворот политических интриг, ставшего ключевым звеном в противостоянии молодого Петра I и царевны Софьи, должно быть, сильно откликнулась

Князь Василий Васильевич Голицын

в сердце англичанина, когда-то тоже сделавшего «неправильный политический выбор», подержав Вильгельма Оранского, и позже познавшего все прелести реакции правительства королевы Анны Стюарт. Стоит ли упрекать англичанина в том, что он перенес историческую фигуру за несколько тысяч верст и сделал главным собеседником Робинзона?

О чем же толкуют русский и англичанин вдали от цивилизации и высшего света? О философии, понятно, о смысле жизни. И если при первом знакомстве князь долго распространялся о том, что оставил: о великолепии царского двора, о величии русского императора, о его неограниченной власти, – то после рассказов Робинзона о том, как он сам был могущественным государем, пусть и на не-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

большом острове, беседа пошла в другую сторону. Говорили о возвышенном, но в то же время по-робинзоновски рациональном, практичном: об ответственности, которую накладывает на личность власть, о разумном управлении обществом, о настоящих ценностях и прочих добродетелях.

Духоподъемные диалоги эти занимательны еще тем, с какой наивной уверенностью, что называется, без всякой ложной скромности собеседники рассказывали о собственных нравственных достижениях. «Я неограниченно располагал жизнью и имуществом всех моих подданных, и, несмотря на эту неограниченную власть, ни один из них не выражал недовольства ни мной, ни моим правлением. <...> Все земли моего царства были моей собственностью, и мои подданные держали их у меня в аренде, совершенно добровольно; все они сражались бы за меня до последней капли крови, и никогда тиран – ибо таковым считал я себя – не был окружен такой всеобщей любовью и в то же время не внушал больше страха своим подданным», – описывает Робинзон сибирскому узнику свою жизнь на острове. А что слушатель? А он сравнивает вынужденное заточение англичанина на острове со своей ссылкой и заключает, что «истинное величие состоит в умении приспособляться к обстоятельствам и сохранять внутреннее спокойствие, какая бы буря ни свирепствовала кругом нас», и добавляет, что сам-то он, конечно, познал мудрость жизни и не только примирился со своим положением, но стал «счастливее своих недругов».

Да, это, конечно, подлинно английская литература. Беседуют себе чинно два distinguished gentlemen, и никакого тут надрыва, никаких противоречий, скрытых смыслов. Один говорит, что настолько научился ценить простую свободную жизнь вдали от пышного света, что ни за какие милости не согласился бы вернуться обратно

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ко двору, потому что «дышать чистым воздухом, иметь одежду для защиты от холода, пищу для утоления голода, совершать физические упражнения для поддержания здоровья» – это все, что нужно человеку. Другой радостно соглашается, добавляя, что «тот, кто одерживает победу над своими безрассудными желаниями и обладает неограниченной властью над собой, у кого разум властвует над волей, – более велик, чем завоеватель государства». Возникает, конечно, стойкое ощущение, что за персонажей говорит тут один человек, не кто иной как всеведущий автор – дело к финалу, пора уже и к морали перейти. Но написано-то хорошо,

Даниэль Дефо.
Гравюра Д. Туки.
XVIII век

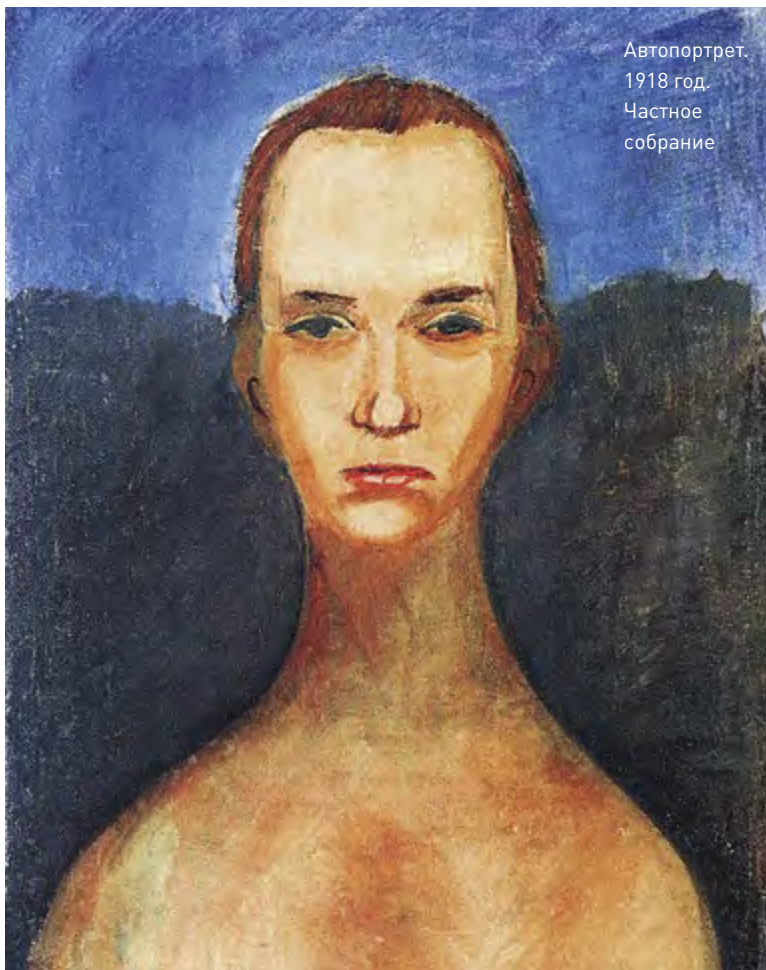
Памятник
Робинзону Крузо
в Тобольске

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

приятно покачиваться читателю на волнах повествования.

Но любому повествованию и любым даже самым неспешным размышлениям следует знать пределы. Приходит время и англичанину возвращаться-таки на родину – через Тюмень, Соликамск, Архангельск. Князю Робинзон предлагает тайно отправиться с ним. Но русский вельможа не хочет покидать край, в котором обрел наконец покой, а вот сына своего снарядил в дорогу. Добрались все вполне благополучно, если не считать очередного, уже ставшего привычным, столкновения с дикарями за Камой, от которых, конечно же, все счастливо отделались. 20 августа 1704 года Робинзон с компаньонами отплыл из Архангельска и после довольно благоприятного путешествия прибыл в устье Эльбы 13 сентября. По прибытии в родную гавань Робинзон Крузо выгодно распродал китайские товары, сибирские меха и бенгальские алмазы и, «порешив не утомлять себя больше странствованиями» стал готовиться в более далекий путь – в мир покоя и вечности. И вечность ему покорилась. Более трехсот лет прошло, но книга о приключениях неутомимого моряка из Йорка не теряет популярности. А в далеком Тобольске ему и вовсе установили памятник. Скульптура изображает самого Робинзона – почему-то на лыжах, его верного помощника Пятницу, в валенках и тулупе, и сибирскую лайку. Иронично и по-русски великодушно. И еще один забавный факт: сибирские поклонники творчества Даниэля Дефо настолько скрупулезно исследовали маршрут следования несуществовавшего Робинзона Крузо, что – даже несмотря на все художественные условности и натяжки, запутанную топонимику, вызванную скудным знанием автора романа русской географии, – нашли «тот самый дом, где зимовал герой». Вот уж и правда, всякая хорошая история начинает жить своей жизнью. 📖

Автопортрет.
1918 год.
Частное
собрание

АПОСТОЛ БОЛЬШОГО ИСКУССТВА

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

«СКАЖУ ВАМ ПО СЕКРЕТУ, ЧТО ЕСЛИ Я ПРОЖИВУ ДО 50 ЛЕТ (ПРОЖИВУ, Я ЧУВСТВУЮ ПО ЖИЗНЕННЫМ СИЛАМ, ДО 25) <...> ПОВЕРНУ МИРОВУЮ ЖИВОПИСЬ НА РЕАЛЬНЫЙ ПУТЬ», – ПИСАЛ В 1915 ГОДУ ВАСИЛИЙ ЧЕКРЫГИН В ПИСЬМЕ ОДНОЙ ИЗ ЗНАКОМЫХ. ОН ТОЧНО УГАДАЛ ВОЗРАСТ, В КОТОРОМ УМРЕТ. НО ЗА СВОЮ НЕДОЛГУЮ ЖИЗНЬ ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ УСПЕЛ МНОГО: ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ, ХРАНЯЩЕЕСЯ В МУЗЕЯХ И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ, НАСЧИТЫВАЕТ БОЛЕЕ 3 ТЫСЯЧ РАБОТ. ДАЖЕ В БУРНОЙ СРЕДЕ НОВАТОРОВ НАЧАЛА XX ВЕКА ЭТОТ ХУДОЖНИК БЫЛ ЯРКИМ ЯВЛЕНИЕМ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ

Третьяковская галерея (ГТГ) хранит около 450 произведений Василия Чекрыгина. В 1923 году в ее собрание поступило 30 рисунков с его посмертной выставки. Позже были дары от частных лиц, но большую часть рисунков галерея получила в 1980-е – от внучки художника Натальи Колесниковой.

В ГТГ первая персональная выставка Чекрыгина прошла в 2017 году. В 2022-м, к 125-летию художника, в Новой Третьяковке впервые выставили графическую серию «Воскрешение мертвых» и одно живописное полотно...

Василий Чекрыгин – одна из самых талантливых и загадочных фигур русского искусства. Об этом говорят не только его работы, но и трактат «О Соборе Воскрешающего музея», посвященный памяти философа Николая Федорова, которого художник считал своим учителем. Закончен он был в 1921 году, так что остается только поражаться тому, как в то тяжелое время Чекрыгин разрабатывал высокую идею синтеза науки, религии и искусства. Кажется, она и в наши дни не утратила актуальности и силы откровения. Но по-прежнему не все готовы ее принять...

ENFANT TERRIBLE

Городок Жиздра в Калужской губернии был известен своими ярмарками и Мальцовскими заводами. Именно здесь 6 (18) января 1897 года в семье приказчика Николая Чекрыгина появился на свет Василий. Он был шестым из десяти детей. Когда Васе исполнилось 2 года, Чекрыгины переехали в Киев.

Вася рисовал с 5 лет, в 12 – поступил в иконописную школу при Киево-Печерской лавре, где считался самым талантливым учеником. Здесь он открыл для себя мир русской иконы и фрески. Много позже Чекрыгин напишет: «Русская Икона – творение мудрейшего из искусств. Его выражением или, вернее, темой служит образ во всей ясности очищенной плоти. Я совсем дру-

того взгляда на живопись, чем европейцы. Станковая живопись не что иное, как фрагмент бытийный, [фрагмент] общей трагедии, выражением которой может быть только фреска, фреска произошла из храма и храм ее природа». И еще: «Русская Икона, одно из величайших чистейших искусств, оно мистично, как всякое подлинное произведение, место иконы в храме». Добавим, что Андрея Рублева Чекрыгин считал одним из самых выдающихся художников в истории.

Вася с детства любил животных. Как-то, спасая котенка, сорвался с крыши и после всю жизнь прихрамывал. В другой раз вместе с младшими братьями, Петром и Николаем, нашел на берегу пруда большую лошадь, которую бросили умирать. Мальчики носили ей хлеб и сено, поили, укрывали шинелью, и лошадь выздоровела, чему 10-летний Вася был несказанно рад.

В иконописной школе он прочулся два года. В 1910-м, в сопровождении старшего брата, Захария, Вася отправился поступать в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ). Выдержал конкурс в мастерскую Константина Коровина. В 1911 году он получил 10 первых категорий за несколько «Зимок с лошадками», представленных на

выставке училища. За серьезные успехи Василию присудили стипендию им. И.И. Левитана, которая была весьма кстати. В Москве юноша жил впроголодь, обитал в бесплатном общежитии братьев Ляпиных – прибежище бедных студентов. Василий пытался подрабатывать в магазине, продавал свои работы и в удачные дни мог позволить себе щи, кашу и чай с хлебом. В училище его считали «сверхребенком» – он был на шесть-семь

Василий Чекрыгин. Начало 1920-х годов

Через сто лет после гибели художника – его выставка в Новой Третьяковке

лет моложе однокурсников – и дали прозвище Чекрыжка. Вскоре он влился в компанию старших возмутителей спокойствия, его друзьями стали студенты МУЖВЗ Владимир Маяковский, Давид Бурлюк и Лев Жегин – сын знаменитого архитектора Федора Шехтеля. «Это был очень худенький живой мальчик с небрежно, в скобку, подстриженными волосами, скрывавшими его высокий чистый лоб, – вспоминал Жегин. – Он был enfant terrible всего Училища. <...> С Бурлюком, который был в следующем – натурном – классе, его соединяла общая, непримиримо-отрицательная точка зрения на салонное искусство 80-х – 90-х годов. Собирательной в этом смысле фигурой и мишенью всех яростных нападок был К. Маковский, которого Вася называл «фотографом» и ненавидел со всей нетерпимостью юности. «Остракизму» подвергался не только Маковский, но и вообще почти все современное искусство или искусство недавнего прошлого. «Некрасиво», – говорил Вася, противопоставляя всему этому искусство великих – мастеров прошлого».

В отношении Маяковского юное дарование позволяло себе дерзости. Например: «тебе, Володька, дуги гнуть в Тамбовской губернии, а не картины писать». Маяковский все прощал Чекрыгина и нередко защищал его, поскольку Василий был «порядочный задира».

Юноша активно занимался самообразованием, пропадал в библиотеке училища, бывал в доме Шехтеля, где изучал книги по истории искусства, ему удавалось попадать и в дом Сергея Щукина, чтобы познакомиться с коллекцией современного западного искусства. В класс он «являлся редко (к самому концу урока), но когда принимался за работу (подрамок любил ставить прямо на пол, а сам садился потурецки), краски молниеносно загорались и обозначался особый, ему одному свойственный строй форм», – писал Жегин.

АЛЕКСАНДР БУРЛЮК

Рисовал он много. Мать Чекрыгина вспоминала, что когда Василий приезжал в Киев на каникулы, то постоянно рисовал: «Вставал рано, в 5–6 часов. К чаю не дозовешься – куснет хлеба и опять за кисть»...

В 1912 году Чекрыгин сообщил Жегину, что «Володька хочет издать сам свои стихи кустарным литографированным способом и ему надо в этом помочь». Маяковский диктовал Василию свои стихи, которые тот записывал, имитируя церковнославянскую вязь. Кроме того, Чекрыгин сделал несколько рисунков для книги. Маяковский ворчал: «Ну вот, Вася, опять ангела нарисовал, нарисовал бы муху...» Это была первая книга Маяковского – «Я!». Футуристический сборник из четырех стихотворений вышел через год тиражом 300 экземпляров. Обложку придумал сам поэт, Жегин написал тушью портрет автора в шляпе и сделал несколько иллюстраций. Как и Чекрыгин, рисунки которого – «Архангел, убивающий дракона», «Коленопреклоненный ангел», «Старец, благословляющий зверей» – отличают энергичные линии тушью. Сейчас это уникальное издание – музейная ценность.

Между тем преподаватели училища беспокоились о талантливом ученике, считая, что необыкновенные способности Чекрыгина идут ему во вред. Та легкость, с которой ему все давалось, могла помешать формированию привычки к систематической работе. К тому же Чекрыгин нащупывал свою дорогу, экспериментировал с цветом и формой, чем нервировал педагогов.

Зимой 1913/14 года на XXXV выставке МУЖВЗ впервые экспонировались новаторские холсты Чекрыгина: «Постоянные посетители «Красного кабачка» были созданы под влиянием Гойи, «Рабочий обтесывает надгробный камень» – Курбе. Реакция ректора была резкой: «за увлечение вредными влияниями» Чекрыгина на год лишили стипендии им. И.И. Левитана, а Маяковского и Бурлюка исключили из учи-

Из серии «Души» [1].
1914–1915 годы.
Частное собрание

лища. Свои работы, представленные на выставке, Василий уничтожил и в феврале 1914-го ушел из училища.

В марте того же года еще один исключенный из МУЖВЗ бунтарь – Михаил Ларионов (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2018 год, статья «Лучист». – Прим. ред.) – устроил выставку «№4», где Василий представил серию кубистических и абстрактных картин. Их отметила «Московская газета»: «Особняком стоит Чекрыгин. Он не похож ни на кого. У него собственный путь – путь широкий и мощный, как полноводная река». Ларионов, восхищавшийся работами Чекрыгина, называл его «прозорливцем». Кстати, однажды, увидев ладонь Маяковского, Василий ужаснулся: «Володька, ведь ты самоубийца»...

Композиция с ангелом.
Из цикла «Воскрешение мертвых».
1922 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ЦЕНТР КАРТИНЫ

В это время Чекрыгин восхищается эскизами Александра Иванова к «Явлению Христа народу» и колоритом картин Михаила Врубеля (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2022 год, статья «Вестник иных миров». – Прим. ред.). Его учителя – Леонардо да Винчи, Джотто, Мазаччо. В 1913-м под влиянием Эль Греко Василий пишет картину «Взыскующие Града». Он снял светлую комнату в Колокольниковом переулке, где работал без передышки. Чекрыгин писал сразу по несколько полотен и раскладывал их на полу. «В таком виде они как бы внутренне соединялись, – вспоминал Жегин. – Создавалось впечатление фрески. Отношение к пространству, композиции, цвету и самой фактуре – все изобличало в нем душу великого мастера фрески лучшей поры русского искусства или искусства треченто. О фреске как о своем жизненном деле он говорил уже тогда...».

И уже в 1914 году Чекрыгин постепенно отходит от футуризма, разочаровываясь в его громкости, эпатажности и скандальности. Ему он кажется профанацией: «фразы, слова, слова для кафе», – подводит он горький итог в письме Вере Шехтель. В том же году Чекрыгин и Жегин едут в путешествие – Варшава,

Композиция
с летящими
фигурами.
Из цикла
«Воскрешение
мертвых».
1921–1922 годы

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Дрезден, Вена, Мюнхен, Париж, где проводят часы в картинных галереях. Василий открывает для себя Тинторетто, которым будет восхищаться до конца жизни. Теперь его мысли заняты тем, как соединить в творчестве русскую фреску и живописные формы Возрождения. Он разрабатывает теорию «центризма»: изображаемый предмет должен находиться в центре картины. Казалось бы, чего уж проще! Но как раз тогда искусство искало неожиданные ракурсы, ломалась форма, терялись ориентиры – и в таком контексте утверждение «центра» давало гармоничную «точку опоры», когда даже «при одном предмете изображения картина – микрокосм».

Друзья часто и много спорят об искусстве и вере. Один из таких разговоров в Мюнхене Жегин вспоминает в своих мемуарах: атмосфера накалилась и спор принял «слишком обостренный характер. Вдруг Чекрыгин заплакал. Я подошел к нему, мучась раскаянием. Он лежал на диване с закрытыми глазами, его бледное лицо было спокойно. «Он

так хорошо говорил, – вдруг услышал я, – и все-таки его расшали». А мне-то показалось, что он заплакал от обиды!» После Парижа друзья отправились отдыхать в местечко Гетари, что на границе Франции и

Двухфигурная
композиция.
Из цикла
«Воскрешение
мертвых».
1922 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Испании. Здесь их застают известие о Первой мировой войне. Она началась 28 июля 1914 года, Россия вступила в нее 1 августа. «Мы оказались отрезанными от России», – вспоминал Жегин. Их путь домой пролегал через Скандинавию. В сентябре они были уже в Москве и сразу включились в работу: вместе с Маяковским, Лентуловым, Машковым, Бурлюком и Малевичем Чекрыгин делает эскизы хромолитографий для антигерманских плакатов, иллюстрирует книгу Николая Асеева «Война», военные частушки Маяковского и «Персидские сказки» для издательства Некрасова.

Осенью 1915-го художник записывается вольноопределяющимся. Свое желание отправиться добровольцем на фронт друзьям объясняет так: «Там страдание – я должен идти туда». Но в школе прапорщиков в Москве дела не клеятся: Чекрыгин и военная дисциплина несовместимы. Он не исполняет приказы ротного, рассказывает солдатам о гоголевском капитане Копейкине, сбегает в самоволки. В итоге – военный суд и изгнание из школы. «По освобождении из-под ареста я бежал на позицию, – писал Чекрыгин в письме Жегину. – В поезде переоделся в солдата и теперь – я здесь. Меня все это только отчасти забавляло, но к этим на вид легкомысленным поступкам вели глубокие причины. Теперь слушаю грохот пушек, это подделка под грозу, хотя и не так жутко, но слишком смертельно». Его отправили под Двинск, где он участвовал в боях в составе пулеметной бригады. В очередном письме Жегину он признается: «С каждым днем меньше веры в людей».

В штабе Инженерного полка служил старшим писарем брат художника Иван. Благодаря его хлопотам туда же перевели и Василия. Жегин получает от него рисунок: в центре – стол, за которым сидит Чекрыгин в гимнастерке, перед ним две бумаги: письмо со словами «Дорогой Лев!» и документ «Дело об убитых». Здоровье его сильно рас-

шатано, он стал нервным и раздражительным. Несколько раз Чекрыгина по болезни эвакуировали в тыл.

Летом 1917-го художник вернулся в Москву. Уже в августе вошел в художественную комиссию Совета солдатских депутатов вместе с Павлом Кузнецовым и Казимиром Малевичем, в 1918 году преподавал живопись в Доме искусств Сокольнического района, работал в «Детском театре» Генриетты Паскар и в Высшей школе военной маскировки, состоял в Комиссии по охране художественных ценностей.

Он едет в Киев – к семье. Вокруг – нищета, голод, смерть, под окнами расстреливают людей. Его однокашник по иконописной школе Климент Редько заметил: «В этот период Чекрыгин проявлял себя более как мыслитель, теоретик, чем живописец». Тем не менее он пишет маслом портреты отца и брата Петра, пейзажи «Голубой сад», «Земля и вода» и представшую в графике искаженную реальность – «Танцующие», «В ресторане», «Оргии».

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАВЕТА

В 1919 году в Москве Чекрыгин знакомится с Сергеем Есениным, основавшим поэтическую «Ассоциацию вольнодумцев». Они часто встречались в кафе имажинистов «Стойло Пегаса» на углу Тверской и Настасьинского переулка. Благодаря поэту в двух номерах журнала имажинистов «Гостиница для путешественников в прекрасном» появились иллюстрации Чекрыгина, уже после смерти художника.

Теперь Василий вступает в открытую полемику с супрематистами, конструктивистами, абстракционистами и футуристами, в том числе и с Маяковским: «Современная живопись утверждает, что все одинаково. В этом мое расхождение с современными живописцами!» В эпоху переформатирования мира не он один искал духовность в высоком искусстве, где эстетический идеал связан с нравственным самосовершенствованием, но теперь и этого посыла

Голубой сад.
1918 год

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

было недостаточно. Сплочение, единство, синтез, правда – вот что необходимо!

Жегин отмечает его «детскую наивность, доверчивость и вместе с тем подозрительность, отсутствие какой-либо системы и вдруг – неизвестно откуда появившийся педантизм. <...> Он совершенно не умел «приспособиться» к жизни, презирал всякого рода окольные пути и «устройства». <...> Ребенком он оставался всю жизнь, иногда поражая своей бессознатель-

ностью. Мелочи повседневной жизни для него не существовали – он их просто не замечал. События личной жизни были лишь неизбежностью, которые никогда особенно глубоко его не задевали, и он только «оформлял» их, сообразно артистичности своей природы. <...> Свою исключительность он, конечно, не мог не сознавать. – Я не гений, но гениален, – однажды сказал он мне.

В 1920 году по линии Наркомпроса Чекрыгин читает лекции в Государственных свободных художественно-технических мастерских. А в отделе плаката «ИЗО» Наркомпроса делает в цвете эскиз большого плаката «Долой неграмотность!». В это же время появляются циклы экспрессивной графики: «Восстание», «Голод», «Расстрел», близкие стилю Гойи.

«Я работаю в тесноте душевной, со стесненным сердцем, но я заслужу быть творцом, и после смерти и мне дадут творить мир на далекой звезде», – писал Чекрыгин в письме своей невесте Вере Котовой-Бернштам в марте 1920 года.

Создание монументального произведения искусства Чекрыгин задумал еще в училище. Художник мечтал о фреске – и это в атеистической республике, взрывающей храмы и сжигающей иконы! Но Чекрыгина

Воскрешение.
1921–1922 годы

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Многофигурная композиция. Фрагмент. Из цикла «Воскрешение мертвых». 1921 год. Дар Веры Чекрыгиной, вдовы художника. 1923 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

это не остановило. Он работает углем – так быстрее. Пустого пространства на бумаге нет, мир, загроможденный фигурами, раздувается, требуя выхода из тотальной тесноты. Чекрыгин создает цикл «Бытие»: «Рождение», «Любовь», «Пахарь пашет», «Рабочие несут тяжесть», «Рабочие строят здание». Мечтает о фреске, которая вместит в себя «все бытие, всю жизнь» человечества...

В июле 1920-го Василий и Вера поженились. В это время творчество Чекрыгина переживает небывалый расцвет. Графические циклы «Сумасшедшие» (1921), «Голод в Поволжье» (1922) и более 300 эскизов «Воскрешения мертвых» (1921–1922) исполнены будто второпях, но каждый лист – и композиционно, и содержательно – вполне законченное произведение. Художнику необходимо развернуть ход истории: от розни к родству, от падения к воскресению...

ПРЕДМЕТ ИСКУССТВА

Расцвет творчества Чекрыгина в первую очередь был связан с идеями философа Николая Федорова, книгами которого он зачитывается. Его захватывает план регуляции природы, выдвинутый Федоровым, считавшим смерть главным злом для каждого сознательного существа. Философ был убежден,

Сидящая фигура с фонарем. Из цикла «Воскрешение мертвых». 1922 год

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

что человечеству предназначено начать новый этап развития мира, стать «правлящим разумом природы». Это и овладение природой без ее эксплуатации и разрушения, и переустройство организма человека, и выход в космос, и управление космическими процессами, и воскрешение предков. «Читаю Николая Федорова, московского философа, – записывает Чекрыгин в декабре 1920 года. – Его мысли совпали с моими <...> Воскрешение умерших, но не Воскресение. Воскрешение активное, нами, сыновьями умерших отцов. А не пассивное ожидание чуда Воскресения <...>. Воскрешенными отцами будут заселены звезды, ход которых будет регулирован общей волей всех живущих...».

Чекрыгин задумал построить и расписать Собор Воскрешающего музея и довольно быстро разработал эту тему: уголь на бумаге дает многослойные вибрации между черным и белым – в этом конфликте каждый человек слаб и безволен, и Художник помогает ему выбрать путь. Эскизы готовились им сразу для будущего монументального ансамбля многоярусных фресок: нижние сюжеты – «На кладбище», «Скорби людей», средний уровень – «Собор восстающих к новой жизни людей», выше – Воскресение как новое рождение, наверху – композиции на тему «Переселение людей в космос» с небесными светилами, сферами, ангелами.

На выставке в ГТГ 2022 года представлен композиционный центр среднего пояса фрески – пять взаимосвязанных эскизов: фигуры освобождаются из плена смерти. «Прозорливец» и здесь не ошибся: «...я рисую нечто целостное, а потом эти эскизы разбредутся, что-то потеряется, и мой замысел не будет полон». Для гарантии сохранения замысла художник в 1921 году создал вербальную часть проекта – посвященный памяти Николая

Федорова трактат «О Соборе Воскрешающего музея». И тогда графически-литературный труд Чекрыгина обрел фундаментальность.

Текст трактата – фактически пересказ белым стихом трудов Федорова. Порой трудно оторваться от этих строк, от которых веет силой ветхозаветных пророков. Основная часть трактата – проповедь, в которой сквозь пафос слышен крик отчаяния и проступает абсолютная фанатичность автора... В декабре 1921 года Чекрыгин стал одним из учредителей и фактически возглавил художественный союз «Маковец», объединивший художников, скульпторов, литераторов, философов. Участники выступали за преемственность культурных традиций и их примирение, на первое место в искусстве ставили духовные начала. В отличие от объединений «левых» художников Чекрыгин предполагал заниматься «средоточенной возвышенностью русской культуры». Неслучайно в этом смысле и название союза, ведь Маковец – это холм, на котором преподобный Сергей Радонежский основал Троице-Сергиеву лавру. Манифест «Маковца» написал Чекрыгин: «Наступает время светлого творчества, когда нужны незабываемые ценности, когда искусство возрождается в своем бесконечном движении и требует лишь яростной мудрости вдохновенных. <...> Мы видим не символы, вызывающие сомнения, но действительный поток бытия и чувствуем себя его сынами, сынами всей жизни, как и всего вечного искусства... Уверенно мы идем своим путем среди необозримой жизни и видим перед собой всю тайну образов как светозарную ослепительную реальность». В число участников «Маковца» входили Павел Флоренский, его сестра Раиса Флоренская, Борис Пастернак, Велимир Хлебников, Николай Асеев. Все «маковцы» разделяли идеи русских рели-

«О Соборе Воскрешающего музея». Фрагменты

«Наше дело – чистое воссоздание совершенными искусствами. Дело искусств – построить ясные тела Отцов и создать единый дом в живой архитектуре, не знающей глубины потопляющей, верха и низа.

Истинное дело наше – построить небо».

«Пусть слушает сердце твое, о чем томится живое, – о любви и вечности, о полноте их ныне в гаснущем мире. Созидая призраки полноты любви, не есть ты жив, убегая трудящейся любви – стать совершенной любовью, себя губишь и падаешь. И разрушается вселенная, ибо далек от себя самого».

«Никто не знает, кто он другой, как не сын отца, сына отцов, сынов праотцев. И куда он идет, если не к жизни, победить смерть и собрать и просветлить раздробленный мир, И зачем он несет тяжелую ношу смертной жизни, в которой туга и скорбь говорят о тщете опьяненности призраком полноты жизни. Кто он, если не носит в себе великий план обновления мира и победы над

болезнью, уродством, злобой и разрушением небесных земель. Кто он, если не готовит победы: упразднения жара и холода, косного закона тяготения, падения тел и совершения в торжественном дне Воскрешения мертвых отцов, утверждая не знающую печали бессмертную совершенную любовь».

«Разумный сын, любящий отцов, – знает дело жизни: прост и кроток он, как голубь, ищет не счастья, а труда, – следуя завету восстановить человека и гибнущую вселенную. Чистый, в простоте, примиряет и объединяет у общей трапезы враждующих, чтобы построить из людей воскрешающий храм-музей для общего дела: накормить голодного силой оружия, обращенного на благо жизни, и преобразить село, охраняющее кладбища, – в село, воскрешающее отцов. Ибо мудрый знает, что искусства – таинство Евхаристии – Воскрешение Мертвых, истинное дело. И следует истине в деле жизни, чтобы воссоздать единством человеческого рода обновленную жизнь в обновленном небе».

Таинство
Евхаристии.
1921 год

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

гиозных философов – Николая Бердяева, Вячеслава Иванова, Владимира Соловьева, Николая Федорова, Павла Флоренского – о преобразующей роли и соборности искусства. На их первой выставке, «Искусство – жизнь» в 1922 году, предстали произведения Николая Чернышова, Льва Жегина, Раисы Флоренской, Сергея Герасимова, Николая Крымова, Василия Чекрыгина. Первый номер журнала «Маковец» опубликовал работы художников, эссе и стихи, статью Флоренского «Храмовое действо как синтез искусств». Во втором номере – программная статья Чекрыгина, где современный художник приравнялся к философу-метафизику, который «отвлеченные схемы облакает в пластичные образы непосредственной действительности».

Автопортрет.
1918 год

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

сти, прозревая идею единства, «просвечивающую сквозь материю», как являющую реальность красоту». И... некролог Василию Чекрыгину, в котором он был назван «апостолом большого искусства».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В давнем письме Вере Шехтель Василий писал: «Пути своего я не знаю, но предчувствую, и он, как дорога ночью, стоит у меня перед глазами и конец – моя насильственная смерть».

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

3 июня 1922 года Чекрыгин приехал на дачу тещи в Пушкино, на именины Константина и Елены – брата и сестры жены художника. Здесь между художником и его тещей произошла ссора, после которой Чекрыгин пошел пешком в Мамонтовку. «Очевидцы рассказывали, – вспоминал Жегин, – что видели высокую фигуру в плаще, шагающую по путям, и два встречных поезда. <...> Когда поезда разминулись – на путях уже никого не было. Очевидно, В.Н. не слышал приближавшегося к нему сзади поезда, так как шум его заглушался поездом, идущим ему навстречу. Поезд остановили. На нем оказалась его жена и другие родственники. Говорят, он еще дышал, но был без памяти. Ему отрезало ногу у щиколотки и на лбу виднелась вдавленность, по видимому, пролом черепа, <...> Я увидел его уже в гробу. <...> Гроб утопал в цветах. На ленте, которую мы положили в гроб, я написал: «Великому художнику от друзей».

Дочь художника Нина, которой за день до трагедии исполнился год, много позже передала слова своей матери: «Отец погиб на том месте, где некоторое время тому назад нашел на путях крест».

Василию Чекрыгину было 25 лет. Художника похоронили на Боголюбском погосте близ деревни Акулово в Пушкинской волости. В деревянный крест на могиле вмонтировали фотографию рублевской «Троицы».

Долгое время считалось, что Боголюбский погост в 1937 году затопили воды Учинского водохранилища, расположенного неподалеку от Акуловой горы и Дачи-музея Владимира Маяковского. Но уже в наше время выяснилось, что погост просто разровняли, частично превратив в дачный поселок. В 2021 году считавшуюся утраченной могилу Василия Чекрыгина отыскал в лесу местный священник и краевед Андрей Дударев. И сегодня на ней вновь высится белый крест с иконой Пресвятой Троицы... ❶

ЧУДЕСНЫЙ САД ГЕРБЕРТА ГЕНЗЕ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В САМОМ ЦЕНТРЕ ОМСКА РЯДОМ С ОЖИВЛЕННОЙ МАГИСТРАЛЬЮ ЗА ВЫСОКОЙ АЖУРНОЙ ОГРАДОЙ СКРЫВАЕТСЯ УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЗЕЛЕНый ОАЗИС. ТОЧНЕЕ, НАСТОЯЩИЙ СКАЗОЧНЫЙ САД, ГДЕ МОЖНО УВИДЕТЬ РАСТЕНИЯ РАЗНЫХ СТРАН И КОНТИНЕНТОВ, КОТОРЫЕ ПО ВСЕМ ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ В СИБИРИ РАСТИ НЕ ДОЛЖНЫ. ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЙ САД ИМЕНИ ГЕНЗЕ ПРЕКРАСЕН В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ГОДА.

О ТОМ, ЧТО ЭТА ТЕРРИТОРИЯ некогда была загородной, ныне напоминает лишь название ближайшей остановки – «Старо-загородная роща»...

В далеком 1948 году было принято решение о создании здесь опытной площадки. Для выращивания собственного посадочного материала, акклиматизации привозных видов деревьев и кустарников, выведения новых сортов. Ведь в годы войны в Омск из Центральной России было эвакуировано много промышленных предприятий, они интенсивно работали, выбросы

загрязняли атмосферу, так что озеленение города стало весьма актуальным вопросом. Именно отсюда – из совхоза «Декоративные культуры» – родом 90 процентов омских зеленых насаждений. Стараниями сотрудников совхоза степной Омск совершенно преобразился: в 1970-е годы он был вторым (после Ленинграда) среди городов России по озеленению. И очень многое для этого сделал выдающийся агроном-селекционер Герберт Гензе. В 2011 году омскому дендрологическому саду был присвоен статус особо охраняемой природной территории.

НЕУТОМИМЫЙ УЧЕНИК ВАВИЛОВА

Серебристые пирамидальные тополя, голубые ели и шаровидные ивы – яркие, заметные, непривычные для Сибири – появились в Омске благодаря таланту и удивительному трудолюбию Герберта Гензе. Всего Герберт Иванович создал и внедрил около 30 новых видов деревьев и кустарников. Герберт Гензе родился 31 мая 1904 года в Саратове, в семье поволжских немцев. Его отец был увлеченным садоводом. Эта увлеченность передалась по наследству: Герберт окончил Саратовский сельскохозяйственный

институт, после чего вместе с другими молодыми агрономами слушал в Москве лекции по генетике Николая Вавилова. Всю свою жизнь Герберт Иванович называл себя его учеником и последователем.

В 1941 году Герберт Гензе вместе с прочими немцами Поволжья (потомками переселенцев екатерининской поры) был депортирован и оказался в Омской области. «Всех доходяг, которые имели хоть какое-то отношение к земле, умели пахать и сеять, и меня в том числе, отправили в Омскую область, – вспоминал он. – Это были Лузино и Любино, где нам выделили землю, и мы должны были сеять, сажать картошку, выращивать овощи – словом, обеспечивать трударию сельхозпродуктами. Вот так я попал в Омск». После войны Герберт Иванович работал агрономом сельскохозяйственного отдела Омкстроя, а с 1954 года трудился в отделе зеленого строительства Омского горисполкома. Потом вышел на пенсию, но не смог сидеть сложа руки – из-за бездействия здоровье сразу пошатнулось. Спасла новая работа – Гензе приняли в штат «Деко-

ративных культур» заведующим дендрологическим отделом. На этой должности он проработал с 1965 по 1993 год. Герберт Иванович осуществил десятки тысяч прививок, выводя новые сорта теплолюбивых кустарников и деревьев, которые могли бы переносить сибирские морозы. Он уходил с работы очень поздно, а приходил рано – жил недалеко, за две остановки от дендрария. Территорию сада, которая в те времена была гораздо обшир-

Выложенная плиткой дорожка ведет в таинственную чащу

«С 1965 по 1993 год в омском дендрологическом саду работал Гензе Герберт Иванович...»

ней, обходил несколько раз за день, летом пешком, зимой – на лыжах. В 80 лет, восхищая молодежь, переплывал Иртыш. О деревьях Герберт Гензе мог рассказывать часами.

Природа щедро наделила Герберта Ивановича талантами. Он свободно владел немецким и французским языками, мог разговаривать на английском, прекрасно играл на скрипке и страстно любил фортепиано. В 1993 году после смерти жены Герберт Иванович переехал в Германию, где жила его дочь. На исторической родине известного дендролога пригласили работать в городском ботаническом саду Ганновера.

31 мая 1997 года Герберт Иванович отметил свое 93-летие. Пошутил, что не отказался бы перевернуть цифру девять – чтобы снова ему исполнилось 63 года, столько всего можно было бы еще успеть. А через четыре дня его не стало. 17 ноября 2013 года в омском дендросаду была открыта мемориальная доска памяти выдающегося лесоведа, создателя новых парковых древесных пород. Но главный памятник Герберту Гензе – сам этот парк.

КОЛЮЧИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Сегодня на территории омского дендросада растет 253 вида деревьев и кустарников. Большинство для сибирского региона нехарактерны – они из европейской части России, государств Западной Европы, Крыма, Алтая, Средней Азии, Дальнего Востока, Японии и Северной Америки.

Маакия амурская, лещина обыкновенная, аралия маньчжурская, клен остролистный, или платановидный, бархат амурский, хеномелес Маулея, или низкая айва, орех грецкий, орех маньчжурский, сибирка алтайская, лимонник китайский...

Гордость омского дендросада – хвойники. Самые разнообразные. Неслучайно здесь совершенно особенный воздух: хвойные деревья выделяют в атмосферу биологически активные вещества – фитонциды, которые подавляют рост и развитие микроорганизмов. Давно доказано, что воздух в хвойных лесах по своим целебным качествам не уступает морскому.

Ель колючая – дерево с ярко выраженной индивидуальностью. Она удивляет разнообразной окраской хвоинок – от темно-зеленого до голубого. У этих деревьев есть любопытная особенность: даже выращенные из семян одной шишки они будут иметь совершенно разный вид. Как у родных сестер может быть разный цвет волос или отличаться цвет глаз.

Отдельного внимания достойны голубые ели. «Самые первые голубоцветные экземпляры были обнаружены в гористой местности Канады, возможно, появлению голубого оттенка в окраске способствовал горный климат. Потом уже селекционеры занялись выведением новых сортов. К нам в Омск привезли ели европейского сорта – 40 штук. Но первые же зимы показали, что этот сорт не подходит для нашего климата. Из 40 елей остались всего четыре, и вот с ними Герберт Иванович начал вести селекционную работу», – рас-

Голубая ель
Герберта Гензе
на фоне зеленых
родственников

сказывает экскурсовод дендропарка Галина Конова.

Гензе прививал веточки голубой ели на сибирскую зеленую. Дождался появления семян, отбирал их, сеял. Сортировал появившуюся молодь, искусственно ускорял созревание деревьев. Снова сеял. Проводил гибридизацию – опылял голубые ели пыльцой с других хвойников. Черенковал удачные экземпляры, создавая целые морозоустойчивые рощицы. Кропотливый труд увенчался успехом: за акклиматизацию голубой ели Герберт Гензе получил Гран-при – высшую международную награду дендрологов.

Ель сербская – ель-перевертыш. На первый взгляд зеленая, если присмотреться – сизая. Ведь каждая иголочка у нее двухсторонняя: сторона, обращенная к небу – зеленая, к земле – сизая. Красиво колыхнется ель восточная – ажурная, будто кружевная. У нее коротенькие тонкие иголочки, прижатые к веточкам. Еще одно замечательное дерево – ель обыкновенная змеевидная. Хотя назвать ее обыкновенной можно с большим трудом. Ветви у нее вьются будто змейки, плети могут достигать метра длиной. Растение выведенное, в природе не встречается. Такая ель очень эффектна в любом ландшафте.

Экскурсовод
Галина Конова
показывает
обратную сторону
ели сербской

Совершенно фантастическое дерево – ель обыкновенная змеевидная

ХВОЙНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Лиственница сибирская фактически балансирует между хвойными и лиственными деревьями – ее хвоя осенью желтеет и опадает. «У лиственницы очень крепкая древесина – это универсальный строительный материал. Более того, попадая во влажную среду она практически не гниет, наоборот, становится крепкой как камень. Это единственное дерево, которое не сплавляют по реке – древесина настолько плотная, что оно быстро тонет», – объясняет Галина Конова.

А очень ровные стволы пихты сибирской будто предназначены для того, чтобы из них делали корабельные мачты. «Почему стволы идеально ровные? Дело в том, что пихта максимально приспособлена к жизни в сибирской тайге – там, где темно и мало свободного места. То есть, «выстреливая» вверх, она повышает свои шансы на жизнь», – поясняет Галина Конова. Вот сосна кедровая, более известная как кедр. Она очень медлен-

но растет – практически лет до сорока готовит себя к плодоношению. Но выход из положения есть – прививка на сосну обыкновенную, потому что корневая система обыкновенной сосны растет гораздо быстрее.

Стриженные туи образуют роскошную живую изгородь. Рядом – нестриженная туя. Ее маленькие плодики имеют необычное на-

Дальневосточная гостья – груша Лукашова, сорт Тёма

звание – шишкоягоды. В конце лета они становятся коричневыми, а затем раскрываются как шишечки. Туи здесь на любой вкус, самой разной формы – классической пирамидальной, круглой... Есть даже туя нитевидная – ее листья напоминают побеги хвоща. В хвойник затесались две груши – «потому что им нужно перекрестное опыление и если посадить одну, она не даст плодов». Груша Лукашова – плод трудов хабаровского селекционера начала прошлого века Артемия Лукашова – была создана на основе дикорастущей груши уссурийской. У нее очень нежные плоды – падая, они буквально разбиваются в лепешку.

В парке много разных можжевельников, включая даурский и казачий. Эти замечательные растения эффектно выглядят в любое время года. А фитонциды можжевельника казачьего способны бороться даже с палочкой Коха. Можжевельник растет всю жизнь. Потому решившим завести его на дачном участке очень советуют подумать. Кстати, можжевельники бывают не только стелющиеся: вот, к примеру, вертикальный пирамидальный можжевельник.

В разных сортах туи и можжевельника легко запутаться. Но отличить первую от второго очень просто. У можжевельника веточка будто пушистая со всех сторон, а туя плоская – будто ее утюгом проутюжили.

Идеально ровная пихта сибирская

КРАСКИ ЛИСТЬЕВ И ЦВЕТОВ

На одной из клумб ярко желтеет куст, весь осыпанный цветами. Это – лапчатка кустарниковая. «Каждый цветочек живет примерно сутки. Но обилием цветов лапчатка сполна компенсирует короткий срок жизни. Верхние побеги с цветочками сушат и заваривают как чай. Получается курильский чай – золотисто-коричневого оттенка с выраженным цветочным ароматом и нежным вкусом, он имеет множество полезных свойств, укрепляет иммунитет», – рассказывает Галина Конова.

Неподалеку благоухает садовый жасмин – чубушник. Такое название этот кустарник получил из-за того, что из его стеблей делали чубуки для курительных трубок.

В дендрарии немало удивительных растений. Вот, к примеру, интересная черемуха. «Она уже поменяла цвет, – уточняет Галина Конова. – Примерно 16–17 июня черемуха меняет цвет со светло-зеленого на вот такой темно-пурпурный. В ночь на 17 июня 1918 года произошел расстрел царской семьи, потому этот сорт назвали «Неубиенная». Окончательная же ее окраска – розово-красная, осенью она будет именно такой. Вот такая модница-красавица, три раза переодевается».

А вот еще одно красочное растение. Перед нами куст с разноцветными ягодами – калина гордовина. У нее всего два недостатка: неприятно пахнут цветы и она несъедобная. Но у плодов этой калины настолько растянут период созревания, что на одной ветке одновременно можно увидеть ягоды зеленого, белого, красного и розового цвета – «как будто винегрет нарезали и не перемешали». К концу сезона ягоды, конечно, почернеют, а листва приобретет розоватый оттенок.

Тамарикс изящный – гость из Центральной Азии. Цветы-кисти будто собраны из мельчайших бусинок, потому его еще называют «бисерник». Они разных оттенков, самые зрелые

Переплетенные стволы

Колокольчик скученный из-за пышной верхушки смотрится очень необычно

темнее прочих. Запах ягод изумительный, потому вокруг деловито кружат шмели.

Растет здесь и белая акация – она, правда, уже отцвела. К тому же с научной точки зрения это вовсе не акация – ботаники называют ее «робиния псевдоакация». «А вот мимоза, которую на 8 Марта дарят – это именно акация серебристая. Цветы у мимозы обычно имеют сиреневый оттенок, желтых среди них не бывает».

«БУЙВОЛОВА ЯГОДА» И «МЕДВЕЖЬЯ ЧЕРЕМУХА»

У каждого растения есть какая-то отличительная особенность. Боярышник Арнольда – пришелец из Америки, у него, в отличие от нашего обыкновенного боярышника, очень крупные плоды – мягкие как яблочко и очень приятные на вкус. Но у растения очень длинные шипы – до 10 сантиметров.

Вообще, в дендропарке много «американцев» – климат Северной Америки и Западной Сибири во многом схож. Потому здесь прекрасно себя чувствуют платанolistные клены, ясень пенсильванский. И растение, похожее на облепиху – шефердия серебристая. «У нее ягода не оранжевая, а красного приглушенного цвета с мелкими крапинками-точечками. Витамина С в ней в семь раз больше, чем в облепихе обыкновенной. В Америке ее называют «буйволова ягода», «кроличья ягода», потому что очень часто делают из нее соусы к мясу», – поясняет экскурсовод. Привычной нашему глазу бузине красной тоже есть чем удивить. «Как-то у меня на экскурсии был мужчина почтенного возраста

«Тополь в юбке»

Сережка
ольховая легкая,
будто пуховая...

ГОСТИ ИЗ ТЕПЛЫХ СТРАН

Неподалеку от обычной рябины растет уникальное для сибирского климата дерево – катальпа фаргеза. Это исключительно южный вид, не приспособленный к сибирским морозам. Однако в дендросаду она растет уже более четырех лет, цветет и плодоносит. Именно за плоды – длинные стручки, похожие на спагетти, – ее прозвали «макаронным деревом».

Есть в саду и другой «южный гость» – гинкго билоба, которое прежде в Сибири росло только в теплицах. Пока деревца совсем маленькие, но вскоре станут настоящими красавцами с красивой кроной и ажурной листвой. А вот скучная кожевниковая, приехавшая в Омск из Колумбии. Там ее называют «париковым деревом» – за характерные пушистые метелочки. Во время цветения она будто бы окутана цветными облаками.

Кора могучего дерева легко поддается под пальцами. И даже без пояснений понятно, что это пробковое дерево. Старожил дендросада с романтичным названием «бархат амурский» родом с Дальнего Востока. В Китае его называют «деревом черного жемчуга» – из-за гроздьев черных плодов, напоминающих связки жемчуга. Они, кстати, обладают лечебными свойствами. Еще у одного эффектного представителя дальневосточной флоры – клена зеленокорого – нежнейший гладкий ствол, почти бамбуковый...

та, он сразу к ней бросился: «Дерево моего детства! Мамочка просила нас залезать на дерево, рвать ягоды и сбрасывать». Я поинтересовалась – для чего? Оказывается, она ими мыла посуду. Ягоды бузины очень хорошо отмывают жир. Плюс уход за руками – такой домашний химический пилинг», – говорит Галина Конова. Листья ореха маньчжурского пахнут... имбирем. Но в качестве пряности их не используют, только в лечебных целях, как средство от мозолей. Зато у плодов лекарственных свойств гораздо больше. Кроме того, у этого дерева замечательная архитектура кроны – оно красиво даже зимой. Черемуха красноствольная, или черемуха Маака, впечатляет не только цветом коры, прикоснувшись к ней, чувствуешь настоящий зимний холод, исходящий изнутри. Даже в жару она ледяная. «Она распространена в Амурской области, в Хабаровском крае, там ее прозвали «медвежья черемуха». Ягоды этой черемухи они едят при расстройстве желудка. Еще ее называют «черемуха-бесстыдница» за то, что кора отслаивается тонкими пластинками», – улыбается экс-

курсивод. Ягоды у красивого дерева черные, горькие, невкусные и очень сочные. Когда они падают на дорожку, на плитках остаются пятна, будто чернила разбрызгали...

Сибирский
бонсай

ДУБЫ, БЕРЕЗЫ, ТОПОЛЯ...

Весьма живописно выглядит дубовая аллея. Справа растет хрестоматийный дуб черешчатый, обыкновенный или английский. А слева – дуб монгольский, названный в честь места, где его впервые обнаружили – на старой границе с Монголией. У него совершенно другой формы лист, более ромбовидный. Да и желудь иной – более бочкообразный, с массивной фактурной шляпкой. В отличие от своего известного соседа дуб монгольский рано распускается и поздно опадает. Более того, он так не желает расставаться с прошлогодней листвой, что некоторые листья хранит до того момента, пока не распустятся новые. «Желуди, опадая с него, почти мгновенно прорастают. К нам приходят на фотосессии, наступят на желудь, и моментально появляется побег – корешок проклеивается, и он буквально взрывается в почву», – говорит Галина Конова.

В русских стихах и песнях часто фигурирует белая береза. Но, оказывается, березы бывают не только белые. В дендросаду можно увидеть березы самых разных оттенков. Справа – бородавчатая, рядом с ней – береза бумажная с корой желтоватого цвета, «американка», которая к 10 годам достигает высоты 7 метров. У березы голубой кора, понятно, голубоватая.

Самая необычная среди берез – береза даурская, или черная дальневосточная. Она растет в самом дальнем уголке парка. Ствол у нее не черный, а, скорее, коричневатый. На первый взгляд ее можно легко принять за... сосну.

И конечно, отдельного внимания заслуживает аллея тополей: выращенный Гербертом Гензе пирамидальный тополь, названный «Памяти Н.И. Вавилова» (или «Омский-1»), который совершенно не дает пуха, и серебристый тополь «Омский-2». Глядя на них, в очередной раз убеждаешься, что талантливый селекционер очень тонко чувствовал красоту...

В дендросаду много живописных уголков

ФАНТАЗИИ ДЕНДРОЛОГОВ

В дендросаду много весьма необычных деревьев, каких в природе вообще не встретишь: дендрологи, которые здесь трудились, к своей работе подходили творчески. Ветка кедра, привитая на сосну, превращает ее в необыкновенное дерево с пушистой «кистью». Но это самый простой пример.

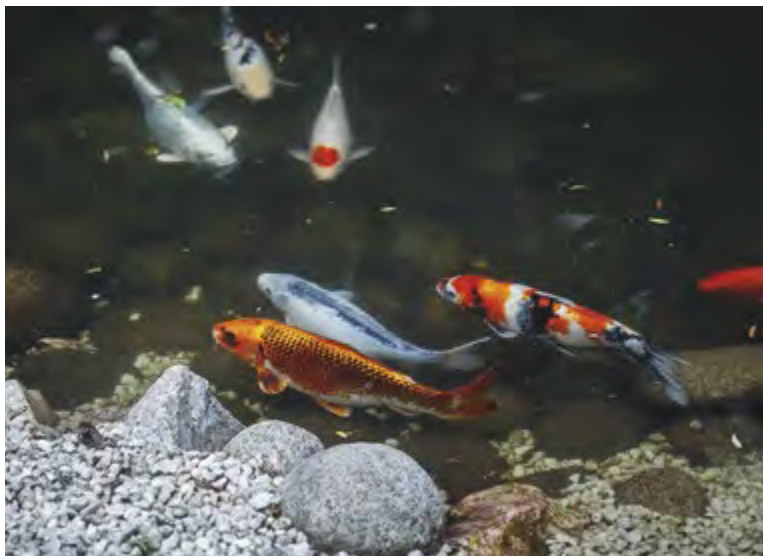
Вот совершенно фантастическое дерево: на один ствол привито 17 веток от разных видов тополей. Получился «тополь в юбке», хотя сейчас это уже целый криволинейный.

А вот это дерево здесь называют «шуткой дендролога». Ученик Герберта Гензе Константин

Родионов провел эксперимент: просто привил в расщеп елового ствола две веточки и завил их между собой. И, видимо, ели это так понравилось, что она до сих пор до самого верха завивается. Еще есть сибирский бонсай. «Шары на ножках» растут очень медленно, но выглядят весьма эффектно. Чтобы получить дерево столь необычной формы, Константин Родионов и его томский коллега Сергей Горошкевич сделали кедру почти два десятка прививок.

И главное – единственная в мире золотистая ель! Правда, как сказочное дерево она выглядит всего 7–10 дней в конце мая – тогда

Карпы кои различаются не только расцветкой – у каждого свой характер

филла происходит собой. Тогда в еловых иголках может накапливаться пигмент другого цвета: коричневый, синий, желтый. И наконец он увидел на одной из елей золотистый малохлорофилльный побег. Начал размножать растение, чтобы закрепить мутацию. Черенковал, прививал. Но через три года золотые привои вымерзли. Прошло с десяток лет, прежде чем снова среди еловой молодежи Герберт Гензе увидел пучок желтой хвои. Опять потекли месяцы упорной работы. И наконец ему удалось вырастить необыкновенную ель: все молодые побеги на ней золотисто-желтые.

БЕЛКИ, КАРПЫ И «КОЛИБРИ»

На лещине краснолистной уже завязались орехи. Полюбоваться ими, кстати, можно только в зеленом виде. «Конечно, они созревают. Но у нас есть белки, которые не дают им дозреть, – вздыхает экскурсовод. – Была такая история года три назад: я водила экскурсии, и каждый раз мы наблюдали, как орехи коричневеют, увеличиваются в размере... А как-то подходим и слышим смачное чавканье из-под куста. Отодвигаем ветки – сидят три белки. Они так недобро посмотрели, что, не дожидаясь военных действий с их стороны, мы предпочли ретироваться. Прихожу на следующий день, смотрю – на самой верхней веточке висит гроздь орехов, все остальное они съели, просто пустой куст абсолютно».

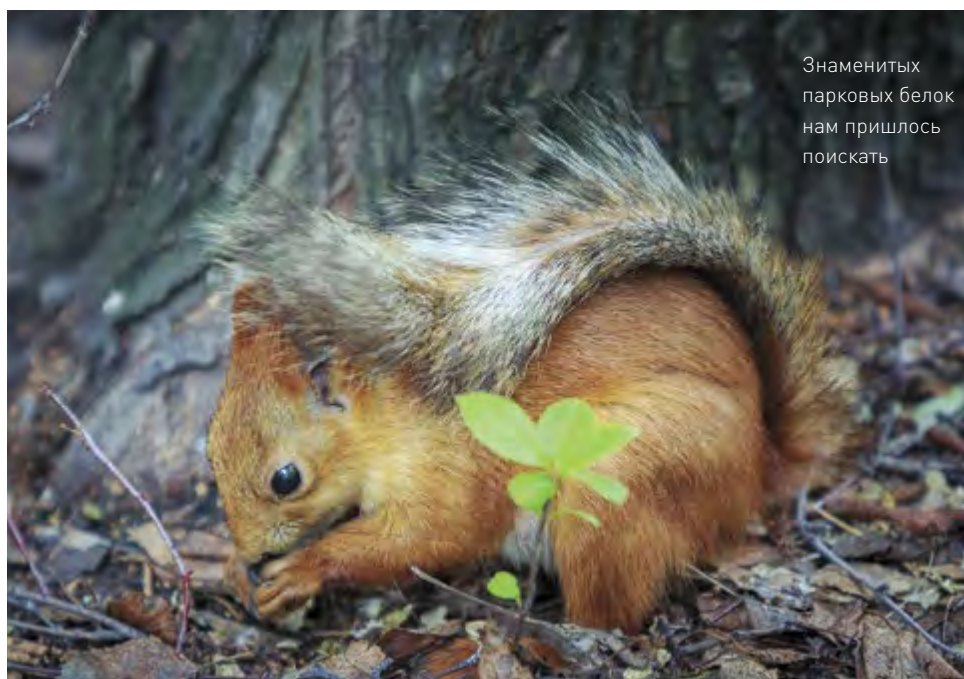
Кстати, живности в омском дендросаду с избытком. Помимо разноцветных карпов кои, которые плавают в местном пруду (одного из них вполне можно назвать золотой рыбкой), здесь очень много белок – белых и серых. Хватает и птиц. В прошлом году здесь даже поселилась и выращивала потомство пустельга, гоняла всех местных сорок. А еще в дендропарке можно увидеть сибирскую версию колибри: если повезет, перед экскурсантами вдруг пролетает бабочка-бражник... И все это в центре миллионного города! 🍄

она словно бы окутана золотистым ореолом. Сбывшаяся детская мечта Герберта Гензе. Лет в семь, когда семья отмечала Рождество, Герберт увидел среди новогодних игрушек елочку, вырезанную из золотой фольги. И спросил у отца: «Папа, почему ты купил зеленую елочку, а не золотую? Она же красивее». Отец ответил, что золотых елочек в

природе не бывает. Но Герберт ему не поверил. И заявил: «Бывает. И я ее найду».

Исполнить свою мечту Герберт Иванович смог много лет спустя в омском дендрарии. Среди молодых елей он неумоимо искал елочку хотя бы с одной желтой веточкой. Он знал, что иногда случаются мутации, когда в синтезе зеленого пигмента хлоро-

Сибирская «американка» береза желтая

Знаменитых парковых белок нам пришлось поискать

О РУССКОМ СТИЛЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ ПРИВЫЧНО АССОЦИИРУЕТСЯ С ВЕЛИКОЛЕПИЕМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА, ЦАРСТВЕННЫМИ ОСОБАМИ, РОСКОШНЫМИ НАРЯДАМИ. КАЖЕТСЯ, ЧТО НАРОДНОМУ КОСТЮМУ ЗДЕСЬ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ МЕСТА. НО ЭКСПОЗИЦИЯ «РУССКИЙ СТИЛЬ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ», ПРЕДСТАВЛЕННАЯ В ГАЛЕРЕЕ КОСТЮМА РЕСТАВРАЦИОННО-ХРАНИТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА МУЗЕЯ «СТАРАЯ ДЕРЕВНЯ», ПОДОБНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ОПРОВЕРГАЕТ.

«**3** АХОДЯ В ГАЛЕРЕЮ, вы как будто погружаетесь в реку русской жизни», – поясняет научный сотрудник и хранитель фонда тканей Отдела истории русской культуры

(ОИРК) Эрмитажа Наталья Викторовна Некрасова. По «левому берегу» выставлены подлинники традиционных костюмов разных регионов Российской империи. По правой стороне – все, что относится к стилизации

народных одежд в целом или каких-то их элементов. Перемещаясь вдоль витрин, посетители путешествуют одновременно и во времени, и в пространстве: от XVIII века к XXI, а также по российским губерниям – от Архангельска до Воронежа, от Санкт-Петербурга до Восточной Сибири. Всего 138 манекенов, облаченных в костюмы, подавляющее большинство которых ранее никогда не демонстрировалось. Впервые за всю выставочную историю Государственного Эрмитажа народный костюм, представленный лучшими образцами музейной коллекции, исполняет ведущую партию. Собрание народного текстиля и набивных тканей музея не такое уж и маленькое – около 3 тысяч предметов.

Сарафаны на лямках с шугаем и душегреей жительниц Нижегородской губернии конца XIX века

САРАФАН КАК СИМВОЛ

Первыми на «левом берегу» экспозиции посетителей встречают сарафаны северных губерний России. По ним можно проследить, как менялся с середины XVIII до начала XX века кажущийся незыблемым самый узнаваемый народный костюм. «Сарафан как символ, как главный маркер традиционного рус-

Свадебный сарафан уральской казачки архаичного покроя, но со шлейфом по светской моде

К слову сказать, Эрмитаж довольно поздно, по меркам других музеев, обратился к теме народного костюма. Еще в начале 1960-х годов старейший хранитель тканей ОИРК, Наталья Михайловна Шарая, отмечала, что при разнообразии и ценности принадлежащего Эрмитажу собрания костюмов «на чисто отсутствует народная крестьянская одежда». В советский период поступления из экспедиций по стране, через закупочную комиссию, из частных дореволюционных собраний, которые в 1960–1970-х годах перераспределяли между музеями, а также дары от благотворителей сделали собрание традиционного костюма Эрмитажа значительным и достойным внимания.

ского костюма, – рассказывает Наталья Викторовна, – существовал с момента разделения, то есть реформ Петра I, когда знать переделалась, а народ продолжал носить традиционное платье, которое постепенно изменялось со временем».

Гордость эрмитажной коллекции – редкий синий сарафан XVIII века с «тесьмами», то есть откидными рукавами. Характерная деталь показывает, что народный костюм долгое время сохранял традиции предыдущих веков, медленно отказываясь от привычных форм допетровского времени, когда бытовали распашные платья с откидными рукавами и звучными названиями – охобни, опашни, телогреи да однорядки. Нечасто встречаются в музейных коллекциях и два других ранних сарафана – фезязи, как они значатся в инвентарях, из узорной ткани. Их покрой отличается от привычного всем сарафана на лямках. Это варианты закрытых под горло одежд, более всего напоминающие распашные одеяния XVII века.

Костюмные реформы Петра I, по сути, завершили нововведения, начатые его отцом и старшим братом – царями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем. В результате национальные одежды постепенно заменялись на платье иноземного образца. Федор Алексеевич еще в указе 1679 года прописал «своего царского синклиту бояром и околничим, и думным, и ближним, и служилым, и приказным людям по Москве и в городах носить служилое платье, а прежние старобытные городские одежды охобни и однорядки отставить для того, что те одежды долги прилично женскому платью и к служилому и дорожному времени было непотребно да и многоубыточно». Перемены эти не касались лишь духовенства и крестьян. Так народ на века стал хранителем традиционного русского костюма. Архаичного вида сарафаны долгое время сохранялись на Урале, где было много переселенцев с Русского Севера. Представленные

Наталья Викторовна Некрасова – научный сотрудник и хранитель фонда тканей Отдела истории русской культуры Эрмитажа

в экспозиции три роскошных сарафана уральских казачек конца XIX века – наглядный тому пример. Один из них – свадебный со шлейфом по светской моде – шпит из шелка, украшен золотым галуном, пуговицами из горного хрусталя в серебряных кастах. Рукава рубахи изукрашены золотой вышивкой. Именно так и могла выглядеть Хозяйка Медной горы из уральских сказов Павла Бажова: «И платье на ней – на Хозяйке-то – меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает, либо скрасна медным станет...»

К допетровским временам отсылают и праздничные рубахи-длиннорукавки, дополняющие ранние сарафаны. Они представлены немного театрально – с распущенными рукавами, чтобы показать всю красоту старинной формы и дорогой ткани. При ношении их, как правило, собирали в складки, образуя пышный рукав, который фиксировали поручаками у запястья. Такие рубахи не были повседневной одеждой, скорее, праздничной и обрядовой. Долгие рукава подчеркивали непрактичность наряда, ведь невозможно работать «спустя рукава».

«Классического» покроя сарафаны на лямках XIX и начала XX века представлены на выставке во всем разнообразии: от простых из набивной ткани сарафанов крестьянок до роскошных из шелковых материй са-

душегреи, епанечки, шугаи из шелковых тканей, украшенные мехом и золотым шитьем

Красный праздничный девичий сарафан на лямках из шерстяной ткани первой половины XIX века

рафанов купчих. Их дополняют разнообразные красочные душегреи, епанечки, шугаи. Две душегреи вызывают недоуменные взгляды как обычных посетителей, так и знатоков народного костюма. Они принадлежали жительницам города Торжка Тверской губернии. Их необычность заключается в увеличенной левой пройме, куда женщина могла спрятать руку. До сих пор исследователи гадают, для чего это было сделано. Знако-

мые многим по знаменитым рисункам Федора Солнцева, подобные душегреи редкость даже в крупных музеях.

Мгновенный эффект узнавания срабатывает при взгляде на следующую пару сарафанов. Красный и синий, подхваченные узкими узорными поясками, они отсылают зрителя к лубочным картинкам с песнями, русскими плясками, качелями и веселыми гуляньями. «Как на улице шумят, // Сарафан бабы делят, // Ой вы, девки: // Ой вы, бабы молодья: // Кому клин дать, кому стан, // Кому весь бы сарафан». Типичные сарафаны посадских девушек, ставшие неотъемлемым образом русского фольклора.

Есть в экспозиции и сарафан-«путешественник». «Сто лет назад он отбыл в Америку, – рассказывает Наталья Викторовна, – где не просто лежал в сундуке, а вместе с хозяйкой вел интересную насыщенную жизнь. Это известно по переделкам – сарафан был распашной, потом его зашили и приделали карман». А затем благодаря первой российской топ-модели и благотворителю музея, Татьяне Сорокко, которая выкупила его на аукционе, символ традиционного русского костюма вернулся на родину.

СПЛОШНОЕ ДИВОВАНИЕ

Рядом с сарафанами стоит раскрытый сундук с символическим приданым. «Рядом с костюмами мы поставили предметы быта, – продолжает Наталья Викторовна, – которые тоже создают образ русского стиля, ту эстетику, которая окружала русский народ». Здесь и расписные прялки, туеса, ковши, детские деревянные игрушки, и даже непохожий на коня, но тем не менее – конь-качалка.

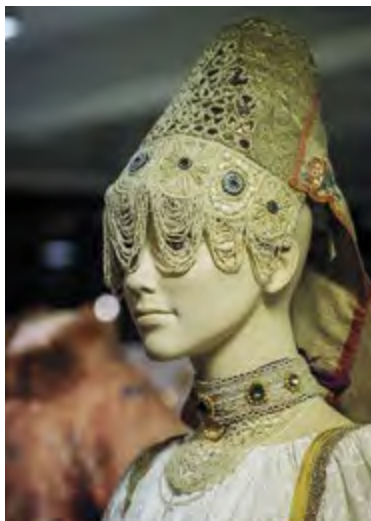
Сундук же наполнен тем, что традиционно готовили девушки к замужеству. Здесь и домотканая крашенина, и сверток красочной покупной ткани для сарафанов родом из XVIII века, и богато украшенные кокошники, и нитка бус из жемчуга. К приданому на Руси относились серьезно и начинали заготавливать заблаговременно. Отсюда и поговорка: «дочку в колыбельку, приданое – в коробейку». По свидетельствам

Собирательный образ сундука с приданым, главная ценность которого – праздничный или обрядовый кокошник

этнографов, у богатой невесты к свадьбе могло быть подготовлено до нескольких десятков рубах и сарафанов, а домотканых полотенец и вовсе до полтора сотен. Такое количество обусловлено тем, что часть приданого представляла собой обязательные свадебные дары для родственников. По качеству и красоте самостоятельно сотканных, шитых и вышитых предметов приданого судили о том, насколько девушка была умелой рукодельницей.

В то же время искусно декорированные в сложной технике «сажения по бели» или золотной вышивки кокошники могли быть частью передаваемого из поколения в поколение наследства. Их могли заказывать профессиональным мастерам, если позволял достаток, или брать в аренду, если у семьи невесты не хватало средств на собственное праздничное украшение. «Истории о том, что каждая женщина в семье могла сама создать подобный сложный головной убор, по большей части мифы. Это высокое искусство», – замечает хранитель.

В Галерее костюма северные девичьи венцы и коруны, жен-

Головной убор девушки из города Галича Костромской губернии с поднизью из рубленого перламутра

Кокошник «шишак» замужней женщины из города Торопца Псковской губернии

ские кокошники, круглые и островерхие, объемные и плоские – это одно сплошное дивование, как говорили в старину на Русском Севере, то есть высшая степень восхищения. Подобную роскошь не надевали каждый день, берегли, потому и сохранились они до наших дней. Вот, например, удивительной красоты венец из Олонецкой губернии – «венок жемчужный» – с поднизью из конского волоса, уни-

Расписные предметы народного быта дополняют экспозицию костюмов

Вышитые кокошники разных губерний – сплошное дивование!

занной мельчайшим речным жемчугом.

Или «краса несказанная» – кокошник-«шишак» замужней женщины из города Торопца Псковской губернии. «Верх и затылок его из золотой парчи, передняя часть высажена жемчугом и шишками, числом до тридцати и более, наибольшая шишка посреди лба, наверху каждой шишки крупная жемчужина; окраину кокошника составляют жемчужные расы.

Подобные шапки у некоторых торопчанок стоили в старинные годы от 2-х до 7000 рублей серебром», – описывал самобытные и дорогостоящие головные уборы торопчанок историк Михаил Семевский в 1864 году. «Редкая особенность нашего головного убора в том, – рассказывает хранитель, – что на вершине каждой шишечки подлинны серебряные кастики со стеклышками или самоцветами. Обычно использовали жемчуг».

Шелковая косынка-«головка» с золотым шитьем из Нижегородской губернии

ЮЖНЕЕ МОСКВЫ

Постепенно течение «реки русской жизни» перемещает посетителей экспозиции к ярким и радостным костюмам южных губерний России. «Не тех, что ближе к Черному морю, а тех, которые были южнее Москвы. Сейчас не все это понимают», – поясняет Наталья Викторовна. Чаще всего к ним относят Орловскую, Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую и еще ряд губерний. В отличие от северного и среднерусского регионов, где преобладали сарафаны, южнорусский комплекс – более древний, сложившийся еще в VI–VII веках, – состоял в основном из понёвы – поясной одежды наподобие юбки, рубахи, передника-завески, запона, пояса, головного убора – «сороки» и кожаной или лыковой обуви. Несмотря на общие черты, в каждой местности были свои особенности состава и ношения костюма, по которым сведущий человек легко мог догадаться, откуда кто родом. Неслучайно в старину «по одежке встречали».

Мужской костюм мало отличался в северных и южных губерниях по комплектности и включал в себя штаны-порты, рубаху, пояс, головной убор и обувь. Местные нюансы выражались в вышивке и манере носить костюм.

Если в сарафанах и душегреях преобладала сложная палитра красок и замысловатые тканые узоры, то южнорусский костюм – это господство чистых цветов: белого, красного, синего, реже зеленого и черного, орнаменты же зачастую вышиты. Сочностью алого цвета – цвета самой жизни – выделяется в экспозиции музея группа костюмов из Тульской губернии. А вот воронежские наряды узнаваемы по наличию редко встречающейся в других губерниях вышивки черными нитками на рукавах и клетчатым понёвам-черноглазкам из шерстяной домоткани. «Черные окна квадратов символизируют

Северорусский народный костюм невозможно представить и без узорных платов, ведь платки, косынки, шали покрывали голову женщины две трети ее жизни. В старину говорили: «Мать Покров! Покрой землю снежком, меня, молодцу, платком». Появиться перед людьми простоволосой, с непокрытой головой, считалось предосудительным. В экспозиции богатый убор торопчанки собран согласно традиции и исто-

рическим описаниям. «На кокошник нанизывается белый шелковый или тюлевый, шитый золотом платок», – отмечал Семевский. Сияет золотной вышивкой на выставке и лиловый платок из Нижегородской губернии, расшитый орнаментом в виде листьев, цветов и птиц. Название у него соответствующее – «золотая головка». В эрмитажной коллекции разнообразных старинных платов есть чему подивиться!

Костюмные комплексы южных губерний России

Деревенские мальчики и девочки до 6–7 лет носили длинные рубахи

Воронежская рубаха с вышивкой черными нитками на рукавах

вали участки черноземного поля, – подмечал знаток народных промыслов Воронежской земли Петр Денисович Пономарев, – а полосы означали овраги, дороги, тропы, межи и реки на земле». Низ такой понёвы украшался широкой полосой с тканым или вышитым орнаментом, символически изображавшим то, что растёт на земле. На выставке становится понятно, насколько важное значение придавали крестьяне земледельческих губерний рукам, обильно покрывая оплечья и манжеты рукавов рубах обережной вышивкой, многоцветными ткаными нашивками, ажурным кружевом, узорчатыми лентами, тесьмой из гаруса, сутажка, позумента. Выделяются костюмы молодоженов из Воронежской губернии, у которых рукава свадебных рубах украшены сияющими нашивками, вышитыми золотом.

Как видно из экспозиции, жительниц севера и юга России роднила любовь к ярко-красным платкам. Наибольшей популярностью пользовались знаменитые барановские ситцы с узорами из листьев, ягод, восточного огурца, окрашенные в оттенки яркого адрианопольского цвета (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2021 год, статья «Симфония красного цвета». – Прим. ред.).

К концу XIX века ситцы не только в платках, но и в одежде постепенно вытесняли домоткань. Да и в целом шить из покупных фабричных тканей становится более престижно. Проникали в народный костюм и новые городские формы одежды. Представленный на выставке женский костюм «парочка», состоящий из кофты и юбки, яркий тому пример. А завершает экспозицию «левого берега» и снижает «градус народности», по выражению Натальи Викторовны, собранный хранителями образ купчихи у самовара: в нарядном платье с неизменной репсовой шалью на плечах – модной деталью, закрепившейся в народной среде.

Постепенно фабричные ткани и городские фасоны проникали в народную одежду

Женский костюм Орловской губернии с алым барановским платком и пушками из гусяного пуха

КОСТЮМНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Кому принадлежали вещи, представленные на экспозиции, и как они попали в музей? Нередко за экспонатами стоят целые детективные расследования хранителей и реставраторов. Появление первых народных костюмов связано с этнографическими экспедициями середины XX века. Сотрудники музея исколесили страну в прямом смысле «от южных гор до север-

ных морей». В то время в глубинке еще можно было отыскать превосходные образцы народной одежды, успевать расспросить тех, кто еще помнил, как правильно надевать многосоставные уборы предков. Как заметил на открытии выставки директор музея Михаил Пиотровский: «Не попади все эти вещи в музей, они, скорее всего, погибли бы». Вторая волна поступлений связана с частными коллекциями дореволюционных собраний музея Общества любителей древней письменности, музея барона Штиглица, костюмного класса и Музея древнерусского искусства Императорской Академии художеств, а также со знаменитой коллекцией Натальи Леонидовны Шабельской.

По старым меточкам, наклейкам, нашивочкам, клеймам на костюмах, по запискам, каталогам и архивам хранители исследуют жизненный путь вещи, который порой уводит их вглубь веков. Так, в современной экспозиции можно увидеть костюмы, которые происходят из собрания Императорской Академии художеств. В 1829 году президент академии Алексей Николаевич Оленин учредил «Рюсткамеру или костюмную палату»,

на основе которой возник «Музей костюмов и предметов для писания nature morte» или, коротко, – костюмный класс. «Туда были пожалованы и закуплены оружие, военные костюмы, подлинное русское платье, – поясняет Наталья Викторовна. – Это была огромная сокровищница, которой могли пользоваться студенты и слушатели академии». Во второй половине XIX века при академии был основан Музей древнерусского искусства, глав-

ным хранителем которого был один из первых собирателей народного костюма, археолог и этнограф Василий Прохоров. «Собрание повойников и кокошников, шитых золотом и серебром, низанных жемчугом, блестками и фольгой и образующих прекрасные формы и узоры, коллекции сарафанов, вышитых узорами мужских и женских рубашек, богатые собрания материй <...> все это входит в состав этой прекрасной коллек-

Шелковая душегрея и рубаха-длиннорукавка из дореволюционного собрания Н.Л. Шабельской

ции В.А. Прохорова и делает ее важной для художников и ученых», – писал историк искусств Владимир Стасов. Вполне вероятно, что именно эти одежды служили учебным пособием или остались в памяти блестящих учеников академии – Репина, Сурикова, Маковского, Васнецова, – когда они создавали свои художественные шедевры на древнерусские темы. Часть тех костюмов дошла до наших дней. Благодаря исследованиям хранителей их удалось идентифицировать и теперь некоторые из них можно увидеть в Эрмитаже. При изучении и особенно реставрации старинных костюмов порой случаются удивительные открытия. Так произошло с сине-золотым комплектом из сарафана и «кофты». Этот праздничный наряд из узорной полупарчи на протяжении ста лет передавался от хранителя к хранителю, не участвуя в выставках. «При подготовке к нынешней экспозиции реставратор Татьяна Викторовна Грунина-Шкварок в подкладке рукава обнаружила маленький бумажный квадратик, – рассказывает хранитель. – Это оказалось письмо 1875 года от уехавшего на заработки в Кронштадт

Шугай из дорогой парчи с заячьим мехом из собрания Императорской Академии художеств

Закрытый сарафан конца XVIII – начала XIX века из французского шелка с подкладкой из мареновой набойки из коллекции Н.Л. Шабельской

мужчины. В нем он извиняется перед семьей, что не мог написать раньше, кланяется родителям, передает привет дочке. А также посылает 20 рублей и просит жену распорядиться деньгами и никого не обидеть. Деньги хозяйка потратила, а письмо от любимого мужа сохранила. Это очень трогательно». Кто знает, быть может, именно из этих средств и был куплен довольно дорогой для крестьянской семьи наряд.

Еще одна часть поступлений в Эрмитаж связана с имуществом национализированных после революции дворцов. «Как известно, в конце XIX века был пик популярности на все народное, – поясняет Наталья Викторовна. – Представители царской семьи и многие аристократы собирали собственные коллекции: кто-то делал это профессионально, кто-то покупал по случаю какие-то предметы. Нередко в коллекцию забирали не весь костюм, а только понравившуюся вещь, например душегрею или сарафан. От кокошника могли взять лишь переднюю, богато украшенную часть. Поэтому такие предметы требуют отдельной кропотливой работы по атрибуции».

Мундирные платья в русском стиле императрицы Екатерины II

Городские вышитые костюмы в русском стиле конца XIX – начала XX века

РЕКА ВРЕМЕНИ

Главная изюминка устройства экспозиции в Галерее костюма – визуальный диалог между традиционным костюмом и его трансформациями. Так, сарафан с тесьмами отражается в стеклах витрин напротив, где выставлены мундирные платья государыни Екатерины II с элементами подобного кроя (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2021 год, статья «Свидетели времени». – Прим. ред.). А яркие кра-

сочные костюмы южных губерний России «переглядываются» с бело-красно-синими городскими нарядами конца XIX – начала XX века, для которых народный костюм послужил источником вдохновения.

«Идея с отражениями принадлежит замечательному художнику Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства Юрию Александровичу Сучкову, с которым хранители костюма Эрми-

тажа сотрудничают уже много лет. Он очень тонко чувствует и костюм, и цвет, и эпоху, – рассказывает заведующая сектором прикладного искусства Отдела истории русской культуры и хранитель коллекции костюма Эрмитажа Нина Ивановна Тарасова. – Нам очень понравился его образ, что все течет как в реке времени. На открытии экспозиции он призывал войти в эту реку и пройти по ее течению. Это и красиво, и правильно».

«Правый берег» выставки поражает искусной «игрой в народное» и правящего класса Российской империи, будь то форменные или маскарадные костюмы, и талантливых советских модельеров, и современных мастеров иглы и нитки. Главный магнит этой части экспозиции – 11 нарядов того самого знаменитого Костюмированного бала в Зимнем дворце 1903 года. Бал-маскарад был приурочен к 290-й годовщине правле-

Народные и стилизованные костюмы отражаются в витринах друг напротив друга

Костюм из павловопосадских шалей Вячеслава Михайловича Зайцева

ния дома Романовых и стал впечатляющим событием как для участников, так и для потомков. Приглашенные на бал должны были явиться в костюмах времен царя Алексея Михайловича. Над созданием старинных сарафанов и душегрей, летников, кафтанов, шуб работали лучшие художники и портные империи. Император Николай II впоследствии написал в дневнике: «Очень красиво выглядела зала, наполненная древними русскими людьми». Хотя бы отдаленно представить, как это было, можно в Галерее костюма.

Интерпретации народного стиля в советский период представлены на выставке несколькими работами художников Ленинградского дома моделей одежды и костюмами Вячеслава Михайловича Зайцева. За современные трансформации успешно отвечают петербургские модельеры Янис Чамалиди и Стас Лопаткин. Финальный аккорд экспозиции – вязаное платье дизайнера Людмилы Доброхотовой под названием «Одна абсолютно счастливая деревня». Подробно о костюмах, представленных на «правом берегу», мы расскажем в следующей публикации.

Кому-то народный костюм может показаться реликтом давно ушедших эпох, кто-то может считать, что ему нет места в современной жизни. Однако, яркий и явный свидетель прошлого, он вдохновлял и царских особ императорской России, и модельеров Страны Советов и продолжает вдохновлять творцов современности. Народный костюм – неисчерпаемый источник новых идей и новых смыслов.

Экспозиция «Русский стиль: традиции и трансформации» в Галерее костюма Реставрационно-хранительского центра «Старая деревня» Государственного Эрмитажа демонстрирует самобытность и красочность национальных одежд, показывает, что у русского стиля есть традиции, есть преемственность, а значит, есть будущее. ■

Окончание следует.

Костюм с аппликацией в русском стиле художника Ленинградского дома моделей одежды Александры Соколовой

«ВОЛЖСКАЯ ТРЕТЬЯКОВКА»

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЧЕГО МОЖНО ОЖИДАТЬ В ВОЛЖСКОЙ ГЛУБИНКЕ, В ГОРОДКЕ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКЕ, СТАВШЕМ ПРООБРАЗОМ ЗАХОЛУСТНЫХ ВАСЮКОВ? ДЕРЕВЯННЫЕ РЕЗНЫЕ ДОМА, МУЗЕИ БЫТА С МНОЖЕСТВОМ СТАРИННЫХ ПРЕДМЕТОВ... А КАК НАСЧЕТ БОЛЬШОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ С ОРИГИНАЛАМИ АЙВАЗОВСКОГО, МАКОВСКОГО, КОРОВИНА, ФЕШИНА?

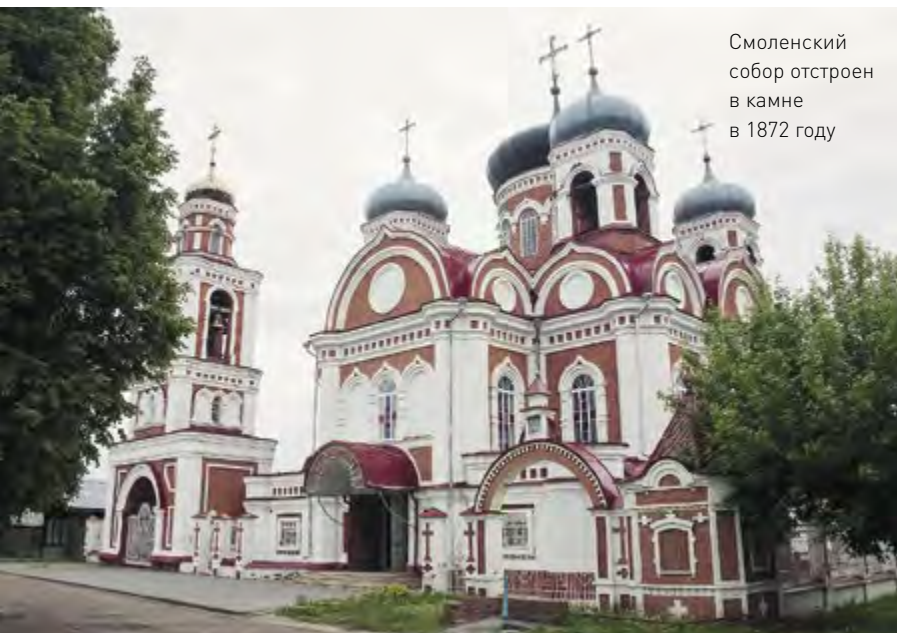
К ОГДА В 1919 ГОДУ В Козьмодемьянске открылась первая картинная галерея, город не был захолустным. Совсем наоборот, Козьмодемьянск или Козьма, как с давних пор по-свойски называют его жители, был крупнейшим городом марийских земель. В 1918 году в Казани организовали передвижную выставку живописи,

которую отправили на пароходе по Волге и Каме с остановками в прибрежных городах. Экспози-

ция состояла из работ 42 художников – всего около ста картин разных стилей, включая авангард. Таким образом организаторы стремились познакомить широкие народные массы с высоким искусством.

Так уж сложилось, что летом 1919 года выставка в Козьмодемьянск приплыла навсегда. Вокруг кипела Гражданская война, и главный распорядитель выставки, казанский художник Павел Александрович Радимов, побоялся везти картины дальше. Поначалу выставка размещалась в женской гимназии

Смоленский собор отстроен в камне в 1872 году

Первый этаж картинной галереи в Смоленском соборе

за 2022 год, статья «Кузьма, Куба и Васюки». – Прим. ред.). Благодаря музею этот храм, едва ли не единственный в городе, уцелел во времена гонений и полностью сохранил исторический вид. Впрочем, внутреннее убранство – новодел. Бросаются в глаза большие марийские символы на полу. Может показаться, что это проявление смешения христианства с марийскими традициями – такое здесь встречается. Ан нет – это наследство музея. Когда в соборе размещался музей, здесь не только пол поменяли, но и второй этаж соорудили – лестница вела под самый купол...

Кстати, сегодня в городе живопись очень популярна. И художников хватает. Вот, например, сразу у пристани располагается мастерская художницы Ольги Таланцевой, которая любит писать полевые травы. А подрастающее поколение живописцев я встретил возле Смоленского собора. Ученики художественной школы на пленэре зарисовывали исторический центр своего родного города.

С 1998 года Художественно-исторический музей с картинной галереей располагается в бывшем доме купца Пономарева. Это самый богатый и крупный дореволюционный особняк в городе. Залы картинной галереи занимают второй этаж. Сотрудница галереи, художница, выпускница Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина Лариса Ивановна Артемьева сначала показала зал, посвященный основателю музея – Александру Григорьеву.

(сейчас в этом здании находится Музей сатиры и юмора им. Остапа Бендера. – Прим. авт.). Популярностью у народа не пользовалась. Как вспоминал Радимов, редко кто заходил на выставку, а те посетители, что появлялись, смотрели на картины мельком и быстро уходили. Выставку было решено свернуть, а холсты передать на хранение в уездный отдел образования. Сам Павел Радимов уехал в расположенное неподалеку село Еласы и организовал при сельской школе художественную студию.

По стечению обстоятельств в это же время в Козьмодемьянск приехал Александр Владимирович Григорьев – местный ху-

дожник, общественный деятель и друг Радимова. Григорьев собирался открыть в городе краеведческий музей. А узнав о картинах в отделе образования, задумался о создании картинной галереи.

Первый краеведческий музей с художественным отделом открылся в Козьмодемьянске в сентябре 1919 года в одном из бывших купеческих особняков. Позднее музей переехал в Смоленский собор. Сегодня этот храм является, пожалуй, архитектурной доминантой Козьмодемьянска. Массивный четверик собора хорошо виден и с теплоходов, проплывающих по Волге, и с «марийских гор» (см.: «Русский мир.ru» №1

Не только галерея – весь Художественно-исторический музей Козьмодемьянска носит имя Александра Григорьева

ПЧЕЛОВОД, ЭСЕР, ЖИВОПИСЕЦ

Жизненный путь Григорьева был непростым. Родился художник 28 мая 1891 года в горно-марийском селе Пертнурь Козьмодемьянского уезда. Сначала он учился на пчеловода в сельскохозяйственной школе, затем поступил в Казанскую учительскую семинарию. К концу обучения активно участвовал в революционном движении, вступил в партию эсеров. Но в итоге жизнь решил посвятить живописи.

После окончания семинарии Александр Григорьев в 1910 году без особых проблем поступил в Казанское художественное училище, преподаватели которого дали Григорьеву рекомендации для поступления в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его Григорьев окончил в 1917 году.

Во время Февральской революции 1917 года он участвовал в штурме Московской городской думы, стал представителем Всероссийского земского союза. В 1918 году вступил в РКП(б), по заданию Союза Григорьев вместе с женой прибыл в Козьмодемьянск за «продовольствием голодающим москвичам». Непонятно, выполнил он задание или нет, но в Москву ему возвращаться не хотелось. Он решил остаться в Козьмодемьянске. Когда передвижная выставка застряла в городе, Григорьев работал заведующим волостным отделом народного образования.

Картин «передвижки» было недостаточно для галереи. И тогда Григорьев взялся за пополнение коллекции. Через своих друзей в Казани он купил и получил в дар несколько картин, а также вытребовал полотна из Центрального хранилища Государственного музейного фонда в Москве. Как утверждает Лариса Ивановна, это был первый художественный музей, открытый в революционной России. Григорьев с соратниками провел огромную работу по преобразению культурного обли-

Портрет Григорьева времен его активного участия в жизни советских живописцев

ка города. Однако в 1920 году, когда образовалась Марийская автономная область, столицей ее был избран не знатный Козьма, а скромный Краснококшайск (бывший Царёвококшайск, с 1928 года – Йошкар-Ола. – Прим. авт.).

Власти Козьмодемьянска выступили против, настаивали на пересмотре решения в выборе столицы. В этом противостоянии активное участие принимал и Григорьев. Конфликт обострился до предела. Дошло

до того, что из Краснококшайска направили вооруженный отряд для ареста «смутьянов». А власти Козьмы приказали своим силам дать вооруженный отпор этому отряду. Закончилось тем, что вмешались центральные органы власти. Из Москвы прибыла комиссия, которая решила наказать участников обеих сторон конфликта. И если прочих сослали в дальние лесхозы, то Александра Григорьева... перевели в Москву, в ЦК партии.

Делегация художников, направляющаяся к Илье Репину в Финляндию. Григорьев – второй справа. 1926 год

МОСКВА – КАРАГАНДА – ТАРУСА

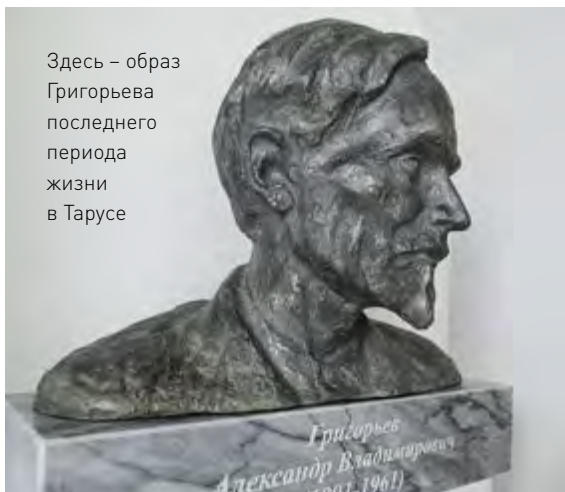
С 1922 года Григорьев занимался вопросами музеев и изобразительного искусства в агитационно-пропагандистском отделе ЦК. Он был одним из основателей и бессменным руководителем Ассоциации художников революционной России (АХРР), а затем и Союза советских художников.

Тогда в изобразительном искусстве шла борьба между реализмом и формализмом. Григорьев помогал художникам обоих лагерей. Он боролся за возможность живописцев свободно творить, участвовать в выставках, получать достойное вознаграждение за труд. Из-за всех этих хлопот и забот у него не оставалось времени на собственное творчество. Первая и единственная персональная выставка Александра Григорьева состоялась в 1935 году в клубе московского завода «Каучук».

Вероятно, из-за слишком широких взглядов на искусство Григорьев попал под репрессии. В 1937 году его арестовали и приговорили к восьми годам лагерей. Срок он отбывал в Казахстане, под Карагандой. Условия там были, видимо, не самые суровые. Григорьев пытался найти хоть какую-то художественную работу. В музее сохранились его

Лариса Ивановна ведет экскурсию очень интересно. Посещение галереи пассажирами одного из волжских круизных пароходов

рисунки тех лет – эскизы карагандинских вывесок с соответствующими призывами: «Повсеместно укреплять производственную дисциплину», «Больше внимания транспорту», «Отличники по названию – отличники по существу». Сюда же затесался колоритный портрет отца Григорьева. В 1946 году художнику позволили вернуться в Центральную Россию и поселиться за 101-м километром от Москвы. Александр Владимирович осел в Тарусе, жил в небольшом деревенском доме. Туда к нему переехала жена Евгения Григорьевна, с которой он не виделся девять лет. С супругой Григорьев сошелся еще во времена учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, Евгения Григорьевна была его спутницей до конца дней. Реабилитировали Григорьева только в 1954 году. Семь лет спустя он умер и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Здесь – образ Григорьева последнего периода жизни в Тарусе

КУПАНИЕ КРАСНОАРМЕЙСКОГО КОНЯ

Работая в Москве, Григорьев не забывал о своей идее создать в Козьмодемьянске «Малую Третьяковку». По возможности отправлял в родной город достойные картины. Возможностей таких у него было немало: помимо прочего Григорьев был членом комиссии по распределению фондов Румянцевского музея, затем занимал должности заместителя директора Третьяковской галереи и заведующего отделом Музея Революции.

Отправлял в Козьмодемьянск не только картины мастеров классицизма. Но и, например, брутальный соцреализм. Большое полотно в духе «Купания красного коня» выделяется в первом зале галереи. Герои картины – обнаженные красноармейцы. Вообще, первый зал галереи – это взрыв красок и эмоций разных стилей. Иное дело следующий за ним зал классицизма.

«Итальянка у колодца» – одна из известных картин музея, – показывает Лариса Ивановна на большом полотне. – Это наследие той самой Волжско-Камской передвижной выставки. Долгое время считалось, что картина написана Карлом Брюлловым. В последние годы искусствоведы склоняются к мнению, что картина принадлежит кисти одного из учеников Брюллова, и предлагают называть работу «У водоема».

Всего из собрания передвижной выставки в музее сохранилось 39 работ 16 художников. О судьбе остальных 60 картин, оставшихся в Козьмодемьянске в 1919 году, мало что известно... Небольшой пейзаж Айвазовского «Лунная ночь на Черном море» находится по соседству с «Итальянкой». В галерею он попал из Румянцевского музея. При распределении московских коллекций Григорьеву удалось направить в Козьмодемьянск более 20 картин и этюдов русских и иностранных художников. Одна из самых интересных – масштабная ра-

Скульптуры в музее выставлено не много, всего несколько произведений

бота «Морской берег» Руфина Судковского. Люди у лодки нарисованы такими «прозрачными», словно это фантомы. «Айвазовский называл Судковского своим соперником, – рассказывает Лариса Ивановна, – и считал, что в ближайшем будущем Руфин Гаврилович будет писать лучше, чем он. Но в 34 года Судковский заболел тифом и умер...».

Константин Маковский. Цыганка. Одна из первых картин галереи, наследство передвижной выставки

А холст «Дама в голубом» – один из самых любимых портретов у посетителей. И у этой картины кисти немецкого живописца Эмиля Рау весьма любопытная история. Хранилась она, по всей видимости, в Дрездене.

После победы в Великой Отечественной войне житель одной из местных деревень, простой рядовой, вывез ее оттуда. Каким образом он смог вывезти такое большое полотно – неизвестно. Скорее всего, его очень впечатлил этот образ: проникновенный взгляд, изящная фигура, цвет глаз, гармонирующий с цветом платья. Трофейную картину солдат прятал в избе всю жизнь, только лишь изредка любовался ею. А после смерти поклонника «Дамы в голубом» его жена передала картину музею за символическую сумму.

«А вот совершенно иной женский образ, – продолжает рассказывать Лариса Ивановна. – Это «Цыганка» кисти Константина Маковского. В середине 1870-х годов художник путешествовал по Египту, делал эскизы, собирал типажи. Эта цыганочка ему приглянулась. По татуировкам на лице и руках можно понять, из какой местности девушка и какого она рода. А почему у нее такие грустные глаза, мы можем только гадать – может быть, ее насильно выдали замуж?»

Эмиль Рау. Дама в голубом. Вторая половина XIX века

ОТ КЛЕВЕРА ДО КАНДИНСКОГО

В середине зала классицизма выставлена замечательная скульптура Саломеи с головой Иоанна Крестителя на блюде. Скульптор Екатерина Прохорова изобразила Саломею смущенной, осознавшей, что она наделала. Голову Крестителя Екатерина Ивановна лепила со своего второго мужа – он позировал ей в профиль.

В этом же зале находится работа одного из самых коммерчески успешных художников Российской империи – Юлия Клевера. Это классический клеверовский «Романтический пейзаж»: рогатые сосны, избушка почти из сказки, еще не замерзшая зимняя речка.

«Клевер подавал большие надежды еще будучи студентом, – говорит Лариса Артемьева. – Кстати, широкие рамы с лепниной для своих картин он делал сам. В 1876 году его картину «Березовый лес» заметил и купил император Александр II. В один день Клевер стал известным художником. Многие из окружения царя тоже захотели иметь работы живописца. До того дошло, что Клевер не мог

успевать выполнять вовремя заказы, пришлось ему нанять подмастерьев. На живописи Клевер заработал хорошее состояние. Клевер остался популярен и после революции, в 1920-е годы нэпманы гонялись за его работами, платили за них большие деньги».

В следующем зале привлекают внимание работы Николая Фешина. «Импрессионизм Фешина для нас почти родной, – замечает Лариса Ивановна. – Николай Фешин был учителем Григорьева в Казанском училище. У нас

Характерная работа Константина Коровина на народную тему. Интересна здесь и рама в стиле модерн

Василий Кандинский. Абстрактная импровизация

в экспозиции несколько работ этого замечательного художника. Фешин писал эмоционально, прорисовывал лица, руки, фигуры, а остальное писал большими мазками. В 1923 году Григорьев помог Фешину выехать в Нью-Йорк – вторую половину жизни художник провел в США и Мексике. Там занимался в основном портретами, писал голливудских актрис, русских артистов-эмигрантов».

Еще одна из интересных импрессионистских работ – «Улица в Париже», написанная в 1910 году Арнольдом Лаховским. В 2016 году она участвовала в выставке картин Лаховского в московском Музее русского импрессионизма. Ее репродукция украсила афишу и буклет выставки.

«Невозможно пройти мимо работы Василия Кандинского, стоявшего у истоков абстракционизма, – продолжает экскурсию Лариса Артемьева. – Кандинский решил стать художником в 30-летнем возрасте, после того как побывал в 1896 году на выставке импрессионистов, где его особенно впечатлила картина Клода Моне «Сток сена». Кандинский оставил успешную научную карьеру и уехал в Германию учиться живописи. Его абстрактные образы многогранны и противоречивы. Одной из идей Кандинского было синтезировать в живописи театр и музыку. Эта картина называется «Импровизация №1», присмотритесь, здесь видится танцующий человек».

Честно говоря, сколько я ни присматривался, танцующего человека на картине не увидел. Скорее, изображение напоминало многолюдное шествие со знаменами...

Весной, летом и осенью посетителей в галерее хватает. В Козьмодемьянске останавливается едва ли не каждое круизное судно, курсирующее между Нижним Новгородом и Чебоксарами. И трудно не заметить, что существование в городке «Малой Третьяковки» становится для туристов большим сюрпризом. ❀

«БОГ ХРАНИТ ВСЕ»

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА КАРТЕ МОСКВЫ В СКРОМНОМ ЗЕЛЕНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ, ЗАЖАТОМ ДВУМЯ ЖЕЛЕЗНЫМИ ДОРОГАМИ И УЛИЦЕЙ, ТРУДНО РАСПОЗНАТЬ ИЗЫСКАННУЮ ЗАГОРОДНУЮ УСАДЬБУ XVIII ВЕКА. ВРЕМЯ ПОЧТИ НЕ ТРОНУЛО ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ПОЗВОЛЯЮЩЕЕ ТОЧНО ПО ВОЛШЕБСТВУ ПЕРЕМЕСТИТЬСЯ НА ТРИ СТОЛЕТИЯ НАЗАД.

Е СЛИ ВЗГЛЯНУТЬ НА современное Кусково с высоты полета птицы или дрона, оно раскинется перед нами во всей красе: ухоженные газоны, узоры цветников, аллеи шарообразных лип, симметричные дымчато-розовые дорожки, набережная вдоль Большого Дворцового пруда. Взгляд непременно задержится на

дворце цвета «утренней зари» с рядом стройных колонн и широкой лестницей со сфинксами на пандусах. А дальше – стеклянная легкость Большой оранжереи, охристая вертикаль колокольни, изумрудный купол «Грота», пряничные домики Менажерей – всего около десятка построек одной из самых богатых усадеб в окрестностях Москвы.

ПЕРВЫЙ ГРАФ

Как свидетельствуют архивы, село Кусково с XVI века числится собственностью Шереметевых. Как и Романовы, этот древний род вел свое происхождение от московского боярина Андрея Кобылы – первого исторически достоверного предка царской династии.

В 1715 году усадьбу Кусково купил у своего младшего брата сподвижник Петра I Борис Петрович Шереметев. Воевода и тамбовский наместник, участник первого Азовского похода и Северной войны, он командовал армией в Полтавской битве, возглавлял осаду Риги и за заслуги получил орден Андрея Первозванного. А в 1706 году он первым в России стал обладателем наследственного титула графа. В Кусково – загородный дом к востоку от Москвы – Борис Пет-

рович приезжал, чтобы развлечься охотой. Его сын, Петр Борисович Шереметев, получил Кусково в 1719 году – после смерти отца. Землями по соседству владел тогда князь Алексей Михайлович Черкасский – один из богатейших помещиков России. На его единственной дочери – богатой наследнице Варваре Алексеевне – и женился Петр Шереметев.

«Музей-усадьба «Кусково» – знаковое место для русской культуры XVIII века. Это не просто дом богатого вельможи, куда он прибывает летом насладиться природой. Назначение усадьбы иное – быть загородным увеселительным домом, русской развлекательной усадьбой XVIII века, – говорит заместитель директора музея по научной работе Людмила Венадьевна Сягаева. – И Дворец, и парк, и павильоны предназначались не столько для услаждения самого владельца, сколько для удивления тех, кто «не выдывал подобного». Такие усадьбы были весьма распространены

в XVIII веке. Они соперничали друг с другом за внимание публики, за право «вознестись на вершину Парнаса». Шереметевскому Кускову это удалось.

Поместье тогда находилось в 7 верстах от города, и о происходивших здесь празднествах сообщали доски с объявлениями, висевшие на верстовых столбах вдоль дороги. В объявлениях говорилось: «В селе Кусково распоряджено на сие лето и осень гуляние всем кому угодно оным пользоваться по воскресеньям и четвергам». В эти дни двери

Лабиринт.
Реконструкция
по чертежам
XVIII века

Аллея
кусковского
парка

усадьбы открывались для всех, кто был прилично одет и соблюдал правила поведения. Специальное распоряжение гласило: «Гуляльщиков в сад пускать, однако следить, чтобы ничего не портили, не ломали, и всех, кто затевал драки, высылать вон».

Шереметевские театрализованные праздники устраивались по подробно расписанному сценарию. Начиналась встреча с торжественного водосвятия в местном храме Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (Всемилоуистового Спаса). Затем гости шли к Большому Дворцовому пруду, где разыгрывались потешные морские бои: «пираты» обстреливали фальшивыми ядрами превратившийся в «крепость» остров. После все проходили в сад, где гостей встречал роговой оркестр – «живой орган»: каждый музыкант выдувал в рог всего одну ноту, но вместе они создавали огромный музыкальный инструмент, звуки которого приводили слушателей в восторг.

ПОЛЕЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Еще одна затея, придуманная Шереметевым для гостей, – посещение дальних стран. Не бывавший за границей Петр Борисович, как всякий образованный человек XVIII века, знал и понимал культуру европейских стран и предполагал, что подобное «путешествие» будет интересно и полезно его гостям. Не покидая Кускова, можно было побывать в «Голландии», «Италии» и «Франции»: все три садовых павильона усадьбы отражали архитектуру, вкусы и быт той или иной страны.

Расписанный «под кирпич» Голландский домик демонстрирует типичную для Нидерландов XVII века архитектуру со ступенчатым фронтоном. Посетив его, можно было узнать, как устроено голландское жилище, какие картины полагалось в нем развешивать, как выглядела знаменитая бело-голубая голландская плитка – ею были выложены стены комнат, причем в каждой был свой вид изразцов. Рядом с домом была устроена ферма-ме-

Голландский домик. 1749 год.
Неизвестный архитектор

Большой пруд и бывший потешный остров-«крепость»

терея, где разводили голландских коров. Их доили, взбивали масло и варили сыры, а затем угощали гостей на обедах в Голландском домике. Там же жил декоративный «голландец» – дворовый человек в голландском костюме. Он ходил с удочками на берег Голландского пруда, соединявшегося с Большим Дворцовым прудом небольшим каналом, и удил ручных карпов, которые приплывали кормиться на звон его колокольчика. Посетив «Голландию», гости направлялись в расположившу-

юся по соседству «Италию». Итальянский архитектурный ансамбль окружал небольшой пруд рокайльной формы – почти квадратный с полукруглыми углами. К нему вела липовая аллея, выведившая к четырем павильонам с расходящимися веером дорожками. В этих миниатюрных дворцах жили водоплавающие птицы Большого Дворцового пруда – гуси, лебеди, птицы-пеликаны – именно так их тогда называли. Сам же Итальянский домик представлял собой небольшой дворец для приемов, наполненный произведениями искусства.

В «итальянский» архитектурный комплекс входит и гордость Кускова – «Грот», который любезный хозяин усадьбы предоставлял в распоряжение гостей в летние жаркие дни, когда было особенно приятно наслаждаться прохладой и любоваться изощренной красотой этого павильона. Образ воды отразился в самой архитектуре здания. С его шпиля сбегает металлический «фонтанчик». «Струи» текут

«Грот» в Кускове – единственный сохранившийся в России павильон XVIII века с ракушечным убранством. Его автора – крепостного архитектора Федора Семеновича Аргунова, который построил в Кускове еще и кухонный флигель, и Каменную оранжерею, – вдохновил «Грот» в Царском Селе. Как и императорский павильон, «Грот» в Кускове разделен на два кабинета и центральный купольный зал, но его создатель довел свое творение до совершенства.

Центральный купольный зал «Грота» выкрашен под мрамор в зеленых и розоватых тонах. В XVIII веке окна павильона были затянуты зеленой тканью, свет из них создавал на полу «пещеры» иллюзию прозрачной воды. Усиливали это впечатление вмонтированные в стены стеклянные и зеркальные фрагменты, отражавшие солнечный свет. Кабинеты «Грота» украшали морские и речные раковины. Южный кабинет был выполнен в теплой гамме южных морей. Холодные северные моря поделились своей гаммой красок с Северным кабинетом. Интерьеры «Грота» создавались немецким «гротических дел мастером» Иоганном Фохтом, который использовал для украшения помещений 24 вида раковин, собранных в Средиземном и Черном морях, Индийском, Атлантическом и Тихом океанах. Туррителла обыкновенная, «пеликанья нога», «морское ухо», перловица живописная и другие моллюски дарили «Гроту» свою экзотическую красоту.

Кабинеты «Грота» использовались для торжественных застолий важных гостей. В августе 1775 года Петр Борисович Шереметев принимал в Кускове императрицу Екатерину II, приехавшую на празднование годовщины Кючук-Кайнарджийского мирного договора. А в мае 1886 года в этом же павильоне Сергей Дмитриевич Шереметев, правнук устроителя усадьбы, угощал императора Александра III.

по куполу, «вода» застывает белоснежными каскадами муфтированных колонн. А навстречу этим потокам по решеткам окон и дверей ползут золотые стебли растений, выкованных шереметевскими крепостными из волжского села Павлово. Но главное богатство «Грота» скрывается внутри. Его пространство

и вправду напоминает пещеру, скрытую водными струями, – сводчатые потолки и песочно-го цвета стены украшают сотни морских раковин, колонны превратились в заросли водорослей, под потолками устроились морские птицы, на стенах раскрыли свои бутоны водяные лилии.

Ракушечное убранство «Грота». 1761–1775 годы. Мастер Иоганн Фохт

Павильон «Грот». 1756–1761 годы. Архитектор Ф.С. Аргунов

ОПТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ И ПОРТРЕТЫ МАЛИНОВОЙ ГОСТИНОЙ

Центр всей усадьбы – Дворец. Уникальность Главного дворца в Кускове в том, что, построенный из дерева в стиле раннего русского классицизма, он никогда не подвергался перестройкам и капитальным ремонтам. Точечные косметические ремонты позволили зданию дожить до сегодняшнего дня в полной сохранности.

Заходим в парадные сени и попадаем в театральную декорацию. XVIII век – век театра, а значит, иллюзорности и декораций. Так что, войдя в деревянное здание, гости неожиданно оказывались в... мраморном вестибюле. И только присмотревшись, обнаруживали, что перед ними – искусно расписанные под камень деревянные стены.

Наверху между полуколоннами – античные барельефы. Но и это обманка: впечатление объемной скульптуры создает живопись в технике гризайль. Роскошные яшмовые с бронзовым декором вазы при ближайшем рассмотрении оказываются раскрашенным алебастром с гирляндами из папье-маше. Выбор материалов для отделки дворца неслучаен. Шереметев использовал алебастр и папье-маше не потому, что был беден, просто тогда ценилась не дороговизна отделки, а мастерство человеческих рук, способное обмануть глаз зрителя.

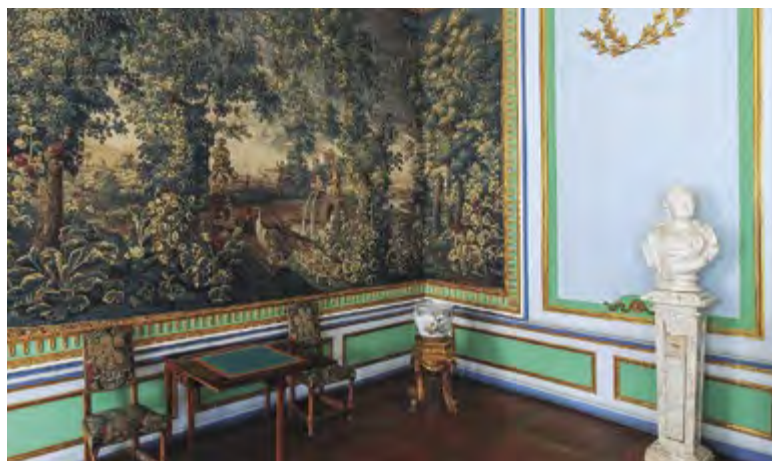
Стены гостиных украшали фламандские шпалеры конца XVII века. Шпалера – это безворсовый ковер с сюжетной или орнаментной композицией. Его ткали вручную перекрестным переплетением шелковых и шерстяных нитей, которое образовывало характерные для шпалеры рубчики. Во время войны 1812 года в Кускове стояли войска наполеоновского маршала Нея. Сам Дворец, к счастью, пострадал не сильно, но со стен были содраны лионские ткани и часть шпалер. Однако сохранившиеся шпалеры дают представление об этом трудоемком и изысканном ремесле. На тканых картинах При-

Сфинксы дворцового пандуса

хожей гостиной бродят павлины, журчат источники, клонятся к земле виноградные гроздья. В Шпалерной гостиной можно наблюдать редкий прием: для шпалеры не хватило простенка и ее, чтобы сохранить полностью, перевели с одной стены на другую, предварительно убрав из угла камин. Таким образом, гостиную проектировали специально под шпалеру, которую ни загнуть, ни обрезать не приходило в голову: шпалеры были чрезвычайно дорогими.

Шпалерная гостиная Дворца. Шпалера «вердюра». Фландрия. XVII век

Малиновая гостиная получила свое название по цвету стен, обтянутых шелком карминного цвета – такой оттенок получали за счет окрашивания ткани краской, добываемой из самок кошенили. На малиновых шпалерах висят портреты в овальных позолоченных рамах. Знаменитое изображение Екатерины II – копия XVIII века с оригинала Федора Рокотова – напоминает о неоднократных визитах императрицы в Кусково. Здесь же портреты великокняжеской четы, Павла Петровича и Марии Федоровны, работы Дмитрия Левицкого. А портрет императрицы Елизаветы Петровны подсказывает, что отчасти именно она была «виновницей» того, что свою любимую летнюю резиденцию Петр Борисович устроил именно в Кускове, потратив небольшие средства на осушение топкого участка. Ведь резиденция императрицы была неподалеку – в селении Перово. Елизавета Петровна не раз запросто, соседски приезжала в Кусково.

На соседней стене висит огромный портрет самого владельца усадьбы работы Николая Бенджамена Делапьера. Полотно свидетельствует о том, что Петр Борисович страдал косоглазием. Малиновую гостиную сменяет выполненная в зеленой гамме роскошная Парадная спальня. Традиция таких спален восходила к версальскому дворцу Людовика XIV. В Парадной спальне создавался интерьер, демонстрировавший статус владельца. После Парадной спальни гости

Перед нами – картины одной из самых крупных в России коллекций живописных обманок, популярных в XVIII веке. К примеру, зрителя пытались заставить согнать с полочки «книгу» – настолько правдоподобно эти детали были написаны.

А на стене Вседневной опочивальни висит один из самых известных детских портретов XVIII века работы Ивана Аргунова – «Портрет калмычки Аннушки». Если при Петре I было модно брать на воспитание арапчат, то при Екатерине II появилась мода на маленьких калмыков. Российская власть поддерживала связь с калмыцкими ханами, воспитывая их детей в дворянских семьях. Вот и у Шереметевых была любимая воспитанница – Аннушка. Ей дали прекрасное образование и выгодно выдали замуж.

Полотно для предваряющей Танцевальный зал Картинной галереи подбирали, скорее, по «размеру, цвету и пристойности», используя шпалерную развеску. Классическую шпалерную развеску, когда картины полностью покрывают стену, можно увидеть в Петербурге. В Кускове же использована так называемая московская «шпалерная с воздухом», при которой между картинами остается пространство.

Прогулку по Дворцу завершает Танцевальный зал – самый просторный и торжественный. Из-за французских – от пола до потолка – окон зал заливают дневной свет. Белые стены украшали позолоченные барельефы и гирлянды. Большие зеркала, в которые когда-то смотрелись Екатерина II, князь Потемкин, австрийский император Иосиф II, русские сановники и иностранные посланники, увеличивали пространство. Фигурные канделябры у каминов, хрустальные люстры, ряды золоченых геридонов – Танцевальный зал был роскошен.

попадали в Кабинет. Деревянные панели, которыми обита комната, до сих пор хранят 114 маленьких заплаток. В XVIII веке на месте этих заплат прямо в стены были врезаны небольшие картины, написанные сухой пастелью. Однако в 1787 году Петр Борисович пожелал перенести их в Дом уединения – жилой дом усадьбы.

ФАЛЬШИВАЯ МУХА И ПОРТРЕТ АННУШКИ

Однако в Кабинете висят другие картины. Они кажутся одновременно и простыми, и странными. На них – фрагмент отделанной деревом стены Кабинета и обычные предметы: ножницы, листы бумаги, перья, книги на полках.

Танцевальный зал Дворца. Живописный плафон «Слава рода Шереметевых». Художник Луи Лагрене Старший. 1760–1761 годы

Малиновая гостиная Дворца. Портреты Екатерины II, великого князя Павла Петровича и великой княгини Марии Федоровны

СКУЛЬПТУРЫ-ЗАГАДКИ И КАРТОННЫЕ ДАМЫ

Кусково имело славу подмосковного Версаля. Родственник Шереметевых, поэт Иван Долгорукий, писал: «Кусково было всем запасно, – проси хоть птичьего молока». Здесь можно было любоваться живописью и архитектурой, послушать музыку, потанцевать, а при желании – поупражнять ум, разгадывая загадки парковой архитектуры. Кто такой Витрувий? Как изображена Азия? Почему скульптура называется «Терпение»? Гостям предстояло отыскать ответы на эти каверзные вопросы. Мраморные скульптуры не просто украшали парк. Шереметев следовал традиции «гимнастики для ума», заложенной Петром I. Создавая свой Летний сад, российский император настаивал: «Я хочу, чтобы те, кои приходили в сей сад, могли в оном при удовольствии своем получать еще некое поучительное наставление». Человеку XVIII века предписывалось быть образованным, чтобы по кадуцею и крыльям опознать Меркурия, по шлему и копыту – Марса,

Большая
Каменная
оранжерея.
1763 год.
Архитектор
Ф.С. Аргунов

Парковая
скульптура.
Италия. XVIII век

а также понять символическое значение скульптур «Красноречие» или «Архитектура». Прекрасные образчики топиарного искусства – зеленые скульптуры из бука, тиса, поморанца, лимонных и апельсиновых деревьев, подстриженные в виде человеческих фигур, зверей, птиц, шаров и пирамид, – зимой хранили в Большой Каменной оранжерее, а летом выставляли в партер регулярного сада. В XVIII веке дорожки в парке посыпали битым стеклом, крошкой гранита и песком. В Кускове до сих пор сохраняют эту комбинацию материалов, потому под ярким солнцем

дорожки усадьбы искрятся, будто усыпанные алмазной крошкой. От Главного дворца дорожки ведут в центральную часть усадьбы – партер французского парка. В переводе с французского «партер» значит «на земле». Это зал под открытым небом с цветниками и газонами. Классический французский парк можно определить по пяти признакам: геометрическая планировка, партер, стриженная зелень, скульптура, парковые павильоны. Все они присутствуют в Кускове. К сожалению, сегодня парк не может похвалиться обилием образцов топиарного искусства – это очень дорогой и сложный в хранении вид зеленой архитектуры. Но ягодные тисы в кадках, которые стояли здесь в XVIII веке, по-прежнему встречают гостей. Помимо скульптур-загадок парк был полон и другими затеями. В аллеях были установлены садовые обманки – вырезанные из картона и расписанные фигуры кавалеров и дам. В сумерках или в тени деревьев их можно было легко принять за человека. Подвыпивший кавалер мог

раскланяться с картонной дамой и потом долго потешаться над своей ошибкой. Еще больший конфуз ждал тех, кто пытался поздороваться сам с собою – в аллеях часто были замаскированы зеркала.

Партер парка также украшают два памятных знака – обелиск перед Дворцом и колонна перед Большой Каменной оранжереей. Оба памятника были установлены в честь пребывания здесь Екатерины II. Один в 1785 году, когда императрица обедала в «Гроте», другой в 1787-м, когда она посещала Кусково в рамках торжеств по случаю 25-летия ее правления. В глубине парка, напротив Голландского павильона, расположен французский павильон «Эрмитаж», который также был начинен обманками. С первого этажа на второй гостей доставлял подъемный механизм в виде дивана-канопе, приводимый в движение вручную. На второй этаж слуг не допускали – общение в «Эрмитаже» не предполагало чужих ушей. Павильон был оснащен столом на 16 персон. Когда приходило время обеда, гости звонили в колокольчик, в полу открывался люк и оттуда поднимался накрытый к трапезе стол. На столе под каждым блюдом стояла деревянная тарелка, соединенная с собственной шахтой. В шахту можно было опустить записку с названием блюда. Тарелка опускалась и поднималась уже с заказом. К сожалению, к концу XVIII века эта «игрушка» сломалась и была заброшена.

ИСТОРИЯ В ПОРТРЕТАХ

Создание портретных галерей было распространенной практикой в XVIII веке. Обычно владельцы усадеб создавали галереи своих предков. А Петр Борисович решил составить галерею славных лиц России и Европы.

Под эту галерею Шереметев отвел специально выстроенное здание за Оранжереей, однако в 1814 году оно было разобрано из-за ветхости. Сотрудникам музея потребовались годы,

Обелиск
в честь приезда
Екатерины II.
1786 год

чтобы выявить все относящиеся к галерее портреты, отреставрировать их и убедиться, что из 128 портретов, принадлежавших Шереметевым, сохранилось 120. Это означало, что коллекция картин дошла до нашего времени практически полностью.

Западное крыло Портретной галереи изначально было отведено выдающимся деятелям Западной Европы – европейским королям, знати, военачальникам. Восточный кабинет предназначался для русских государственных деятелей. В большом центральном зале висели портреты русских царей и императоров. В Галерее, которая занимает теперь часть Каменной оранжереи, этот подход постарались по возможности сохранить.

Здесь находятся и портреты представителей родов Шереметевых и Черкасских. Но портрет Алексея Михайловича Черкасского здесь не потому, что он был тестем Петра Борисовича, а потому, что он – кабинет-министр императрицы Елизаветы Петровны. Рядом висят портреты генерал-фельдмаршала Степана Апраксина, графа Петра Толстого, дипломата Андрея Матвеева, генерал-прокурора Сената Павла Ягужинского. Прогулявшись по Портретной галерее, можно увидеть, как выглядели те, на ком держалось в то время настоящее и будущее России – свою миссию зафиксировать историю страны в лицах Петр Борисович Шереметев выполнил с честью.

«Мне кажется, он создавал Галерею, проецируя ее на себя, задавая себе вопрос: «Где мое место в этом ряду? Среди кого я бы хотел оказаться?» Мы позволили себе повесить его портрет при входе в Галерею, потому что именно благодаря ему дошел до нас этот срез не только российской, но и западноевропейской истории», – объясняет Людмила Сягаева.

В Галерее есть как друзья России, так и ее соперники, и во-

Павильон
«Эрмитаж».
1765–1767 годы.
Неизвестный
архитектор

крут каждого портрета можно развернуть отдельный сюжет российской истории. Например, Семилетняя война: восемь ее участников представлены в Галерее, по ним можно выстроить хронологию противостояния. В Галерее есть портреты персон, которые в России можно увидеть только в Кускове. Например, португальские монархи Мария I и Педро III. Здесь же портреты королей Франции, Италии, Испании...

«ХРАМ ДОБРОДЕЛИ ДУША ЕЕ БЫЛА»

В покоях сына Петра Борисовича, Николая Петровича Шереметева, располагается выставка, посвященная Прасковье Ивановне Жемчуговой. Крепостная крестьянка стала великой русской актрисой и графиней Шереметевой.

В Кускове хранится самое большое количество изображений и вещей Прасковьи Ивановны. В том числе и ее знаменитый портрет в полосатом халате. Художнику Ивану Аргунову надо было создать исторический документ: брак Прасковьи Жемчуговой и Николая Шереметева был тайным, нужно было доказать рождение законного наследника, и живописец пишет Прасковью Ивановну на последних сроках беременности, чтобы подтвердить права будущего ребенка на титул Шереметевых.

Но место, больше всего связанное в Кускове с именем Прасковьи Жемчуговой, безусловно, Воздушный театр. Это была одна из главных кусковских приманок. Театральная труппа Шереметевых соперничала с труппами московских театров. Славу кусковскому театру принесла Прасковья Жемчугова. Она поразила Николая Петровича драматическим талантом и уникальным голосом – колоратурным сопрано невероятного диапазона. В Кускове Прасковья Ивановна пела свои первые арии, здесь спектакли с ее участием смотрел Екатерина II, в знак вос-

Портретная галерея усадьбы Кусково – одно из ценнейших отечественных собраний портретной живописи XVIII века

хищения актрисой подарившая Жемчуговой перстень.

Но брак дворянина с крепостной крестьянкой по меркам XVIII века был чем-то запретным. На богатейшего жениха России имели виды самые знатные невесты двух российских столиц, императрица Екатерина II сватала ему своих фрейлин. Однако Николай Петрович выбрал Прасковью. Об-

венчалась пара в 1801 году в московской церкви Симеона Столпника, что в районе нынешнего Нового Арбата. «Трудно сейчас сказать, кто настоял на том, чтобы их венчание и брак были тайными. Обвиняют Николая Петровича: дескать, он был недостаточно смел, чтобы признаться в этих отношениях свету. Но мне кажется, на непубличности их отношений

Предметы фарфора и керамики из собрания музея

настояла именно Прасковья, – считает Людмила Венадьевна. – Она прекрасно понимала, что они станут изгоями, их не примут ни в одном доме. Или примут его, графа, но не примут ее. Кто знает, возможно, чтобы не обречь себя на такую жизнь, Прасковья могла принять такое решение».

Обвенчавшись с графом, Прасковья Ивановна, давно получившая вольную, жила в Большом Фонтанном доме Шереметевых в Петербурге. На сцену она больше не выходила. Все вокруг догадывались о том, что произошло, но, пока соблюдалась внешние приличия, Николай Петровича принимали при дворе. Однако тяжелая болезнь Прасковьи Ивановны после рождения сына подвигла Николая Петровича легализовать брак. Появился кровный наследник, а за наследство Шереметевых уже давно шла нешуточная борьба. Тогда Николай Петрович решил написать письмо императору Александру I с просьбой признать брак. Понимая, что Прасковья Ивановна умирает и уже не может

быть опасной для репутации графского рода, Александр I дал согласие. Хоронили Прасковью как графиню Шереметеву. Семнадцать лет она была женой Николая Петровича и только один день – графиней.

Памятником Прасковье Ивановне стал учрежденный супругами Странноприимный дом на Сухаревке, который москвичи знают сегодня как Институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. Первый параграф устава Странноприимного дома гласил: «Оказывать помощь бедным и убогим, не спрашивая роду и племени»...

Картинная
кусковского
Дворца

Герб рода
Шереметевых.
XVIII век

В 1918 году последний владелец усадьбы, Сергей Дмитриевич Шереметев, пишет письмо наркому просвещения Анатолию Луначарскому с просьбой открыть в Кускове музей и сам передает усадьбу государству, понимая, что в противном случае она будет разграблена. Наряду с Останкином и Архангельским Кусково становится в 1919 году музеем-усадьбой Москвы. В том же году Сергей Дмитриевич умер от гангрены...

Сегодня в музее хранят порядок, заведенный в усадьбе Шереметевыми. Дворец не отапливается и не освещается, как это было в XVIII веке. И если вы придете в музей зимой, то заметите, что после трех часов дня музейные залы начинает скрывать темнота, а в выставочных помещениях дворца слишком прохладно.

Неизменность традиций, которую по мере возможностей старались сохранить любившие Кусково люди, позволила усадьбе прожить три заслуженных века. И хранит ее до сих пор. И как тут не вспомнить девиз на гербе графов Шереметевых: Deus conservat omnia – «Бог хранит все»...

ИСТОРИЯ В КУКОЛЬНОМ МАСШТАБЕ

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ДОМЕ ЛЮДМИЛЫ МЕРТЕШОВОЙ ИЗ РЯЗАНСКОГО СЕЛА ПОД НАЗВАНИЕМ «ЗАВИДНОЕ» ОЧЕНЬ КРАСИВО И УЮТНО – СРАЗУ ВИДНО РУКУ ХОРОШЕЙ ХОЗЯЙКИ. НО ЕСТЬ В ЭТОМ ДОМЕ НЕОБЫЧНАЯ ДЕТАЛЬ, КОТОРАЯ СРАЗУ БРОСАЕТСЯ В ГЛАЗА: В ВИТРИНАХ СЕРВАНТОВ, ГДЕ ПРИНЯТО ДЕРЖАТЬ ПОСУДУ, У ЛЮДМИЛЫ РАЗМЕЩАЮТСЯ... КУКЛЫ. НАСТОЯЩАЯ ВЫСТАВКА КУКОЛ РАЗНЫХ РАЗМЕРОВ И ВИДОВ. И НА КАЖДОЙ – УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАРЯД. ТАКОЕ УЖ НЕОБЫЧНОЕ У ХОЗЯЙКИ ХОББИ: ОНА ШЬЕТ ДЛЯ КУКОЛ НАРЯДНЫЕ НАРОДНЫЕ КОСТЮМЫ.

ПРИЧЕМ КОСТЮМЫ эти исторически выверенные, мастерица воспроизводит наряды такими, какими их носили в прошлом жители разных уголков нашей страны. Рукодельница старается сохранить все детали. Только масштабы, конечно, другие. Кукольные.

Руки у Людмилы Мертешовой золотые: трудно найти вид рукоделия, который был бы им неподвластен. В ее доме можно увидеть вышитые картины и подушки, глиняные игрушки, сплетенные из бисера деревья, собранные из разноцветных лоскутков одеяла... Двор украшает сделанный из пластиковых бутылок павлин, а сама рукодельница встречает нас в роскошном народном костюме, сшитом и украшенном, естественно, ею самой.

«Я очень люблю рукоделие, – признается Людмила. – Особенно близки мне традиционные русские орнаменты, много их видела в детстве, наверное, все впитывалось, запоминалось». А запоминать было что. Бабушка и мама завидновской мастерицы тоже были отменными рукодельницами. Согласно семейной легенде, одна из бабушек, Стефанида, еще девочкой ходила в мастерскую барыни Нарышкиной, где училась рукоделию. А мамино приданое было предметом детского восторга маленькой Люды: искусно вышитые подзоры и полотенца всегда украшали дом по праздникам. «Меня эти узоры просто завораживали», – признается Людмила. Заворожили они настолько, что Людмила стала достойной наследницей фамильного мастерства. Кстати, дочке Людмилы, Кате, увлечение рукоделием тоже передалось, она смело берется за сложные узоры для вышивки, причем выполняет их миниатюрными крестиками. Много лет Людмила Мертешова проработала старшим научным сотрудником в Желанновском краеведческом музее – Желанное и Завидное стоят совсем рядом, два села практически перетекают одно в другое. Музей в Желан-

Глядя на кукол из коллекции Людмилы Мертешовой, никогда не подумаешь, что многих из этих красавиц мастерице пришлось «реанимировать»

ном яркий и необычный, такой редко встретишь в отдаленной провинции. Почти четверть века Людмила посвятила музею. Когда пришла работать в музей, поняла, что без образования не обойтись. Мертешова поступила в Шацкое училище культуры, потом окончила в Рязани филиал Московского института культуры. Работу свою любила и относилась к ней со свойственным ей творческим подходом. Но недавняя пандемия многое изменила в привычках людей, вмешалась она и в жизнь Людмилы Ивановны: обстоятельства сложились так, что пришлось оставить любимую работу. Когда она говорит об этом, то заметно расстраивается. Хотя трудно представить, как она успевала что-то мастерить. Работа, учеба, двое детей, дом, подсобное хозяйство...

Когда Людмила рассказывает о творчестве, то сама как будто немного удивляется: дело кропотливое, требующее терпения, времени и сил, зачем она с этим возится? И хотя ответа на этот вопрос у нее нет, Людмила про-

должает мастерить. «Задумка наряжать кукол появилась давно, да все никак не получалось воплотить ее в жизнь, – объясняет Людмила. – А тут как-то в нашем музее проходила выставка знаменитого собирателя народного костюма Сергея Глебушкина. Она и подтолкнула меня к действию. Уж очень захотелось смастерить такие же костюмы, как в его коллекции».

Кстати, Глебушкин родом из Шацкого района, его родное село Выша находится совсем недалеко от Завидного и Желанного. «Когда коллекция Сергея Анатольевича выставлялась в нашем музее, я оценила всю прелесть народного костюма. Наряжаешь манекен, держишь костюм, а он настоящий, тяжелый, – вспоминает Людмила. – Это непередаваемое ощущение. Сергей Анатольевич собирает подлинные костюмы. В его коллекции уже более 300 полных комплексов. Он подарил сотрудникам нашего музея книги. По образцам из его книги я и начала шить костюмы для кукол».

СКРЫТЫЕ ШИФРЫ НАРОДНОГО КОСТЮМА

«Вот у этого наряда очень интересный головной убор, – показывает мастерица куклу в костюме Чаплыгинского района Липецкой области. – Он делается как шлык, внизу прорези, здесь вставляются завязки, чтобы он не соскакивал». Вышивка на «шлыке» сделана точно такая же, как на оригинале, а разноцветное украшение рукодельница собирала из ниточек – нарезала мулине и нашивала. «Я посмотрела, в настоящем костюме все сделано почти так же, – объясняет Людмила. – Попыталась воспроизвести все так, как было в подлинном одеянии». Наряды кукол соответствуют настоящим костюмам – такие же орнаменты, украшения и декор. «Вот это тоже липецкий костюм, – продолжает экскурсию по своей выставке Людмила. – В костюмах этой губернии есть особенность – кофты, которые женщины носили с юбкой». Мастерица изучила особенности не только самих костюмов,

Людмиле интересно все, что касается рукоделия – в ее творческой биографии был период увлечения глиняной игрушкой

но и фасонов и кроя. «Вот этот костюм очень мне понравился, он из Курской области, – показывает Людмила очередную куклу. – Здесь интересное украшение и сарафан необычного покроя. Он очень широкий. Когда стала разворачивать такой костюм из коллекции Глебушкина, он в ширину оказался примерно метра четыре. Вот и я пыталась сохранить пропорции». Кстати, у куклы, демонстрирующей этот костюм, нет рук, но это и неважно – все равно этот дефект незаметен из-за длинных широких рукавов. «По одной версии, такие рукава нужны были для того, чтобы невеста утирала ими слезы, оплакивая свою девичью жизнь. По другой – длинные рукава демонстрировали достаток семьи, – рассказывает Людмила. – К тому же такие рукава были своего рода оберегом. Мало ли у невесты недоброжелателей, может, она у кого жениха увела. Когда она шла в церковь на венчание, ей могли дать какую-то вещь с наговором, но если взять ее через ткань, то никакого вреда не будет».

Свой народный костюм мастерица из Завидного, конечно, тоже сшила собственными руками

Сравнивая образцы настоящих костюмов с кукольными миниатюрами, удивляешься, как точно мастерице удалось их воспроизвести. С другой стороны, оно и понятно: ведь в народном наряде нет мелочей. Это целый мир со своими символами и глубоким смыслом. А вышедшие из употребления названия частей костюма для многих из нас больше похожи на шифр. Не все смогут понять значение слов «душегрея», «андарак», «понева», «кичка», «шушпан», «шушун», «шугай», «ферязь», «охабень», «однорядка», «епанча», «мурмолка», «опашень», «очипок». Сегодня в нашем гардеробе таких предметов не встретишь. А для наших предков это была обычная одежда. О тонкостях костюмов разных губерний Мертешова может рассказать многое. Вот, к примеру, головные уборы, по которым можно было понять, в каком краю живет женщина. И каждый из них нес свой символический смысл. «Например, кичка была символом плодородия.

Когда девушка выходила замуж, ей надевали такой головной убор. Порой встречаются кички с очень высокими рогами – в это вкладывали определенный смысл: чтобы девушка нарожала много детей, чтобы в семье был достаток», – объясняет Людмила Мертешова. Вообще, в ее коллекции много свадебных костюмов, что неудивительно: бракосочетание было одним из главных событий в жизни наших предков, и наряжались они в первую очередь, когда шли под венец. Остается только удивляться тому, какие разные свадебные наряды были в прошлом! Это сейчас замуж идут в основном в белом, а тогда все было разное – и цвета, и фасоны, и набор символов. В каждой губернии невесты были по-своему хороши. Нижегородские и липецкие, орловские и тульские, архангельские и уральские... Коллекция рукодельницы охватывает географию всей России. И особое место в этом разнообразии занимает, конечно, рязанский костюм.

УЕЗДНЫЙ СТИЛЬ

Рязанские модницы прошлого знали толк в нарядах, в каждом районе имелись свои критерии стиля. «У невест Михайловского района была длинная фата, до пят, – показывает Людмила очередную куклу. – Я видела такие костюмы на фотографиях. Фата бывала по-разному отделана, в основном лентами. Длинная фата символизировала долгую супружескую жизнь».

В деревенском хозяйстве всегда много дел, но Людмила Мертешова, несмотря на занятость, находила время для творчества

Костюмы кукол отточены до мелочей, в них все как в настоящих нарядах – и нижние юбочки, и отделка, и украшения...

В родном для мастерицы Шацком районе были популярны юбки малинового или фиолетового цветов. А модель в моршанском костюме, из Тамбовской губернии, демонстрирует юбку андарак. «Я сшила ее из кусочков материи – накладывала их на ткань и пришивала, чтобы держались. Бытовали такие юбки и в нашем Шацком уезде, встречались и в Сараевском, и в Рязанском районах нашей области, – рассказывает Людмила. – А вот так я воспроизвела касимовский костюм. Была как-то в Рязанском кремле и увидела костюм касимовских татар – там есть и городской, и деревенский варианты. В праздничном использована парча. В этом костюме интересный головной убор – колпак. Когда в нашем музее проходила выставка сценических костюмов Сергея Глебушкина, я увидела такой колпак и разобралась, как он шьется. Для этого же костюма подбираю тесемки, которые напоминают татарский узор, из них потом сшила пестрый фартук. В Касимовском районе бытовали юбки красного цвета с вытканными полосками. Иногда даже в клетку. Я настрочивала черные шерстяные нитки на ткань, чтобы получить такую же клетку».

Продолжая рассказывать о нарядах Рязанского края, Людмила показывает костюм из Сасовского района: там невест наряжали в синие или красные фартуки. Работая над этим костюмом, мастерице пришлось проявить чудеса изобретательности. Дело в том, что сасовский наряд изобилует пуговицами – символами достатка. А где найти такие крохотные пуговицы? Пришлось Людмиле дыроколом вырезать из пластиковых бутылок маленькие кружочки и прожигать в них отверстия, чтобы пришить на фартук «кукольной невесте».

А в Скопинском уезде замуж выходили в костюме, обильно украшенном вышивкой. И Мертешова постаралась воспроизвести скопинские мотивы, расшив крохотный наряд. Есть и другой образец костюма из Скопинского района. «В коллекции

Глебушкина я видела вот такой костюм – с пестрым передником. Хотя обычно в этой местности передники зеленые или красные. А этот – сшитый из лоскутков. Вот я и повторила точно такой же, – делится Людмила. – Вообще, я хотела как можно шире представить наряды именно Рязанской губернии, все-таки это самое близкое, самое родное». И в коллекции действительно можно увидеть множество нарядов родного края – каждый с особенностями, характерными для определенного уезда. И все это такое крохотное, миниатюрное... Привлекает внимание куколка в оригинальной шапочке, украшенной высокими перьями. «Это костюм Орловской губернии, но встречался такой и в Тульской. Для изготовления я подобрала настоящие перья кур и индюков, – поглаживает оригинальную «шляпу» Людмила Мертешова. – В основном, конечно, индюшинные, только я покрасила их в нужный цвет. Они жесткие, хорошо держат форму».

Нельзя пройти мимо еще одной куклы в костюме ярких зеленых тонов. Малахитовые оттенки подсказывают, что это уральский наряд. «Я увидела этот костюм в книге, прочитала, что он хранится в Санкт-Петербурге. Меня костюм просто поразил, и я решила, что обязательно его сделаю, – делится мастерица. – Старалась сделать все как в оригинале, поэтому так много украшений, на Урале же изобилие самоцветов».

Нужные материалы для своего хобби она нередко покупает. «Поначалу шила из того, что было, что люди давали – подбирала более или менее подходящие, на мой взгляд, материалы и шила, – вспоминает Людмила. – Потом, когда поступила в институт и стала чаще бывать в Рязани, всегда забегала в магазины прикупить что-то интересное. Когда появилась золотая тесьма, красивые ткани, и костюмы стали выглядеть по-другому. Порой покупка материалов обходилась недешево, но так приятно, когда подберешь что-то идеально подходящее».

Рукодельный талант у Мертешовой фамильный – в ее роду было немало искусных мастериц

Золотые руки Людмилы никогда не дают покоя мастерице

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРЫХ ИГРУШЕК

Даже представить сложно, сколько кропотливого труда вложено во все эти наряды. «Вроде бы кажется, баловство – что там, сшить костюм на куклу? А на самом деле приходится возиться с ними достаточно долго. Иногда задаю себе вопрос: зачем мне это нужно? – смеется Людмила. – Ведь сидишь с каждым ко-

стюмом не менее двух недель. Еще хорошо, когда все быстро пойдет, особенно когда в костюме мало вышивки или украшений. А иногда работа идет тяжело, бывает, дело стопорится на каждом треугольничке, и распарывать приходится, и переделывать». Но это мастерицу не останавливает – она все равно корпит над каждой деталькой, подбирая цвета ниточек и бусинок, прорабатывая мелочи. Когда я рассматривала всю эту красоту, не покидала мысль – если бы я смогла нарядить хотя бы одну такую куклу, уже была бы горда собой. А здесь – около полусотни красавиц! Хочешь не хочешь, поразишься. На каждой куколке – аккуратно связанные носочки, у всех – нижние юбки, хотя, казалось бы, куклы могли бы обойтись и без них. И еще обязательно продуманные и тщательно подобранные аксессуары: сплетенные из бисера бусики, сережки, связанные крючком пояпочки. У всех моделей подкрашены губки, подведены глазки.

Нарядные куклы
прекрасно
вписываются
в интерьер дома

Словом, настоящие модницы. И мало кто может догадаться, что у некоторых из этих моделей судьба была совсем незавидная.

Вообще, сами куклы в коллекции Людмилы Мертешовой заслуживают отдельного внимания. Некоторых она реанимировала, спасая от гибели на свалке. «Сначала у меня было несколько кукол, которые остались от выросшей дочки, я обшила их. Потом, когда знакомые узнали о моем увлечении, мне стали приносить разных кукол. Конечно, большинство из них было в плачевном состоянии, – показывает своих подопечных кукольница. – Принесут куклу – жалко ее, она же напоминает детство, хочется, чтобы она жила. Приносят порой совсем заброшенных. Вот их отмываешь, причесочку делаешь, глядишь, кукла заиграла. И глазки открылись, и улыбается. А то лежала бы неизвестно где под дождем... Вот у этой, например, глаз вообще не было. Это я уже потом глаза,

Все изделия,
сделанные
руками
мастерицы
из Завидного,
получаются
очень
душевными

губы рисовала, реснички подклеивала... А вот у этой куклы была только голова, я сделала ей тряпичное тело. А этой пришила ручки и ножки от другой куклы».

После такой реставрации старые игрушки и не узнать. Рукодельница дала им вторую жизнь, обеспечив достойную «пенсию»: теперь это не просто старые куклы, а выставочные экспонаты, которые время от времени отправляются в «гастрольные туры». Выставки коллекции Людмилы Мертешовой проходили и в Рязанском кремле, и в торгово-развлекательных центрах. Правда, на межрегиональные выставки куклам пока выезжать не приходилось, но как знать, может, и такое случится в будущем.

Какая кукла из обширного кукольного коллектива была первой, Людмила сейчас вспомнить уже не может. Они все для нее родные, обо всех она трогательно заботится. В «записниках» домашнего музея Людмилы Мертешовой собралась очередь из кукол, желающих принарядиться. «У меня много планов, многое хотелось бы сшить. Как-то мы ездили в Москву – в музей в Кремле, там была выставка праздничных костюмов. На ней я увидела костюм Нижегородской губернии. Такой я нигде не встречала, он напоминает архангельский, как на одной из моих кукол, только ярко-розового цвета, с вышивкой. Этот нижегородский наряд меня привел в восторг, он очень красивый. Теперь хочу его сшить. Для него уже и кукла приготовлена, осталось только время найти, – улыбается завидновская мастерица. – Найду обязательно. Когда рукодельничая, отдыхаю душой. Забывается суета, отходят на второй план повседневные проблемы и заботы». И куклы Людмилы действительно помогают забыть бесконечную суету, согревая своим теплом тех, кто ими любит. Ведь если творить с душой, то и творения получаются душевными. 🍀

ВОЛОК ДА ВОЛОК – ВОЛОГДА!

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВОЛОГДА ОТМЕТИЛА 875-ЛЕТНИЕ НА ПАРУ МЕСЯЦЕВ РАНЬШЕ СВОЕЙ РОВЕСНИЦЫ – МОСКВЫ. ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ СОБЫТИЙ ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВ СТАЛО ОТКРЫТИЕ В МЕСТНОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ ВЫСТАВКИ «МАЛАЯ РЕКА БОЛЬШОГО ГОРОДА», РАССКАЗЫВАЮЩЕЙ О РУКОТВОРНЫХ РЕКАХ, СОЗДАННЫХ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ДЛЯ НУЖД ВОЛОГОДСКОЙ КРЕПОСТИ И СУЩЕСТВУЮЩИХ ПО СЕЙ ДЕНЬ.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В Вологде много делается для восстановления внешнего вида и истории местных водоемов – реконструируются набережные, очищаются русла речушек и ручейков, названия которых помнят только старожилы и краеведы. И это объяснимо: история города, который до по-

стройки Санкт-Петербурга был одним из важнейших портов в торговле с границей, тесно связана с реками.

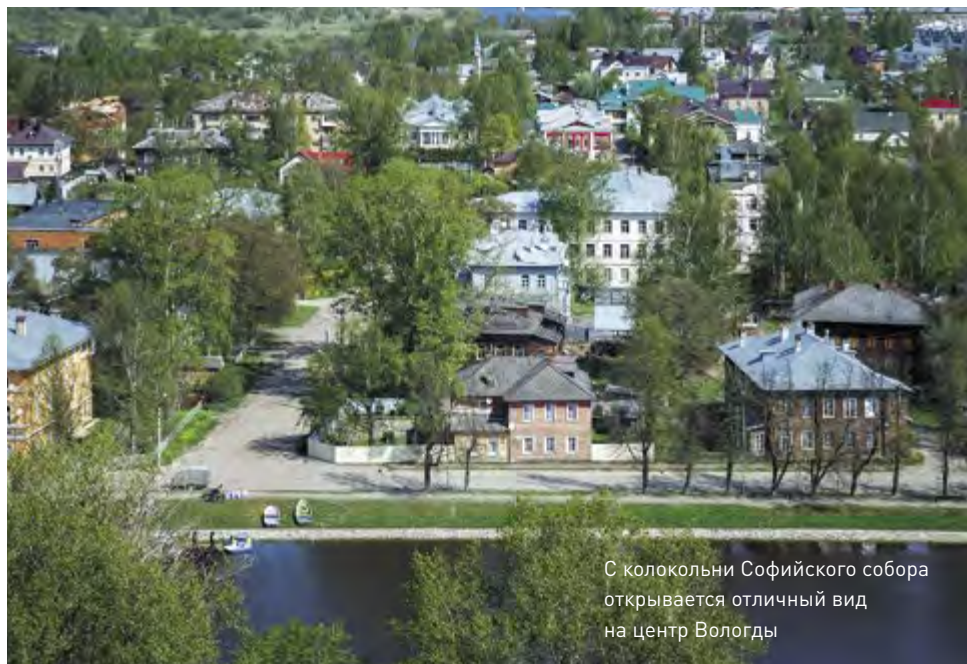
Да и свое название Вологда получила по имени реки. И до сих пор существует и Кайсаров ручей, на котором, согласно летописям, был создан в XII веке мужской монастырь, давший начало городу.

ГОРОД НА БЕЛОЙ ВОДЕ

«А где же Волга?» – разводят руками гости Вологды, давно не заглядывавшие в карту. Волги в Вологде нет и не было, но этимологическую близость туристы уловили правильно. Некоторые отечественные и финские ученые считают эти названия однокоренными, доказывая их вепсское происхождение.

Слог -al- в древневепсском valgeda, означавшем «река с белой (чистой) водой», в русском языке превратился в «оло» – так и возникло слово «Вологда». Впрочем, стоит напомнить, что существует и другая теория возникновения топонима «Волга», связанная с праславянским корнем и родством со словом «влага».

Свои защитники славянского корня есть и у Вологды. И среди них – уроженец края, известный журналист и писатель Вла-

С колокольни Софийского собора открывается отличный вид на центр Вологды

Река Вологда – в переводе «река с белой (чистой) водой» – дала название городу

жет быть, и названия не имело. И вернулся непроходимыми лесами оттуда в Новгород какой-нибудь поселенец и рассказывает, как туда добраться. – Волок да волок, волок да волок, а там и жилье. И невольно останется в памяти слушающего музыка слов, и безымянное жилье стало: – Вологда».

ВОЛОГДА И ЗЛОТУХА

«Летом искупаться негде, а мостов – за день не обойдешь», – обычно удивляются туристы. Река Вологда протекает по центру города, быстрой и глубокой ее не назовешь, впрочем, и в живописности не откажешь. Отражения в воде реки храмов и церквушек, стоящих на разных берегах, нередко соприкасаются главами. Любоваться красотой пожалуй на вологодские набережные, а хотите купаться – отправляйтесь на Кубенское озеро, до которого езды полчаса.

Сейчас трудно поверить, что до постройки Санкт-Петербурга неширокая река Вологда была важной государственной магистралью для торговли России с европейскими странами, которая проходила через северные рубежи. Товары из Москвы везли по суше до Вологды, а там перегружали на суда до Архангельска. На улицах Вологды говорили на английском, немецком, голландском и других языках.

По данным историков, в конце XVII века в городе постоянно проживали 40 голландских, 5 английских, 5 немецких семей. Кроме того, 7 семей числятся под неопределенной формулировкой «иноземные

димир Гиляровский. В «Моих скитаниях» он писал: «В Вологодской губернии тогда каждый лес звался волоком. Да и верно: взять хоть поморский этот скит, куда ни на какой телеге не проедешь, а через болота всякий груз приходилось на себе волочь или на волокушах – нечто вроде саней, без полозьев, из мелких деревьев. Нарубят, свяжут за комли, а на верхушки, которые не затонут, груз кладут. Вот это и волок.

– Не бегай в волок, волк в волоке, – говорят ребятишкам.

Вологда. Корень этого слова, думаю, волок и только волок. Вологда существовала еще до основания Москвы – это известно по истории. Она была основана выходцами из Новгорода. А почему названа Вологда – рисуется мне так.

Было на месте настоящего города тогда поселенище, где жили новгородцы, которое, мо-

Через Золотуху в городской черте переброшено 17 мостов

гости». Торговое значение города пять раз приводило в Вологду Петра I.

«Белую воду», закодированную в вепском названии, в Вологде не сохранили, пятнадцать лет назад местную реку назвали одной из самых загрязненных рек бассейна Северной Двины. Жители города жаловались на воду с неприятным запахом и цветом, особенно проблема обострялась в жаркие летние месяцы. Несколько лет назад область и город выделили почти полмиллиарда рублей на поэтапное решение проблемы, и качество воды постепенно улучшается.

Впрочем, в Вологде протекает не только река Вологда. Не менее знаменита река Золотуха, через которую в городской черте переброшено 17 мостов, что в несколько раз больше, чем через ее более полноводную соседку. Иногда только мост и указывает на то, что идешь над рекой, которая скромно и неприметно журчит в камышах. Золотуха интересна своей историей, тесно связанной с именем Ивана Грозного, и, в отличие от большинства водоемов, имеет год рождения. В летописи

в рядах, построенных в конце XVIII – начале XIX века, и сегодня кипит торговля

сообщается, что в 1568 году «Великий Государь Царь Иван Васильевич повелел копати Шограш, Содемку и Золотуху реки» для нужд крепости, которая строилась в Вологде. Считается, что для земляных работ были задействованы пленные татары, турки и литовцы. Крепость та не была достроена (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2018 год, статья «Восставшая из пепла». – Прим. ред.) и не оставила следов в современном городе, однако местные археологи почти ежегодно представляют новые находки,

относящиеся к эпохе правления Ивана Грозного. Благодаря раскопкам стал известен масштаб крепости, площадь которой была в полтора раза больше территории Московского Кремля, а расчетный размер башен равнялся по высоте современным девятиэтажным домам. Золотуха и другие реки и каналы должны были обеспечить защитников крепости водой, а также наполнить рвы, выкопанные вокруг крепости. Спустя сорок лет после первого упоминания Золотуха встречается в «Дневнике Марины

В Вологде три набережных, Кремлевская считается самой туристической

Мнишек», написанном, как считают историки, неизвестным поляком, оказавшимся в Вологде. «Город окружен стеной, но недостроенной и не пригодной для защиты, – говорится в «Дневнике». – Река Вологда невелика, течет под городом. От нее кругом идет овраг, который окружает другую сторону города, воду, текущую в том овраге, называют Золотухой».

Золотуха – рукотворная река, текущая из живого источника. За городом она носит название «Содема». Точнее, Зо-

лотуха, прорытая по городу, является частью Содемы. Золотуха невелика, ее длина не превышает 15 километров. Но тот, кто решится пройти ее из конца в конец, столкнется с некоторыми трудностями. В некоторых местах Золотуха напоминает петербургский канал, и благодаря этому она оказалась на известных вологодских открытках с достопримечательностями. Но на других участках река сжимается до ручейка, а то и вовсе уходит в железобетонную трубу, проложенную под парковкой у

Гуляя по центру Вологды, легко представить купеческий город XVIII–XIX веков

Многие старинные здания города лучше всего открываются с воды

торгового центра. О происхождении названия Золотухи точных сведений нет, существует только предположение, что в ее водах мыли золото.

Выставка «Малая река большого города» представила десятки археологических экспонатов, найденных на берегах Золотухи-Содемы в разные времена. Выставка – лишь первый этап масштабного проекта, конечная цель которого – «экологическая реабилитация Содемы».

Сооружение рукотворных рек, каналов и рвов отразилось в топонимах Вологды. Например, в реке Чернавке, существующей по сей день, при Грозном гашили известь. Улица, на которой это происходило, получила название Гасиловской, сейчас она носит имя Чехова. В месте слияния трех рукотворных рек – Золотухи, Чернавки и Копанки – лежали горы глины и песка, оставшиеся после работ, и место получило название «Глинки». Район давно так не называют, но сохранилась церковь Николая Чудотворца на Глинках, которая во времена Ивана Грозного была деревянной.

ОТ КАЙСАРОВА РУЧЬЯ

Стены Вологодского кремля одной стороной выходят на реку Вологду. Лучший вид на водоем, да и на весь город, открывается с колокольни Софийского собора, вход на которую открыт в теплое время года. Прогулка по берегам главной вологодской реки – то, без чего не узнаешь подлинной Вологды, здесь собраны главные достопримечательности города. К слову, в Вологде три набережных, Кремлевская считается самой туристической. Прогулку можно начать от памятника поэту Константину Батюшкову, кстати, уроженцу Вологды. Скульптор Вячеслав Клыкков, автор памятника маршалу Жукову на Манежной площади в Москве, изобразил в бронзе Батюшкова вместе с конем. Композиция была открыта в 1987 году – к 200-летию поэта. А вот две девушки из бронзы, расположенные в некотором отдалении от фигуры поэта, вовсе не отдельные изваяния, а героини единой композиции: это – музы стихотворца. Крестьянка, играющая на свирели, напоминает о том, что поэт черпал вдохновение в народном творчестве, а фигура Афины отсылает к военной поэзии Константина Батюшкова.

Бронзовый Батюшков с конем был установлен в 1987 году, к 200-летию поэта

Вологодский резной палисад встречается не только в песнях

Если двинуться по набережной в сторону кремля, можно увидеть музей писателя Варлама Шаламова, который родился в самом центре Вологды в семье священника. А также памятник преподобному Герасиму Вологодскому. Скульптура небольшая – немногим более метра, но она неизменно привлекает внимание гуляющих. Памятник установлен в том месте, куда, как считается, пришел из Киева в 1147 году основатель

вологодского мужского монастыря Святой Троицы, а вместе с ним и города. В Житии Герасима указано, что обитель была основана на Кайсарове ручье. Он существует и поныне. Каждое жаркое лето жители с тревогой наблюдают его полное исчезновение: ручей пересыхает, а его дно частично зарастает. Но всякий раз ручей появляется вновь, а во время паводков разливается на десятки метров в ширину. Необычное для

Деревянное зодчество – особая часть вологодской архитектуры

Русского Севера название связывают с именем воина из Золотой Орды, который перешел на службу к русским.

Туристы с удовольствием фотографируются у памятника букве «О» и скульптуры бронзовой собачки, с известной целью задравшей лапу у столба. Между прочим, это памятник вовсе не четвероногому, как можно было бы подумать, а первому электрическому фонарю Вологды. Что касается памятника букве «О», то его установили десять лет назад по инициативе вологодских студентов.

Оканья, тесно связанного с образом вологжан, здесь не стесняются, а, напротив, гордятся им. В фольклорных ансамблях и клубах Вологды развивают характерный говорок, обучаясь ему в этнографических экспедициях в глубинку.

В самой Вологде настоящего оканья почти не услышишь, как и на западе региона, граничащего с областями Центральной и Северо-Западной России. Зато гости вотчины Деда Мороза в Великом Устюге могут насладиться музыкальной вологодской говорой в любом магазинчике или киоске.

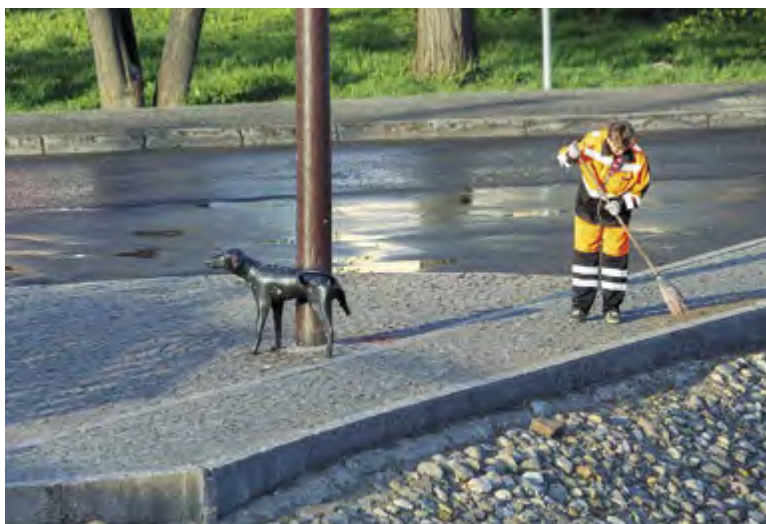
Оканья в Вологде не стесняются, наоборот, устанавливают букве «О» памятники

КУПОЛА И КОЛОННЫ

При Иване Грозном Вологда, как утверждают историки, едва не стала столицей России. Позднее она приобрела статус главного места политической ссылки в России. Подлинный расцвет город пережил в XVI–XVIII веках, когда Вологда сделалась одним из торговых центров Русского Севера. Купеческие фамилии, разбогатевшие в городе, известны современным вологжанам в том числе благодаря названиям сохранившихся исторических зданий.

XVIII век представлен в современной Вологде достаточно полно и разнообразно. В центральных районах города встречаются жилые дома и присутственные здания постройки того времени. В некоторых из них и сегодня справляют муниципальную службу. Например, в Губернаторском доме, возведенном в XVIII веке на месте бывшего соляного подворья Спасо-Прилуцкого монастыря, сегодня регистрируют браки вологжан.

Кипит жизнь и в торговых рядах, возведенных в центре Вологды в конце XVIII – начале

Это памятник вовсе не собаке, а первому электрическому фонарю Вологды

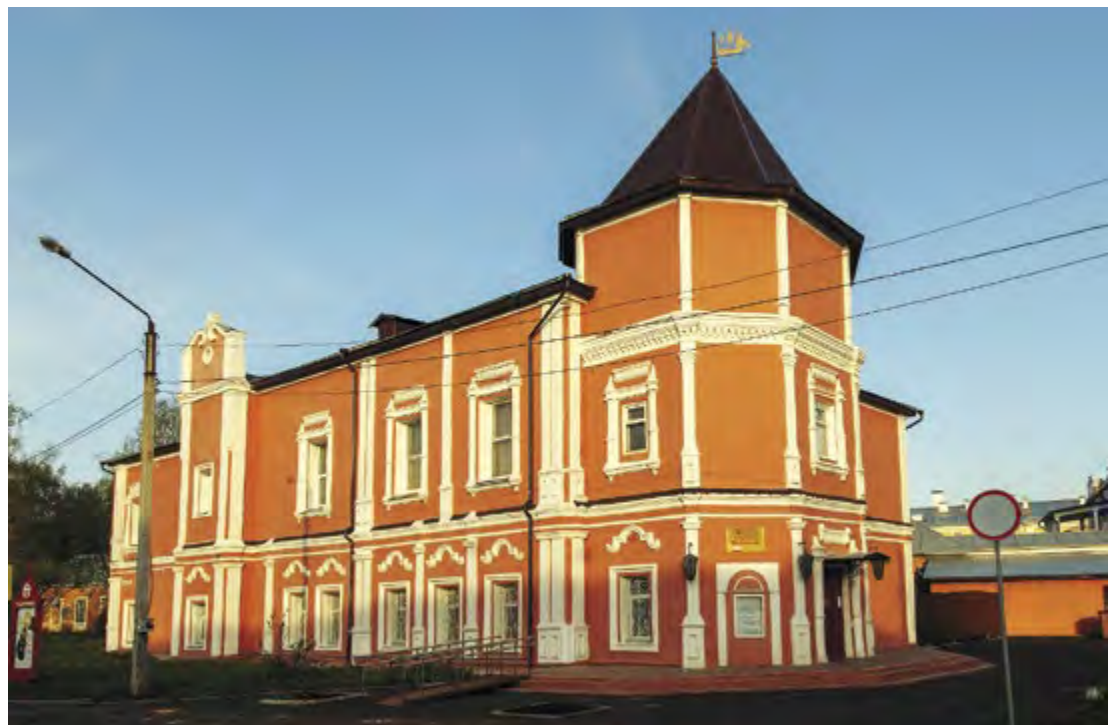

Парк вокруг Вологодского кремля – излюбленный уголок для прогулок туристов и горожан

XIX века. Комплекс объектов культурного наследия федерального значения объединен единым архитектурным стилем – классицизмом. Как двести с лишним лет назад, так и сейчас в здании размещаются лавки с отдельными входами. Ежегодно в январе в этих торговых рядах проходила знаменитая на всю страну Вологодская зимняя ярмарка. Каждый торговый ряд имел свое название: меховые ряды, Железные ряды, Рыбные и Кожевенные ряды. Сейчас историческое здание занимают «лавки» торгового центра, в которых можно купить и меха, и кожу, и рыбу, и многое другое.

Но самыми древними сооружениями Вологды являются храмы, она сохраняет звание одного из самых богатых на памятники русского зодчества города России. В современной Вологде сохранились 83 храма, реестр исчезнувших церквей в несколько раз больше!

Некоторые из них изменились до неузнаваемости. Кто признает в ярко-красном здании театра кукол «Теремок», похожем на готический замок, церковь XVIII века? Церковь Зосимы и Савватия Соловецких возводи-

Кукольный театр «Теремок» располагается в перестроенной церкви

История театра в Вологде ведется с XIX века, новому зданию уже полвека

ли в 1759–1773 годах, в XX веке она была практически полностью перестроена, а в 1929 году отдана под клуб печатников и металлистов. Когда в 1966-м здание, не раз перестроенное при участии местных архитекторов, перешло к кукольному театру, оно было похоже на теремок. Так и появилось название театра.

Кстати, первый театр в Вологде появился в середине XIX века. Помните героев пьесы Александра Островского «Лес» – актеров Счастливецва и Несчастливецва, которые встретились по пути из Вологды в Керчь? Произведение было написано в 1870 году, и в это время в Вологде уже было где играть. Первое здание театра было де-

ревянным и сторело спустя девять лет после постройки. Горели и другие театры, которые строились в Вологде позже. И только в XX веке в городе построили здание театра из камня. Вологодские зрители видели на местных подмостках ведущих русских артистов того времени, включая Комиссаржевскую и Савину. Согласно архивным данным на конец XIX века, в сезон здесь показывали по 70 спектаклей.

В 1974 году, к 125-летию вологодского театра, местный драмтеатр – крупнейший в Вологодской области – получил новое здание, построенное по проекту московского НИИ экспериментального проектирования. На сцене театра, который и спустя полвека не утратил экспериментальности, можно увидеть помимо классики и современных комедий постановки по стихам местного поэта Николая Рубцова и спектакли об истории Вологды.

Каждое лето артисты драмтеатра выходят играть исторические пьесы под старинные своды Вологодского кремля, и бессмертные строки летят над рекой Вологдой, смешиваясь с колокольным звоном... ❀

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ru

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delipress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.russkiimir.ru